



• МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО •



ХОСЕ МАРТИ



О. ТЕРНОВОЙ

ХОСЕ МАРТИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО

«МЫСЛЬ»

Москва 1966

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Терновой Олег Сергеевич (р. в 1933 г.) — советский ученый, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Специализируется в области истории прогрессивной идеологии Кубы и Латинской Америки, а также в области этики и исторического материализма.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из ярких проявлений совершающегося в нашу эпоху революционного преобразования мира на принципах свободы, демократии и социализма является победа кубинской революции 1959 г. Маленькая героическая Куба стала первой свободной территорией Америки, неугасимым маяком свободы, освещающим путь к социализму народам Американского континента.

Эта революция подготовлена длительной историей самоотверженной борьбы кубинского народа за свою свободу и независимость. Многие революционеры отдали свою жизнь, прежде чем долгожданная свобода и независимость были наконец завоеваны. Кубинская революция 1959 г. подхватила революционную эстафету своих героических предшественников, среди которых особое место занимает великий революционер-демократ Хосе Марти (1853—1895).

Идеолог, организатор и вождь кубинской революции 1895 г., Марти всю свою полную

невзгод и лишений жизнь революционера-профессионала посвятил делу беззаветного служения народу, борьбе за его свободу и независимость.

Марти был не только пламенным революционером, но и выдающимся мыслителем, поэтом и писателем своего времени. Его духовное наследие представляет ценнейший вклад в сокровищницу передовой общественной мысли прошлого столетия Кубы и вообще всех стран Латинской Америки, связанных общностью судеб. Центральное место в его творчестве занимали проблемы национального освобождения Кубы от колониального гнета Испании, а также задачи борьбы с новым врагом независимости латиноамериканских народов, который пришел на смену испанскому колониализму, — американским империализмом.

Передовые идеи Марти и поныне служат идейным оружием в идеологической борьбе, которую ведет кубинский народ против американского империализма и его агентуры — «гусанос» («червей»), как презрительно называют на Кубе контрреволюционных отщепенцев. На острове Свободы бережно хранят и продолжают революционные традиции Марти, свято чтут память о нем как о своем национальном герое и учителе. Кубу по праву называют страной Марти. Здесь многое напоминает о великом мыслителе и революционере: дом-музей в Гаване, где он родился, названные в его честь аэропорт Га-

ваны, центральная площадь столицы, на которой отмечаются революционные праздники; к его монументу в Гаване возлагают венки все прибывающие на Кубу делегации из дружественных стран. Ежегодно 28 января отмечается День памяти Марти.

После революции 1959 г. на Кубе было опубликовано двадцатипяти томное собрание сочинений Марти. В 1961 г. Национальное издательство Кубы приступило к публикации тематического собрания его сочинений в тридцати томах, среди которых следует отметить такие важные разделы, как «Политика и революция» (т. 1—4), «Наша Америка» (т. 6—8), «В Соединенных Штатах Америки» (т. 9—13), «Поэзия» (т. 16—17) и др.

Имя Марти близко и дорого советскому народу, всему прогрессивному человечеству. В 1953 г. народы многих стран, всего социалистического лагеря, в том числе Советского Союза, по призыву Всемирного Совета Мира торжественно отметили столетие со дня его рождения. Произведения Марти переведены на многие иностранные языки.

Советский читатель знаком с сочинениями Марти по переводам его произведений, изданным в нашей стране. Большой интерес для ознакомления с отдельными сторонами жизни и творчества Марти представляют работы видного кубинского историка Роига де Леучсенринга «Хосе Марти — антиимпериалист», а также советских авторов Л. И. Визена, А. М. Зориной, В. С. Столбова и дру-

гих; однако в нашей литературе еще нет работы о мировоззрении Марти в целом. Цель данной небольшой книги — познакомить советского читателя с основными сторонами общественно-политических и философских воззрений Марти.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в работе над книгой доктору философских наук, профессору И. Н. Лущицкому и кандидатам наук А. Р. Бургете и Н. С. Чекмазовой.

МАРТИ И ЕГО ЭПОХА

1. ОСТРОВ САХАРА И РАБОВ

Жизнь и деятельность Хосе Марти неразрывно связаны с борьбой кубинского народа против колониального господства Испании во второй половине XIX в. Эта борьба явилась закономерным продолжением исторического поворота в судьбах латиноамериканских народов, начатого великой войной за независимость в Латинской Америке 1810—1826 гг., во главе которой стояли такие выдающиеся борцы за национальное освобождение, как Симон Боливар, Мигель Идальго и Хосе Сан-Мартин. Оценивая их роль в истории латиноамериканского национально-освободительного движения, Марти в работе «Три героя» писал: «...три героя в Америке священные: Боливар из Венесуэлы, Сан-Мартин из Рио-де-Ла-Платы, Идальго из Мексики» (11, стр. 138) *.

* Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер в списке литературы (в конце книги), где указаны выходные данные цитируе-

Война за независимость испанских колоний в Америке 1810—1826 гг. по своему характеру была буржуазной национально-освободительной революцией. Ее главным итогом явилось уничтожение на Американском континенте колониальной системы Испании и Португалии и образование на ее развалинах независимых государств Латинской Америки. Национальная независимость Гаити была провозглашена в 1804 г., Парагвая и Венесуэлы — в 1811 г., Аргентины — в 1816 г., Чили — в 1818 г., Колумбии — в 1819 г., Перу, Мексики и стран Центральной Америки (Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа) — в 1821 г., Бразилии и Эквадора — в 1822 г., Боливии — в 1825 г. и Уругвая — в 1828 г., Доминиканской республики — в 1844 г.

Куба и Пуэрто-Рико остались под властью Испании вплоть до 1898 г. Попытки Боливара в первой четверти XIX в. освободить эти острова не увенчались успехом. Испании, обладавшей довольно сильным флотом, удалось удержать свои островные владения. Однако это лишь отсрочило, но не отвратило исторической неизбежности краха испанского колониального владычества.

К середине XIX в. испанский колониальный режим на Кубе мало в чем изменился.

мого произведения; если это произведение включено в приложение к данной книге, то вместо цифры указывается «приложение».

Руководствуясь интересами метрополии и ее торговцев, он поддерживал систему беспощадной эксплуатации местного населения, препятствовал развитию производства и обмена с другими странами. Это серьезно задевало интересы местных собственников-креолов, стремившихся расширять свое хозяйство и торговые операции. Вся законодательная, исполнительная и судебная власть на острове осуществлялась представителем Испании — капитан-генералом (губернатором). Последний фактически пользовался неограниченными прерогативами и управлял, совершенно не считаясь с интересами и мнением местных жителей.

Население острова было бесправным. В конце колониального периода только 3% всего населения Кубы пользовалось избирательным правом, причем в испанские кортесы от 14 тыс. испанцев, проживавших на Кубе, посылалось 16 депутатов, а от 1 млн. уроженцев острова — всего 8.

На Кубе, этой колониальной вотчине монархической Испании, в резкой форме отразились все пороки метрополии. Находясь в Испании, Марти писал в 1873 г.: «Испания— страна разъединенная, разобщенная, с ее лживыми политиками и продажным чиновничеством, с отсталой промышленностью и пришедшей в упадок торговлей, страна, опустошенная и разоренная, не может вести Кубу туда, куда влекут ее молодые силы, куда торговые и культурные связи с новыми и процветаю-

щими странами притягивают ее с непреодолимой силой» (11, стр. 235).

В XIX в. Куба представляла собой отстающую аграрную страну со слабо развитой промышленностью. Плантационное хозяйство, использовавшее принудительный труд негров-рабов и рассчитанное на экспорт различных продуктов сельскохозяйственного производства, составляло почти в течение всего прошлого века основу кубинской экономической системы. Лишь в 1886 г. на Кубе было отменено рабство, которое наряду с колониальным режимом серьезно тормозило развитие в стране капиталистических отношений. К концу XIX в. экономика Кубы, все более и более специализировавшаяся на производстве сахара, приобретает ярко выраженный монокультурный характер. Увеличив производство тростникового сахара с 10 тыс. т в 1774 г. до 1 млн. т в 1894 г. (около одной трети мирового производства), маленькая страна превратилась в огромный центральный (сахарный завод), работающий на мировом рынке. Монокультурность экономики поставила всю жизнь острова в полную зависимость от конъюнктуры этого рынка.

Положение Кубы усугубилось тем обстоятельством, что в 90-е годы она фактически попала в зависимость от одного рынка — рынка Соединенных Штатов Америки. В 1894 г. 90% кубинского сахара экспортировалось в США. К этому времени на самом острове уже успели прочно обосноваться пер-

вые американские компании (Аткинса и др.), ставшие крупными владельцами плантаций сахарного тростника и сентралей: стоимость сентралей, принадлежавших американцам, составляла 20 млн. песо, а все инвестиции США на Кубе достигли 50 млн. долл. Возраставшая экономическая зависимость Кубы от США являлась грозным симптомом уже начавшегося процесса превращения страны, еще не успевшей сбросить иго испанских рабовладельцев, в колониальную вотчину новых хозяев — американских империалистов.

На основе развития производства сахара на экспорт и формирования капиталистических отношений происходили значительные изменения в промышленности и сельском хозяйстве, в национальном составе населения и в классовой структуре кубинского общества. По сравнению с 1774 г. население Кубы к 1861 г. выросло в 8 раз и составило около 1,4 млн. человек. Рост населения происходил в основном за счет ввоза рабов африканского происхождения. Если с 1512 по 1790 г. на Кубу было ввезено 90 тыс. рабов, то за период с 1790 по 1880 г. — 900 тыс. Рост населения сопровождался уменьшением удельного веса прослойки испанцев — уроженцев метрополии и увеличением новой группы населения — креолов, т. е. родившихся на острове потомков главным образом тех испанцев, которые уже считали Кубу своей родиной. В 1861 г. 46% населения Кубы составляли

креолы, 28 — негры-рабы, 16 — свободные «цветные», 8 — испанцы, 2% — китайцы.

Испанский колониальный режим на Кубе характеризовался тесным переплетением национального и социального гнета. Долгое время законы, устанавливавшие национальную и расовую дискриминацию и защищавшие основанную на рабстве систему общественных отношений, прямо и непосредственно определяли социальное положение человека. Поэтому национальный состав населения в известной степени отражал классовое деление общества, его социальную структуру.

На самом вершине социальной иерархии находился небольшой привилегированный слой из представителей землевладельческой олигархии, богатого купечества, крупного духовенства, военной и чиновной знати, которые в большинстве своем были испанцами; в системе колониального управления испанцы занимали все высшие военные, административные и церковные должности. Менее привилегированное положение занимали креолы — собственники плантаций и животноводческих хозяйств. Ниже их находились незначительная прослойка местной национальной буржуазии, а также довольно широкий слой чиновников, военных, интеллигенции. Еще ниже располагались мелкие и средние крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы, наемные рабочие. И наконец, в самом низу социальной иерархии находились негры-рабы; лишенные какой-либо собственности после

освобождения в 1880—1886 гг., они сразу же оказались на положении наемных сельскохозяйственных и городских рабочих; лишь немногие негры после освобождения «выбились в люди», превратившись в мелких собственников земли или самостоятельных ремесленников.

С развитием капитализма на Кубе, в особенности после отмены рабства, классовая дифференциация, уже ранее наметившаяся во всех без исключения национальных и расовых группах, еще более усилилась и во многом способствовала сближению и нивелированию по своему социальному положению всех «бедняков земли» независимо от цвета кожи и национальной принадлежности. Среди белого населения как испанского, так и креольского происхождения к этому времени уже четко выделилось эксплуататорское меньшинство, в руках которого концентрировались власть и богатство, и неимущее большинство, которое, несмотря на националистические и расистские пережитки прошлого, тяготело к солидарности со своими братьями по классу из среды негритянского и мулатского населения. Это начавшееся изменение отношения к неграм и мулатам со стороны малоимущего белого населения было окончательно закреплено совместно пролитой кровью на полях сражений за национальную независимость. «На войне, — писал в 1894 г. Марти, — все смотрели в глаза смерти, все были одинаково наги и босы и не было разницы

между негром и белым, война их уравнила и породнила» (11, стр. 269). Не случайно имена белого потомка испанцев Х. Марти и мулата, потомка негров-рабов, А. Масео * стали не только образцами героизма в борьбе за национальное освобождение Кубы, но и символами единства складывающейся из разноплеменного населения молодой кубинской нации.

XIX век, ознаменовавшийся глубокими изменениями социально-экономической структуры Кубы, занимает также видное место в истории ее идеологии, науки и культуры. Процесс становления кубинской нации, обусловленный кризисом феодально-колониального строя и развитием капитализма на Кубе, сопровождался и формированием национального самосознания народа. Выразителями интересов складывающейся нации, патриотических настроений кубинцев стали люди передового образа мыслей и большого таланта: первый поэт Кубы Хосе Мариа Эредиа (1803—1839), ее первый крупный мыслитель

* Антонио Масео (1845—1896) — соратник Марти, герой двух войн за независимость Кубы: 1868—1878 и 1895—1898 гг. Родился в крестьянской семье. Вся семья Масео дала клятву: «Мы, Масео, клянемся умереть за Родину!» Эта клятва была сдержана с честью. Многие из них, в том числе и Антонио, «бронзовый титан», как его с любовью звали повстанцы, погибли сражаясь, но не стали на колени перед врагом. Символом мужества и патриотизма стали также образы его матери Марианны Грахалес и жены Марии Кабралес.

Феликс Варела-и-Моралес (1787—1853), основатель национальной музыкальной школы композитор Мануэль Самуэль Робредо (1817—1870), выдающийся философ Хосе де ла Лус-и-Кабальеро (1800—1862), видный идеолог и ученый Хосе Антонио Сако (1797—1879). Это перечисление замечательных имен можно было бы продолжить. Как справедливо заметил президент Академии наук Кубы профессор Антонио Нуньес Хименес, «своих выдающихся представителей кубинский народ дал всем областям искусства, науки и культуры» (29, стр. 81). Все помыслы этих передовых деятелей были направлены на достижение независимости Кубы, на борьбу с колониальным режимом и его реакционной феодально-религиозной идеологией.

Идеологической опорой колониального господства Испании была католическая религия. В течение всего колониального периода католическая церковь, превратившаяся в руках инквизиции в самое страшное орудие испанского абсолютизма и колониального владычества, сохраняла безраздельное господство над умами людей. Она крепко держала в своих руках просвещение и общественную мысль, в том числе и философию, препятствуя их свободному развитию. Лишь в конце XVIII — начале XIX в. под влиянием французской буржуазной революции 1789 г. и войны за независимость в Латинской Америке 1810—1826 гг. на Кубе начи-

нается процесс освобождения философии из оков теологии. Несмотря на все препятствия, чинимые колониальными и церковными властями, на остров проникают из Европы прогрессивные идеи философии и естествознания.

В 1797 г. публикуется первое на Кубе философское произведение — «Избранная философия» Хосе Агустина Кабальеро (1767—1835), в котором содержался протест против засилья схоластики и призыв к изучению физики, химии, анатомии. Более решительным оказался его последователь Феликс Варела, впервые осуществивший на Кубе, в семинарии Сан-Карлос, реформу в преподавании философии; в результате этой реформы схоластика была упразднена, а философия получила право на самостоятельное существование, освободившись от незавидной роли служанки теологии. Ф. Варела написал ряд философских работ, в том числе «Философскую смесь», в которых отстаивал опыт, разум, науку как единственные достоверные источники знания об окружающем нас мире в противовес схоластике, которая «отвернулась от реальной жизни». Линию Варелы продолжил Хосе де ла Лус-и-Кабальеро, утверждавший в основном с материалистических позиций эмпиризм и сенсуализм как основополагающие принципы научного метода познания. В 1838—1839 гг. он написал полемическое произведение «Вопрос о методе», направленное против спиритуализма, видны-

ми представителями которого были братья Хосе и Мануэль Сакариас Гонсалес дель Валье. Эта полемика рельефно отразила борьбу двух основных направлений в кубинской философии XIX в.: складывающегося и еще не свободного от теологической непоследовательности материализма, с одной стороны, и спиритуализма, выступившего в роли хранителя и продолжателя традиций средневековой схоластики, — с другой.

Борьба идей в философии непосредственно была связана с политикой. Спиритуализм в тесном союзе с католицизмом поддерживал и оправдывал колониальный гнет, в то время как Варела и Лус выступали против рабства, за независимость Кубы. Их передовые философские и политические идеи сыграли важную роль в идеологическом обосновании необходимости и справедливости национально-освободительной борьбы кубинского народа, переросшей во второй половине XIX в. в открытую войну против Испании.

10 октября 1868 г. на Кубе началась Десятилетняя война за независимость, завершившая первый этап кубинского национально-освободительного движения, которое возглавили либерально настроенные помещики-креолы. Именно их представители Карлос Мануэль де Сеспедес и Игнасио Аграмонте стали руководителями начавшейся войны за независимость. В связи с тем что в эту войну были вовлечены широкие народные массы, она приобрела народный характер и явно

вышла за рамки, которыми хотели ограничить ее либеральные помещики; недаром повстанцев называли «мамби» — словом народного, по-видимому африканского, происхождения. Интересы мамби представляли и активно защищали генералы Антонио Массео, Массимо Гомес и Каликто Гарсиа, ставшие впоследствии ближайшими соратниками Хосе Марти. Под давлением народных масс 10 апреля 1869 г. в городе Гуаймаро (провинция Камагуэй) конституционное собрание восставших провозгласило Кубу независимой республикой. Одновременно была принята конституция и отменено рабство. Сеспедес был избран президентом республики. Однако размах восстания и его народный характер напугали либеральных помещиков. В лагере повстанцев наметился раскол: Сеспедес склонялся к установлению диктатуры, Аграмонте выступал за сохранение республики. Благодаря вмешательству народа республика была сохранена, Сеспедес был смещен с поста президента, и его место занял Аграмонте. Марти высоко оценивал этот подвиг народа: «Требую уважения к законам свободы, он без страха и сомнений выбил меч из рук самых прославленных полководцев, претендовавших на захват власти» (приложение, стр. 184).

Серьезные разногласия в лагере повстанцев, вызванные непоследовательностью и колебаниями креолов, подорвали единство борцов за независимость и во многом спо-

существовали поражению в войне. 10 февраля 1878 г. креольское руководство подписало компромиссный Санхонский пакт, по которому Испания сохраняла суверенитет над островом, но обещала провести некоторые реформы. Этот пакт Масео справедливо назвал «миром без независимости». Но хотя главная цель войны и не была достигнута, десятилетняя борьба привела к уничтожению рабства и росту революционного сознания народа. Ее опыт был использован при подготовке войны 1895—1898 гг., победа которой увенчала второй этап кубинского национально-освободительного движения.

На этом втором этапе движение за независимость Кубы растет вглубь и вширь, знаменуя собой новую, более высокую форму революционной национально-освободительной борьбы. В качестве основной его движущей силы выступают трудящиеся массы — крестьянство и бывшие негры-рабы. Активную революционную роль в борьбе за социальное и национальное освобождение играл молодой кубинский пролетариат. Первый же рабочий конгресс, состоявшийся на Кубе в 1892 г., заявил о своей полной поддержке борьбы за национальную независимость. Конгресс подчеркнул, что составной ее частью является борьба за социальное освобождение трудящихся на основе идей революционного социализма. Однако в то время кубинский пролетариат еще не имел своей марксистской партии (она была создана в 1925 г.) и не

мог выступить в качестве самостоятельной политической силы, способной возглавить борьбу кубинского народа за свою независимость.

Вождями национально-освободительной борьбы были Х. Марти и А. Масео, которые сумели провести во всех принципиальных вопросах национального освобождения последовательную революционно-демократическую линию народных масс — крестьянства и зарождавшегося пролетариата.

2. ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

Хосе Хулиан Марти-и-Перес родился 28 января 1853 г. в Гаване. Сын бедного армейского сержанта, Марти очень рано столкнулся с печальными картинами тогдашней кубинской действительности. С детских лет наблюдая произвол испанской колониальной администрации, бесправие народа, страдания негров-рабов, он проникся горячей любовью к угнетенным и дал себе клятву «отомстить за тех, кто жизнь влачит в неволе» (11, стр. 112).

Большое влияние на юношу оказали проникнутые пафосом национально-освободительной борьбы стихи кубинских революционных романтиков Эредиа, Дельмонте и др. К этим поэтам принадлежал также Рафаэль Мариа Мендиве, директор школы «Сан-Пабло», в которой учился Марти. Под

его влиянием Марти начинает писать стихи в духе революционного романтизма.

Марти восторженно встретил известие о начале революции 1868 г., опубликовав в рукописном школьном журнале сонет «10 октября»:

Сбылась моя мечта... Воспрянул мой народ,
Народ моей страны, народ любимой Кубы!
Три века он страдал, до боли стиснув зубы,
Три века он терпел насилие черный гнет...

И цепи разорвав, народ мой величаво
Теперь идет путем свободы и побед.
Сбылась моя мечта, ее прекрасней нет!

(11, стр. 125).

Вскоре Марти публикует другое свое произведение. 23 января 1869 г. на страницах первого (и единственного) номера газеты «La Patria Libre» («Свободная родина») появилась его патриотическая революционно-романтическая драма в стихах «Абдала». Герой драмы мужественный нубийский вождь Абдала решительно заявляет:

Кто страстно хочет родине помочь,
Ни смерти, ни препятствий не страшится.
Тирана ярость презирает он,
Встречает грудью каждую угрозу,
И если с неба надо взять победу,
Он явится без страха и на небо!

(11, стр. 31).

Абдала — собирательный образ восставшего кубинского народа, борющегося за свою свободу и национальную независимость.

И хотя герой драмы погибает, произведение проникнуто глубокой верой в победу народа. Сам Абдала умирает со словами:

Прекрасна смерть, когда мы умираем
За родину и за ее свободу!

(11, стр. 36).

21 октября 1869 г. в обстановке реакции усиливаются преследования борцов за независимость. Марти был арестован и предан суду военного трибунала за его революционные стихи, и прежде всего за драму «Абдала»*. В начале 1870 г. военный трибунал приговорил Марти к шести годам каторжных работ. На суде прокурор требовал для непокорного семнадцатилетнего юноши высшей меры наказания — смертной казни. Впрочем, и каторга фактически означала осуждение на медленную смерть. Марти заковали в кандалы и отправили на каторгу в Сан-Ласаро (остров Пинос), где большинство заключенных гибли на тяжелой и изнурительной работе в каменоломнях. Однако трудности каторжной жизни не сломили духа Марти, не поколебали его уверенности в конечном торжестве дела народа, восставшего

* Испанские власти давно уже искали повода, чтобы расправиться с поэтом, воспевавшим свободу и независимость. В качестве предлога для ареста Марти была использована попавшая в их руки его записка, в которой он заклеил предательство одного своего школьного товарища, вступившего в испанскую армию.

против колониального гнета. В очерке «Политическая тюрьма на Кубе» (1871) Марти в образе мальчика Лино Фигереди обрисовал ту тяжелую долю узника кубинской тюрьмы, которую пришлось испытать и ему самому — политкаторжанину № 113 из 1-й бригады. Он писал:

«Бедный Лино!

...Нельзя было узнать ребенка, который еще так недавно радовал глаз нежной прелестью полевого цветка, сиял, как весенний ясный день, и был свеж, как апрельское утро! Сейчас этот несчастный, который едва дышал, казался живым обвинением своих палачей. Он походил на скелет, выброшенный насытившимся удавом, наполнившим свое чрево горячей кровью жертвы» (11, стр. 220).

Почти полтора года пробыл Марти в тюрьме, пока его друзьям удалось добиться замены каторги высылкой в Испанию. «Я вышел наконец из этого кладбища, населенного живыми тенями», — с грустью вспоминал Марти, прибыв в начале 1871 г. в Мадрид. Здесь он продолжает образование: учится в Мадридском, а затем в Сарагосском университете, который заканчивает в 1874 г. После окончания университета ему присваивается звание лиценциата гражданского права, философии и литературы.

Находясь в Испании, Марти не порывает связей с борющейся родиной. Осенью 1871 г. испанские власти в Гаване арестова-

ли большую группу кубинских студентов по ложному обвинению в осквернении могилы одного реакционного испанского журналиста. Как было потом установлено, испанские колониальные власти сфабриковали это обвинение, чтобы начать открытое наступление на недовольное студенчество. 27 ноября 1871 г. восемь невинных юношей были расстреляны, а 35 их товарищей брошены в каторжную тюрьму. День расправы над студентами Марти назвал «кровавым днем». Произвол колонизаторов вызвал бурю негодования не только на Кубе, но и среди республикански настроенных слоев интеллигенции и буржуазии в самой Испании. Марти организовал в Мадриде широкое движение протеста, под давлением которого испанское правительство вынуждено было пойти на уступки и освободить арестованных студентов.

В эти годы Марти пишет очерк «Политическая тюрьма на Кубе», а также важные политические статьи «Испанская республика перед лицом кубинской революции», «Решение» и «Реформы», в которых закладываются основы его революционно-демократического мировоззрения и вызревают планы радикального решения кубинского вопроса на пути народной войны за независимость. Этим планам Марти остался верен всю жизнь. Свое требование независимости Кубы он противопоставляет реформизму либералов и реакционным консерваторам, выступавшим

за сохранение «национального единства» Кубы и Испании. Веря в свой народ, Марти в статье «Решение» убежденно заявляет, что «независимость — это высшая цель борьбы моей родины.., моего народа». (11, стр. 235).

В 1874 г., стремясь быть ближе к родине, Марти переезжает в Мексику. Он публикует в газете «La Revista Universal» статьи, в которых нашли отражение важнейшие события мексиканской истории того времени: «война за реформы» 1857—1860 гг. и национально-освободительная война мексиканского народа с англо-франко-испанскими интервентами 1862—1867 гг. Марти выступает в защиту демократии и республики, разоблачает происки клерикальной реакции, стремившейся установить в стране диктаторский режим. После прихода к власти осенью 1876 г. диктатора Порфирио Диаса он направляется в Гватемалу, где приступает к чтению курса истории философии в одном из учебных заведений*. В 1878 г. Марти публикует брошюру «Гватемала», в которой впервые рисует свой социально-политический идеал — независимую демократическую республику мелких земельных собственников.

В эти годы в личной жизни Марти совершается перемена: 20 декабря 1877 г. он женится на дочери богатого кубинца Кармен Сайас-и-Басан. Вскоре у них рождается сын

* Более подробно см. в главе третьей.

Хосе. Однако женитьба не принесла счастья Марти. Жена не понимала его революционных замыслов. Не выдержав трудностей эмигрантской жизни, она уехала с сыном на Кубу к отцу. Молча и стойко переживал Марти разлуку с семьей, со своим сыном, которого очень любил. В 1882 г. он публикует сборник стихов «Исмаэлильо», посвященных своему маленькому Хосе. Семейная драма тяготила Марти, делала невыносимой и без того тяжелую жизнь в эмиграции, вдали от родины. Однако он нашел в себе силы побороть личные переживания и не отступить от идей, в которых видел смысл жизни.

После подписания в 1878 г. Санхонского мира Марти, воспользовавшись амнистией бывшим повстанцам и политическим эмигрантам, осенью этого же года возвращается на Кубу. Он принимает участие в движении, получившем название «Малая война» (август 1879 г. — декабрь 1880 г.). Подготовку и руководство войной осуществлял Кубинский революционный комитет, созданный в Нью-Йорке генералом Каликсто Гарсиа и другими участниками Десятилетней войны, отвергавшими позорную санхонскую сделку. Марти стал одним из руководителей подпольного движения на острове. В июне 1879 г. он вместе с Хосе Антонио Агилерой, ветераном Десятилетней войны, назначается официальным представителем комитета на Кубе. Однако вскоре после начала восстания,

25 сентября 1879 г., Марти за революционную деятельность высылают в Испанию. Оттуда ему удалось выехать в Нью-Йорк, где он активно включился в работу комитета, занявшись сбором средств и снабжением повстанцев оружием. Несмотря на героические усилия, восстание на острове не переросло во всенародную войну и окончилось неудачей. После изнурительной Десятилетней войны народ не смог подняться на новую революцию: в стране отсутствовала необходимая революционная ситуация. Тем не менее опыт двух войн имел неоценимое значение для дальнейшего развития национально-освободительной борьбы на Кубе, обусловив ее дальнейшее углубление и подъем на более высокую ступень.

Движение за независимость Кубы вступает в новый, революционно-демократический период. В этот период совершается заметный поворот Марти в сторону материализма и политического радикализма; он становится во главе складывающегося в кубинском национально-освободительном движении революционно-демократического направления. В 80—90-е годы Марти ведет неустанную борьбу против консерваторов (интегрисов), либералов (автономистов) и аннексионистов, публикуя такие боевые политические статьи, как «Автономистская агитация», «Автономизм и независимость», «Аннексионистское средство», «Реформы на Кубе». Одновременно Марти развивает

позитивную программу решения национального вопроса революционно-демократическим путем, важное значение для понимания которой имеют его работы «Наши идеи», «Война», «Национальный характер», «Зри в корень», «Бедняки земли нашей» и многие другие. В 1892 г. Марти добивается объединения всех патриотических сил на острове и в эмиграции в Кубинскую революционную партию.

С 1880 г. Марти живет в США. Он работает постоянным корреспондентом ряда газет, издающихся в странах Латинской Америки и США, возглавляет Испано-американское литературное общество в Нью-Йорке, принимает участие в дипломатической деятельности, выполняя функции консула Парагвая, Аргентины и Уругвая, делегата от Уругвая на Межамериканской валютной конференции 1891 г. В эти годы Марти пишет большое количество произведений, посвященных различным вопросам идеологии, науки и культуры, в том числе философским проблемам естествознания, критике религии и клерикализма, путям подъема культуры в странах Латинской Америки («Умер Дарвин», «Дарвин и Талмуд», «Антропологический конгресс в США», «Отлучение падре Макглинна», «Крестьянин», «О науке», «Научное образование», «О ручном труде в школах»).

Важное место в сочинениях Марти этого периода занимают различные вопросы исто-

рии Америки, которые подразделяются на два больших цикла статей — «В Соединенных Штатах Америки. Североамериканские сцены» и «Наша Америка»*. Марти разоблачает панамериканизм и захватническую политику США в Латинской Америке («Вашингтонский межамериканский конгресс», «Валютная конференция республик Америки», «Иностранная политика дяди Сэма», «В защиту Кубы»), обосновывает необходимость объединения стран Латинской Америки перед лицом нависшей над ними угрозы закабаления «жестоким, агрессивным и презирающим нас Севером», ратует за ликвидацию системы монокультурной экономики и проведение независимой национальной политики («Наша Америка», «Торговый договор Мексики и США», «Сыры»). При этом он обнаруживает глубокие социальные антагонизмы, присущие американскому капитализму и буржуазной демократии («Морской министр Уитни», «Грандиозный скандал», «Трагические события в Чикаго», «Революция труда»). В статье «Трудящиеся: их силы, цели, вожди, европейцы и американцы» (1883) Марти дает высокую оценку революционной деятельности Карла Маркса и руководимого им I Интернационала.

К 80—90-м годам относятся многие литературные сочинения Марти: роман «Пагуб-

* «Наша Америка» — так Марти обычно называл Латинскую Америку.

ная дружба», сборники «Свободные стихи», «Цветы изгнания», «Простые стихи», цикл детских произведений под названием «Золотой возраст». На испанский язык он переводит Гейне, Гюго, пишет статьи о выдающихся деятелях искусства и литературы многих стран мира. В его произведениях и черновых набросках можно встретить имена В. Г. Белинского, Н. П. Огарева, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Одну из статей он посвятил анализу творчества художника-баталиста В. В. Верещагина, где, в частности, с похвалой отозвался о его знаменитой антимилитаристской картине «Апофеоз войны». В начале 80-х годов он публикует статью «Пушкин», написанную по случаю открытия в Москве памятника великому русскому поэту.

Многогранная журналистская и литературная деятельность Марти — образец передовой латиноамериканской публицистики, прозы и поэзии прошлого века. Видный общественный и политический деятель Кубы, ректор Гаванского университета профессор Х. Маринельо отмечает, что Хосе Марти «не написал ни одного слова, которое не было бы направлено против несправедливости, не разоблачало бы угнетателей, не отстаивало бы правое дело, свободу» (27).

Нью-йоркский период жизни Марти — это годы напряженной работы борца-революционера. Он ведет длительную и упорную работу по созданию Кубинской революцион-

ной партии, выступает на митингах и собраниях кубинских политических эмигрантов, посещает их патриотические клубы в США и других странах Латинской Америки. Наконец, он добивается после двенадцати лет огромного труда и усилий образования партии. Его обязанности еще более возрастают. Марти редактирует печатный орган партии газету «Patria», организует среди кубинских рабочих-табачников в США сбор средств на закупку оружия для будущих повстанцев-мамби.

Все, что он делал, было проникнуто непоколебимой волей и уверенностью. Марти никогда не терял самообладания; так, накануне восстания на Кубе, 10 января 1895 г., американские власти, используя донос предателя, нанесли серьезный удар кубинской революции, конфисковав в порту Фернандина (южное побережье США) подготовленное к отправке на Кубу оружие, но провал «плана Фернандина» не обескуражил Марти: 29 января он подписывает приказ о начале восстания на Кубе.

Огромная теоретическая и практическая деятельность Марти была посвящена одной цели, одной задаче — подготовке войны за независимость Кубы. Марти стал признанным вождем революционной кубинской эмиграции, патриотических сил на самом острове. Без преувеличения можно сказать, что он был душой грядущей революции 1895 г. С его именем связывался образ «свободной

Кубы», гордой, непокоренной, борющейся. Своей верностью этому идеалу, страстной убежденностью в правоте задуманного им дела Марти завоевал огромный авторитет среди соотечественников, среди своих ближайших соратников А. Масео, М. Гомеса, К. Гарсиа.

Внешне Марти мало чем выделялся среди многих других кубинских эмигрантов. Он был невысокого роста, несколько даже болезненного вида и хрупкого телосложения; пожалуй, лишь высокий лоб и открытый взгляд, то задумчивый, то грустный и печальный, свидетельствовали о том, что перед вами человек незаурядного ума и большого сердца. Его добрая улыбка располагала к себе, говорила о внутреннем благородстве и человеколюбии.

Это первое впечатление не было обманчивым, но вряд ли можно было назвать Марти «добреньким» и «сентиментальным». Его чувства, природная экспансивность кубинца всегда основывались на идейной убежденности, верности революционным идеалам. Он высоко ценил верную дружбу, но никогда ложно понятое чувство личной дружбы и привязанности не могло ввести его в заблуждение и поступиться принципами. В этом убедились даже его самые близкие соратники и друзья по борьбе М. Гомес и А. Масео, когда Марти решительно обрушился на их ошибочные тактические установки. Но верно и другое: как друг, он сделал все, чтобы

помочь им избавиться от ошибок. Впоследствии и Гомес и Масео с признательностью вспоминали об этом уроке.

Кристалльная честность в мыслях и поступках была отличительной чертой характера Марти. «Честность, — писал он, — несовместима ни со слабостью, ни с трусливостью, ни с робким обращением к врагу за советом, ни с уступками противнику. Честность — это непоколебимая защита своих идеалов, стойкость перед требованиями заблуждающихся, перед шумихой тщеславных, перед натиском тех, кому своекорыстные интересы дороже, чем благо родины» (11, стр. 228).

К концу 80-х годов имя Марти получило широкую известность. Но даже став популярным и признанным революционным лидером, он всегда держался с естественной скромностью и простотой, свойственной великим людям, сознающим свои силы и значение своего дела. Ему было чуждо стремление к возвеличиванию своей личности и каким-либо особым почестям и званиям. По-видимому, не случайно Марти избрал для главы Кубинской революционной партии название делегат (*el Delegado*), а не председатель (*el Presidente*), с тем чтобы оно не ассоциировалось с высоким званием президента республики «свободной Кубы». Прибыв в 1895 г. на остров, где уже разгорелась война за независимость, Марти заявил: «Я не хочу ни на йоту превышать те

полномочия, которыми я наделен сейчас... эти полномочия должны быть возобновлены собранием делегатов кубинского народа, то есть вооруженных революционеров» (приложение, стр. 191—192).

Среди своих соратников Марти заметно выделялся своими поистине энциклопедическими знаниями, глубокой теоретической подготовкой. Как теоретику-мыслителю, идеологу революции, ему было присуще стремление во что бы то ни стало разобраться в самой сути анализируемых проблем.

Ум и талант мыслителя органически сочетались у Марти с его мастерством трибуна «глаголом жечь сердца людей». В его речах и выступлениях чувствовались логика и убежденность мыслителя, непоколебимая воля революционера-борца и, конечно, темперамент и страстность, в которых национальный характер кубинца был помножен на одухотворенность, свойственную людям, увлеченным высокими идеалами и презирающим любые проявления обывательского смирения и благополучия. «Не смерть страшна. Ужасно мертвым жить» — эти слова Марти стали символом всей его жизни, неотъемлемой чертой его морального облика. И никакие трудности борьбы, ни размолвка с семьей не помешали ему следовать велению революционного долга.

24 февраля 1895 г. на Кубе началась революция. 7 февраля 1895 г. Марти прибыл в маленький городок Монтекристи на остро-

ве Санто-Доминго, где жил генерал Максимо Гомес. Здесь они 25 марта подписали «Манифест Монтекристи» — воззвание к восставшему народу, в котором излагались основные цели и задачи национально-освободительной войны. 11 апреля Гомес и Марти высадились на побережье Кубы, где уже развернулась партизанская война. Однако в тот момент, когда революция приобретала все больший размах, жизнь Марти оборвалась: 19 мая 1895 г. в перестрелке с испанскими войсками Марти погиб в бою под Дос-Риос, погиб как воин, как боец революции, до конца выполнивший свой долг перед Родиной.

Жизнь Марти — это подвиг мыслителя и революционера. Его ум и энергия, мысль и действие всегда верно служили делу революции, делу борьбы за счастье своего народа. Он с полным правом сказал о себе:

Жил я честно, в награду за это
Я умру лицом на восход.

(11, стр. 107).

«КУБА ДОЛЖНА ОСВОБОДИТЬСЯ КАК ОТ ИСПАНИИ, ТАК И ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ»

1. АПОСТОЛ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ КУБЫ

Обоснование и защита требования национальной независимости Кубы — главное в теоретической и революционно-практической деятельности Марти.

Уже в молодые годы у Марти сформировался революционный подход к решению проблемы национальной независимости Кубы. В начале 70-х годов он выдвигает и обосновывает требование всенародной войны за независимость Кубы как единственного средства радикального решения вопроса. «Независимость или смерть!» — таков лозунг, данный им национально-освободительному движению.

Этот лейтмотив пронизывает три статьи, написанные Марти в 1873 г., — «Испанская республика перед лицом кубинской революции», «Решение» и «Реформы». В первой из названных статей он писал: «Куба хочет быть свободной. И так же как народы Южной Америки добились независимости от реак-

ционных правительств, так же как Испания добилась независимости от французов, Италия — от Австрии, Мексика — от наполеоновского честолюбия, а Соединенные Штаты — от Англии, так же как все народы добились независимости от своих угнетателей, Куба в силу закона своей непреклонной воли, в силу закона исторической необходимости должна добиться своей независимости» (12, стр. 211).

В статье «Реформы» Марти показал, что в новых условиях реформы (предоставление Кубе автономии и др.) уже недостаточны, а война за независимость есть самое радикальное средство решения кубинского вопроса. Когда Куба находилась в мире с Испанией, когда противоречия не обострились, а принципы не были потоплены в крови, тогда реформы были необходимы и вполне закономерны. Сейчас же, когда гнет породил войну, эшафот стал единственным выражением сострадания и все доведено до крайности и безрассудства, необходимы и закономерны не реформы, а независимость. Независимость необходима, заявляет Марти, ибо не проходят напрасно кровавые народные революции. В статье «Решение» он выражает твердую уверенность, что кубинский народ добьется своей цели: «конечным итогом самоотверженной борьбы кубинцев будет независимость Кубы» (11, стр. 235). Опыт Десятилетней войны еще более убедил Марти в этом.

Характерная черта Марти как революционера-демократа состоит в том, что он не ограничился выдвижением революционной программы решения кубинского вопроса, но и обосновал всенародный характер войны за независимость, решительно высказавшись при этом за ее дальнейшее перерастание в революцию, призванную преобразовать старый общественный и государственный строй Кубы на новых началах, в интересах народных масс. Тем самым он сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в национально-освободительном движении Кубы и Латинской Америки.

Х. Маринельо справедливо отмечает, что кубинская революция 1895—1898 гг. «была последней в цепи подобных революций, происходивших в Латинской Америке. Боливар и Хосе Марти отделены один от другого тремя четвертями века. Это обстоятельство, а также специфические условия, существовавшие на Кубе, определяют то, что революция здесь была наиболее народной и демократической из всех революций прошлого века в Латинской Америке» (27). Сам Марти, высоко оценивая роль Боливара в национально-освободительном движении Латинской Америки, отмечал, что «Боливар страстно боролся за независимость Америки, но не отстаивал право народа самому управлять своей страной» (11, стр. 139).

Для Марти политическая независимость не самоцель национально-освободительной

борьбы, а всего лишь начало, пролог грандиозной социальной революции, совершающейся в интересах широких масс кубинского народа. «Республики не создаются в один день, — писал Марти. — Не станет ею и Куба благодаря одной лишь борьбе за независимость» (11, стр. 278). «Независимость — это одно, а революция — другое. Независимость в Соединенных Штатах пришла при Вашингтоне, а революция — при Линкольне» (51, стр. 56).

Основатель Кубинской коммунистической партии Х. А. Мелья (1904—1929), отмечая эту революционную черту взглядов Марти, писал: «Марти хорошо понимал роль республики, когда он говорил одному из своих боевых товарищей, Балиньо, который уже тогда был социалистом и умер, будучи активным членом коммунистической партии: «Революция? Революция — это не то, что мы начнем на поле, заросшем сорняками, а то, что мы продолжим в республике»» (51, стр. 37).

По мнению Марти, сами народные массы на своем собственном опыте в ходе войны за независимость выработают «такие формы государственного устройства, которые удовлетворяли бы назревшим запросам и требованиям всего населения, обеспечивали бы Кубе признание и помощь других народов, а вместе с тем позволяли бы вести решительные военные действия, направленные к быстрому окончанию войны, жизненно необ-

ходимому для процветания страны» (11, стр. 294).

Марти был убежден, что в ходе войны за независимость кубинский народ найдет не только форму государственной организации общества, но и отвечающую его интересам форму самого общественного устройства (см. приложение, стр. 192—193). Революционеры и руководители национально-освободительной войны должны поддерживать инициативу народных масс, а не навязывать им «сверху» надуманные схемы общественного устройства, ни тем более становиться в позу обиженных и непонятых в случае, если их личные планы не совпадут с волей народа. Подлинный революционер должен не бояться стать рядовым армии народа, с которым он обязан творить одно общее дело. Исходя из того, что «нужно действовать заодно с угнетенными», с тем чтобы «упрочить систему, враждебную интересам угнетателей и их методам господства», Марти решительно подчеркивает свое единство с народом:

Я хочу судьбой породниться
С бедняками земли моей.

(11, стр. 94).

Марти с глубоким уважением отзывался о кубинских рабочих-эмигрантах, которые отдавали часть своего скудного и непостоянного заработка в фонд борьбы за освобождение Кубы. «Дорогие братья», «молчаливые,

сердечные и великодушные кубинские рабочие», «гордость родины» — так писал о них Марти в статье «Бедняки земли нашей».

Глубоко веря в неисчерпаемую творческую революционную силу простого трудового народа, Марти осуждает «барский надушенный патриотизм», клеймит тех, кто лицемерно осуждает «эксцессы невежественной толпы», людей, которые не видят, что причиной слепой ярости, иногда охватывающей толпу, являются «святые страдания народа». Марти предвидел, что на пути к демократической республике кубинскому народу придется преодолеть и «мстительную злобу господ, лишенных своих привилегий», и сопротивление значительной части образованного городского населения, которое будет вынуждено распротиться с роскошью и изобилием, какое дают ему незаконные колониальные повинности и доходные должности.

Таким образом, Марти стремился в своей практической и теоретической деятельности опираться на революционное творчество широких народных масс. В народе Марти видел не только главную движущую силу войны за независимость, но и активного участника последующих преобразований общественного и государственного строя.

В ходе подготовки войны 1895—1898 гг. эти революционные выводы Марти пришлось защищать и отстаивать в упорной борьбе с интегризмом, либерализмом (автономизмом) и аннексионизмом.

Вопрос об отделении либерализма от демократии на Кубе принадлежал к числу коренных вопросов всего кубинского национально-освободительного движения, от которого зависело решение всей проблемы борьбы за национальную независимость Кубы. Поэтому размежевание на Кубе либерализма и революционной демократии, борьба Марти против реакционного автономизма имели историческое значение. Автономисты и Марти — представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с 1878 г. определяли исход борьбы за независимость Кубы.

После Десятилетней войны креольский либерализм как революционное течение сходит со сцены. Он вырождается в партию реформ и мирной борьбы. Раскол, наметившийся в лагере либералов еще в ходе войны, завершился в 1878—1879 гг. созданием двух партий, выражавших интересы помещиков и крупной буржуазии, — либеральной (автономистской) и консервативной (интегристской) *. Обе партии издали свои манифесты и программы, мало чем отличавшиеся друг от друга. Некоторое различие между ними состояло в том, что консерваторы требовали сохранения целостности испанской империи на основе национального единства Кубы с Испанией и постепенной отмены рабства, а

* Формально консервативная партия носила название «Конституционный союз».

либералы — полной отмены рабства и автономии Кубы в рамках унии с Испанией*. Либералы на словах выступали за реформы, на деле боролись против какого-либо изменения существующего строя и смыкались, таким образом, с консерваторами. Марти верно раскрыл сущность креольского автономизма как либерального консерватизма, когда писал, что «единственными подлинными консерваторами, которые объединяются и осуществляют политику умиротворения, являются либералы» (16, стр. 496).

Автономизм расцвел в 80-е годы. Испания, ослабленная в результате Десятилетней войны, вынуждена была идти на некоторые уступки. «Реформы, — писал Марти, — были обещаны Кубе для того, чтобы задержать революцию» (16, стр. 60). Именно поэтому Испания допускала реформаторскую деятельность либералов. Последним удалось добиться устранения некоторых ограничений торговли, формальной отмены рабства, фактически уже окончательно подорванного в результате революции 1868—1878 гг., а также введения избирательного закона, предоставлявшего кубинцам весьма ограниченное право для участия в выборах в испанские кортесы.

Марти подверг резкой критике мечтания о том, что посредством автономии, реформ

* Основной политический лозунг консерваторов (интегристов) — «La Integridad Nacional» («национальное единство»), либералов (автономистов) — «La Autonomía de Cuba» («автономия Кубы»).

и парламентской деятельности можно добиться ликвидации испанского колониального гнета на Кубе. «До каких пор в этой грандиозной Америке, — спрашивает Марти, — подобно детям в пеленках, мы будем продолжать болтать о кортесах?!» (16, стр. 722). Он понимал, что Испания никогда не согласится добровольно отказаться от своих привилегий. Вскоре она действительно отказалась от политики реформ и в конце 80-х годов перешла в наступление. Широкую известность приобрела фраза, брошенная испанским министром по делам заморских территорий Леоном-и-Кастильо: «Автономия? Никогда! Никогда! Никогда!»

В эти годы Марти писал, что, после того как испанские кортесы освистали и выбросили из Испании требование автономии, на Кубе уже нет автономистов. Партия «пресловутой автономии» превратилась в «корабль без руля и компаса». К концу 1894 г. автономистская партия находилась на грани окончательного распада и разложения. «Автономизм, — констатировал Марти, — как политическая партия и как действительная сила на Кубе уже прекратил свое существование...» (16, стр. 405).

Продолжение революции не может быть простым развитием реформистских методов и духа автономизма, ибо лозунг «автономии Кубы» был выдвинут не революцией, а против нее. И действительно, в начале революции 1895 г. автономизм открыто стал

на сторону испанского колониального режима*.

Победа над автономизмом явилась одной из весьма существенных предпосылок идеологической подготовки революции 1895—1898 гг. «Без разоблачения, изоляции и разгрома идеологии автономизма, — говорилось в органе Народно-социалистической партии Кубы газете «Noticias de Hoy» от 22 февраля 1948 г., — не было бы 24 февраля 1895 г. Это восстание является детищем революционной идеологии, которая считала войну неизбежным орудием завоевания независимости и которая нашла в Хосе Марти своего наиболее яркого выразителя».

Разоблачая помещичье-буржуазный автономизм, Марти подчеркивал еще одну его сторону — связь с аннексионизмом. Он предупреждал об опасности установления на Кубе господства «креольской олигархии», опирающейся на свое богатство. И либералы и аннексионисты были крупными собственниками, желавшими любыми средствами сохранить свое богатство: с помощью Испании или путем присоединения Кубы к США**.

* 4 апреля 1895 г. автономистская партия опубликовала манифест, в котором решительно осуждала революцию. 27 декабря 1895 г. в разгар революционной войны автономисты совместно с консерваторами устроили чествование «умиротворителя» — капитан-генерала М. Кампоса. Трудно представить более подлое предательство интересов своего народа.

** Основной политический лозунг аннексионистов — «La Anexión de Cuba» («аннексия Кубы»).

Экономическая зависимость «сахарной Кубы» от рынка США создавала благоприятную почву для возникновения и распространения на острове аннексионистских иллюзий и настроений, в особенности среди имущих классов: помещиков-плантаторов, сахарозаводчиков, торговцев, стремившихся сохранить свое привилегированное положение с помощью нового «хозяина-янки» (Марти). Подобная позиция неизбежно толкала на путь предательства национальных интересов. Один из лидеров автономизма, Р. Фернандес де Кастро, прямо говорил: «Без сахара невозможно представить Кубу, а без потребления этого продукта Соединенными Штатами невозможно представить наше существование как цивилизованной нации» (45, VII, стр. 234).

Хотя в отличие от автономистов сторонники присоединения Кубы к США не были объединены в партию, их влияние было значительным, и с ними приходилось считаться как с серьезной политической силой. Аннексионизм, по словам Марти, превратился в «самую основную опасность» на пути достижения независимости Кубы, ибо кубинские аннексионисты играли на руку американским аннексионистам, т. е. империалистам США.

Марти призывает развернуть победоносную революционную войну за независимость, которая призвана предотвратить объединение аннексионистов Кубы и США. Кроме того,

у революции есть и другая задача — развеять миф о неспособности Кубы к независимой жизни. Выступая на собрании эмигрантов в Нью-Йорке в 1892 г., Марти решительно заявил: «Первое, что я должен сказать, прежде чем перестанет биться мое сердце и больше не будет слышен мой голос в этом мире, — это то, что моя Родина обладает всеми способностями, необходимыми для завоевания и сохранения свободы» (16, стр. 708).

Кубинские революционеры, учил Марти, должны организацией своих сил и победами показать, что не все кубинцы желают подвергнуть свою родину «капризу судьбы» и бросить ее в объятия «северного колосса». Они должны разъяснить всю бессмысленность присоединения к агрессивной северной республике, которая рассматривает Кубу как свою «факторию», как «необходимый опорный пункт в своем агрессивном плане». Если Куба присоединится к США, заключает Марти, то ее ожидает та же самая участь, которая постигла мексиканский Техас, т. е. Куба превратится в американскую колонию, в новый рабовладельческий штат. Поэтому только добродушные или нетерпеливые люди могут думать, что палец лучше всего можно спасти от огня, только бросив все тело в пламя. Подводя итог сказанному, Марти писал: «Только тот, кто не знает нашей страны или Соединенных Штатов, не знает законов образования и развития народов, может чест-

но думать о подобном решении (т. е. о присоединении Кубы к США. — О. Т.) или тот, кто любит Соединенные Штаты больше, чем Кубу» (16, стр. 410).

В борьбе против автономизма и аннексионизма Марти отстаивал революционный путь освобождения Кубы, убедительно доказав, что всенародная национально-освободительная война за свободу и независимость — единственный способ радикального решения кубинского вопроса.

2. КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ

Историческое развитие Кубы, дальнейшее углубление классовых противоречий и развертывание классовой борьбы после Десятилетней войны 1868—1878 гг., т. е. в период, когда относительная революционность помещиков и крупной буржуазии уже исчерпала себя, а революционность пролетариата еще не созрела, поставили на очередь дня создание революционно-демократической партии, способной выразить чаяния трудового народа, всех патриотических сил, готовых вновь подняться на войну за свободу и независимость своей родины.

Все 80-е годы прошли в неустанной борьбе Марти за создание такой партии. Эта задача потребовала для своего осуществления многих лет, прежде чем удалось объеди-

нить разрозненную и часто враждующую между собой кубинскую эмиграцию. Марти удалось убедить эмиграцию в том, что для победы сильного врага «единственное, что необходимо,—это объединиться» (16, стр. 303).

В 1887 г. в Нью-Йорке под председательством Марти была образована временная Исполнительная комиссия, перед которой он поставил следующие пять задач по объединению разрозненных сил:

1. Борьба на Кубе за торжество лозунга о революционном решении кубинского вопроса.

2. Безотлагательно создать военные силы революции как на острове, так и в эмиграции.

3. Объединить на демократических началах и на основе равенства всю эмиграцию.

4. Воспрепятствовать тому, чтобы революционные стремления пришли в столкновение между собой и были использованы в интересах какой-либо группы с целью установления господства какого-либо социального класса или власти военной, или гражданской группировки, или определенной области, или одной расы над другой.

5. Воспрепятствовать тому, чтобы с помощью пропаганды аннексионистских взглядов были ослаблены силы, борющиеся за революционное решение кубинского вопроса (см. 16, стр. 91—92).

28 ноября 1891 г. эмигранты города Тампы (штат Флорида, США), в основном

рабочие, приняли составленную Марти резолюцию о необходимости объединения всех сил и образования революционной партии. 10 апреля 1892 г. была создана Кубинская революционная партия. «Так, — писал Марти, — после двенадцати лет незаметной и непрерывной работы поднялась закаленная в испытаниях Кубинская революционная партия» (16, стр. 306). Начал выходить печатный орган партии газета «Patria» («Родина»). В передовой статье «Наши идеи» Марти так определял задачи: защита свободы, организация и объединение всех сил революции как путь к непобедимости (см. 13, стр. 236).

Кубинская революционная партия объединяла самые различные слои народа — «вчерашних вождей и солдат освободительного движения с... рабочими, фабрикантами и ремесленниками, торговцами и генералами...» (22, стр. 116). Костяк партии составляли кубинские рабочие, из скудных сбережений которых поступали средства на закупку оружия и организацию революции, а также на издание газеты «Patria». Широкий социальный состав партии таил в себе вполне реальную угрозу ее распада в результате столкновения противоречивых интересов тех классов, на которые она опиралась. В этом заключалась ее основная слабость, которая выявилась в ходе революции 1895—1898 гг.*

* По мере углубления революции противоречия внутри КРП между представителями имущих и не-

Однако, несмотря на свои слабости, КРП сыграла положительную роль в истории кубинского национально-освободительного движения. В противовес партиям помещичье-буржуазного блока она с самого начала возникла как партия кубинского народа и подняла массы на всенародную войну за независимость 1895—1898 гг.

КРП объединила всю кубинскую эмиграцию, а на острове имела подпольные организации, связанные непосредственно с Нью-Йорком, где находился ее руководящий центр. Партия состояла из революционных ассоциаций, образованных эмигрантами Кубы и Пуэрто-Рико. Всего было 34 ассоциации, которые избрали Марти делегатом (председателем) партии, а также утвердили разработанные им программу и устав партии.

В самом начале программы торжественно провозглашалось: «Кубинская революционная партия создается для того, чтобы объединенными усилиями всех людей доброй

имущих классов и слоев все более обострялись и привели в конце концов к ее распаду. Невосполнимой утратой для партии и революции явилась гибель Марти. Сделавшийся после его смерти делегатом КРП Т. Эстрада Пальма, крупный собственник-креол, свел на нет антиимпериалистические цели Марти, его радикальные планы по преобразованию общественного и государственного строя Кубы. В декабре 1898 г. он объявил о роспуске КРП. Правящие круги США по достоинству оценили «заслуги» Т. Эстрады Пальмы, обеспечив его избрание первым президентом «независимой» Кубинской республики, провозглашенной 20 мая 1902 г.

воли добиться полной независимости Кубы и помочь освобождению Пуэрто-Рико» (16, стр. 299).

Последующие восемь статей конкретизировали и разъясняли смысл этой исторической задачи. В статье второй говорилось, что партия не ставит своей целью ни необдуманно ускорить войну на Кубе, ни вовлечь любой ценой страну в плохо подготовленное и несогласованное революционное движение. Задача партии состоит в том, чтобы посредством объединения всех здоровых сил страны организовать короткую и победоносную войну и обеспечить счастье жителям острова в мире и в труде.

В статье третьей формулировалось положение о том, что партия должна бороться за свободную Кубинскую республику, способную обеспечить счастье своего народа, а также выполнить трудную историческую задачу, которая вытекает из географического положения страны. Иными словами, Куба, занимающая важное географическое положение, завоеванием своей независимости должна преградить путь американскому империализму в страны Латинской Америки.

В четвертой — шестой статьях разъяснялось, что в области преобразования социально-экономического строя Кубы партия ставит перед собой следующие задачи:

уничтожить автократический и бюрократический режим колонии и создать страну подлинной демократии;

уничтожить экономическую систему колонии, немедленно обеспечив работу и разнообразную деятельность жителям острова; создать условия для проявления всех способностей человека;

завоевать вооруженной борьбой свободу для всех кубинцев, создать свободную родину для блага всех.

Таким образом, программа Кубинской революционной партии носила ярко выраженный демократический, антиколониальный и антиимпериалистический характер.

Программа КРП в основном отражала и закрепляла лишь первый этап революции — этап завоевания политической независимости. На первое место выдвигались задачи подготовки национально-освободительной войны, собирания и объединения всех патриотических сил на платформе борьбы за независимость. Программа исходила из того, что завоевание независимости обеспечит переход к трудному делу преобразования социально-экономического и политического строя Кубы. Этот переход намечался в общих чертах. Указывалась лишь конечная цель — Кубинская демократическая республика, а самый характер социально-экономических преобразований после завоевания независимости и ликвидации колониального строя не конкретизировался.

3. РЕСПУБЛИКА «СО ВСЕМИ И ДЛЯ БЛАГА ВСЕХ»

Тезис о республике «со всеми и для блага всех» * свидетельствует о наличии у Марти широкой программы преобразования общественного и государственного строя Кубы на демократических началах, дополняющей и конкретизирующей положения программы Кубинской революционной партии и «Манифеста Монтекристи». Этот тезис как бы венчает всю систему общественно-политических взглядов Марти.

Следует отметить, что в образе республики «со всеми и для блага всех» Марти попытался создать идеал подлинно народной республики, основанной на социальном равенстве и справедливости, прообраза которой тогда в действительности не существовало. Сам Марти, говоря о том, что подобную республику нельзя создать в один день и при помощи только войны за независимость, подчеркивал, что ее не построил еще ни один народ в мире.

Идеал такой республики не является специфически кубинским явлением. Он имеет скорее всеобщее латиноамериканское значение.

* Этот тезис развивается Марти во многих произведениях, но, пожалуй, наиболее рельефно и четко сам девиз республики сформулирован в речи «Со всеми и для блага всех», произнесенной Марти 26 ноября 1891 г. в Кубинском лицее города Тампы, США (см. 11, стр. 249—260).

Отсталость Латинской Америки, становившаяся еще более разительной на фоне бурного развития капитализма в США, превратилась в своего рода «испано-американскую загадку», ключ к которой, по словам Марти, оказались не в состоянии дать ни европейские, ни американские авторы. Марти сделал попытку разрешить эту загадку: республика «со всеми и для блага всех» должна была вывести Кубу на путь социального прогресса и тем самым послужить примером для других народов Латинской Америки.

Этот идеал сложился в представлении Марти далеко не сразу. Лишь в ходе революционной деятельности он пришел к этому важному теоретическому выводу, который составляет квинтэссенцию его революционно-демократических воззрений на задачи национально-освободительной борьбы, на пути развития общества, на характер и направление социально-экономических преобразований. В условиях неразвитости общественных отношений и классовых противоречий, в обстановке феодально-колониального гнета идеал Марти выступал как отражение стремления народных низов к созданию идеального общества, основанного на началах всеобщего равенства и социальной справедливости.

Помимо этого определенное влияние на Марти оказала политическая идеология передовых французских мыслителей XVIII в., в

особенности Руссо; он был также знаком с произведениями американских демократов Джефферсона и Пейна. Однако это идейное влияние не следует преувеличивать. Более того, идеал республики «со всеми и для блага всех», хотя и не вышел за пределы мелкобуржуазного демократизма, с самого начала возник как прямая противоположность существующим буржуазным государствам Европы и Америки. Если на заре капитализма многие политические мыслители склонны были идеализировать грядущее царство буржуазии, то Марти, как и некоторые другие его современники, на примере США и других капиталистических стран уже смог воочию убедиться в том, что оно собой представляет. Политическая демократия и народный суверенитет на деле прикрывали всевластие буржуазии, ее диктатуру. Таким образом, Марти смог увидеть то, что передовые мыслители в период зарождения капитализма еще не могли видеть. Поэтому он сделал далеко идущие революционно-демократические выводы, которые непосредственно направлены против капиталистического строя.

Не последнюю роль в формировании идеала Марти сыграло его длительное пребывание в США и наблюдение над американским образом жизни. Он не нашел в США подлинного народовластия, хотя уже в то время американская демократия выдавалась апологетами капитализма за наиболее

совершенную демократию, за образец «демократии для всех». Подробное уяснение отношения Марти к США позволит не только глубже раскрыть содержание его идеала — республики «со всеми и для блага всех», но также и разоблачить тех современных поклонников американского образа жизни в латиноамериканских странах, которые пытаются изобразить Марти в Латинской Америке апостолом демократии и социальных порядков, скроенных по образцу Соединенных Штатов Америки.

Критикуя американский образ жизни, Марти не впадает в односторонности, преувеличения. Он рассматривает американскую действительность такой, какая она есть, с ее хорошими и плохими сторонами. Не умаляя значения завоеваний американского народа в области политической демократии и свободы, приветствуя их, он в то же время указывает, что эти завоевания все более и более подвергаются коррупции со стороны правящей финансовой олигархии.

Наблюдая финансовые и политические махинации, творимые в США «сильными мира сего», Марти справедливо назвал последних «шайкой преступников». Камарилья банкиров всемогуща. Как бы подводя итог своим наблюдениям, Марти говорит: «Все в их руках, они все могут купить» (11, стр. 189).

Марти разоблачает обычный в деловых кругах факт получения акций от предприя-

тий и компаний в обмен за политические «услуги», вследствие чего стирается всякое различие между коммерсантом и депутатом, который подчиняет свое влияние народного избранника корыстным интересам компании. По словам Марти, это означает кражу самого драгоценного сокровища — законных прав народа.

Марти разоблачил пресловутый «демократизм» двухпартийной системы США, показав, что обе партии послушно служат одному и тому же хозяину — капитализму. Обе партии превратились в «захватнические корпорации», которые выше победы политических идеалов ставят захват и использование в своих интересах общественных должностей. По его словам, в Соединенных Штатах «демократия не только не укрепляет и не дает избавления от ненависти и нищеты, господствующих в монархиях, но гниет и мельчает, а ненависть и нищета угрожающе растут...» (11, стр. 212).

Марти фиксирует те социальные конфликты и противоречия между трудом и капиталом, которые на Кубе только еще намечались, а в США уже проявились с полной силой. Мы являемся, писал Марти, свидетелями острой борьбы между капиталистами и рабочими. Пользуясь своей силой и богатством, капиталисты выжимают последние соки и выбрасывают из жизни тех, кто пришел в нее, не имея ничего, кроме своих рук и ума. На одном полюсе концентрирует-

ся богатство, на другом — нищета. «Монополия, — говорит Марти, — встала как неумолимый и жестокий гигант у двери всех бедняков» (16, стр. 1565). Классовый антагонизм между капиталистами и пролетариями достиг такой остроты, что Марти констатирует: американская «народная республика» превращается в «классовую республику» (16, стр. 1883).

В статье «Революция» (1894) Марти, обращаясь к кубинцам, говорит, что они не могут ожидать ничего хорошего от США, которые, несмотря на замечательные семена свободы, погрязли в проблемах феодальных обществ и в пороках монархии. Чтобы избежать печальной участи Севера, Куба должна стать народной, а не классовой, как США, республикой путем создания строя «для блага всех». Годом ранее в статье «Кризис и Кубинская революционная партия» он писал: «Север стал несправедливым и алчным; он больше заботится о том, чтобы обеспечить счастье немногим, чем создать строй «для блага всех»» (16, стр. 665). «Поднимемся во имя настоящей республики... — восклицает Марти. — И напишем вокруг звезды на нашем знамени девиз торжествующей любви: «Со всеми и для блага всех!»» (11, стр. 260).

Каковы же те принципы государственного и общественного устройства, которые Марти желал положить в основу республики «со всеми и для блага всех»?

Идеалом будущего государственного устройства свободной и независимой Кубы Марти считал демократическую республику, основанную на неукоснительном соблюдении принципов народного суверенитета и народо-властия. Власть в республике должна стать общим достоянием кубинского народа, а всеобщее равенство и уважение политических прав и свобод всех кубинцев — одним из основных ее законов.

Этот социально-политический идеал Марти являлся закономерным идейным результатом всенародной войны за независимость, основными движущими силами которой были крестьянство и складывающийся пролетариат. Уже в ходе самой войны за независимость выкристаллизовывались некоторые контуры будущей республики.

Созданная Марти Кубинская революционная партия строилась на демократических началах. Сам Марти отмечал, что величие партии состоит в том, что она для того, чтобы построить Кубинскую республику, начала с построения партии на республиканских началах: в труде всех она всем дает равные права. Руководители партии, в том числе и ее делегат, избирались членами партии и были уполномоченными своего народа, а не партийными «боссами», которых невозможно отстранить от занимаемого ими поста.

Отстаивая принципы подлинной демократии и республиканизма, Марти решительно отвергает антинародные диктаторские режи-

мы, которые и в настоящее время столь характерны для политической жизни многих стран Латинской Америки. «Не для царей наша кровь, — писал Марти. — Другие республики родились 75 лет тому назад, мы — сейчас. То, что имело место в других республиках, не произойдет в нашей» (16, стр. 445).

Кубинские революционеры, по словам Марти, должны извлечь для себя полезный урок из политической истории феодальных республик Латинской Америки, которые были республиками лишь номинально. Они должны твердо усвоить ту истину, что одной из основных, если не самой главной, причин того, что Латинская Америка «была обречена страдать и страдает ныне», является нарушение победителями, которые победили благодаря народу и благодаря ему же пришли к власти, основного правила — «править должно вместе с народом, этой солью земли, а не вопреки ему или без него». Ныне, говорит Марти, наступила эпоха *«коллективного разума народа»* (курсив наш. — О. Т.), которым и надлежит руководствоваться в общественных делах» (11, стр. 169).

Таким образом, для Марти проблема преобразования государственного строя Кубы состоит не только в смене форм правления, но и прежде всего и главным образом в коренном изменении самой политической основы этого правления, ибо «жизнеспособна только подлинная и полная свобода; и рес-

публика, которая не служит интересам всего народа и не движется вперед вместе с народом, обречена на гибель» (11, стр. 171).

Демократическая республика, устанавливающая абсолютное верховенство народа и одинаковые для всех политические права и свободы, решала всего лишь одну часть задачи; это равенство, считал Марти, необходимо дополнить равенством в экономическом отношении, для чего общественное устройство Кубы должно быть подвергнуто соответствующей реорганизации.

Марти считал, что в республике «со всеми и для блага всех» будет уничтожена эксплуатация и воцарится справедливость, исчезнут нищета и бедность, не будет ни богатых, ни бедных, ни угнетателей, ни угнетенных. Для Марти «раб всякий, кто работает на другого, который властвует над ним» (16, стр. 956). «Пока будет хоть один бедный... будет существовать несправедливость» (50, стр. 39), — говорит Марти. Выражая чаяния народных масс, он заявляет, что кубинский народ создаст «республику тружеников», страну, которая провозгласит всеобщее право на труд, который «необходим для свободы, как солнце и воздух». Труд, по его словам, — залог процветания республики.

«Республика тружеников» Марти была в своей основе республикой крестьянской, республикой мелких собственников. Ее социальный строй всецело отвечал желаниям

и стремлениям кубинского крестьянина, заинтересованного в сохранении мелкой частной собственности, своего клочка земли, владение которым ему казалось верхом счастья на земле. «Крестьяне, — писал Марти, — несомненно самая лучшая, самая здоровая и существенная часть нации...» «Города — это мозг наций, но сердце, где собирается и откуда расходится кровь, находится на полях» (17, стр. 514). Поэтому он заявляет: «Владеть — в этом гарантия республик» (16, стр. 1333), «Собственность сохраняет государства» (17, стр. 300).

В позиции, занятой Марти по вопросу о собственности, наиболее рельефно проявилась его мелкобуржуазная ограниченность. Марти решительно выступает против крупной земельной собственности, осуждает бесчеловечный эгоизм миллионеров, для которых спелая груша значит больше, чем все страдания, порывы и блеск мысли людей (см. 16, стр. 1564). «Богатым, — писал Марти, — является не тот народ, где есть немного богачей, а где каждый имеет немного богатства (см. 17, стр. 220); счастлива та страна, в которой каждый человек владеет и обрабатывает небольшой клочок земли; богата та нация, которая насчитывает большое число мелких собственников» (см. 17, стр. 211). Но он защищает и идеализирует мелкую частную собственность, считая ее основой общества и государства. Исходя из интересов крестьянства, Марти высказывает-

ся за конфискацию у помещиков крупных земельных массивов, остающихся необработанными. В 1893 г. в манифесте Кубинской революционной партии Марти писал: «Широки просторы невозделываемой земли на Кубе, и в интересах справедливости эту землю необходимо передать тем, кто сможет ее обрабатывать, отняв у тех, кто оставляет ее лежать втуне» (16, стр. 345).

Марти не смог подняться до научного понимания равенства, которое впервые было дано марксизмом. В качестве теоретического обоснования своего учения он использовал положение о том, что все люди по своей природе равны, обладают одинаковыми и неотчуждаемыми естественными правами. «Социальное равенство есть не что иное, как признание видимого равенства самой природы...» (16, стр. 423).

Хотя Марти и выставил требование ликвидации эксплуатации и даже создания бесклассовой республики, он тем не менее, как мелкобуржуазный демократ, вместо ликвидации частной собственности фактически предлагает утопическую уравнительную теорию ее перераспределения. Марти не понимал, что достигнуть равенства невозможно без уничтожения частной собственности, которая является основой существования классовых различий и общественного неравенства.

Специфическая особенность «республики тружеников» Марти заключается в том, что

она, минуя капитализм, вступает в общество без классов, где только и возможно счастье всех и каждого. Находясь в США, Марти пришел к выводу, что Куба должна стать народной, т. е. бесклассовой республикой, в противном случае ее ожидают все те пороки, в которых погрязла североамериканская «классовая республика». Кубинский революционер-демократ искренне верил, что «республика на Кубе... не принесет с собой несправедливого господства одного класса над другими, в ней установится открытое и честное равновесие всех социальных сил» (16, стр. 439).

Оставаясь на позициях революционного демократизма, Марти не представлял себе, однако, четкой программы того, как это должно произойти. Только марксизм смог дать ясный ответ на этот вопрос: историческая миссия строительства бесклассового общества — коммунизма принадлежит пролетариату, самому передовому и революционному классу современного капиталистического общества. Не понимая исторической роли пролетариата, Марти неминуемо впал в утопизм и полагал, что Куба сможет миновать капитализм и прийти к бесклассовому обществу социального равенства и справедливости через революционную войну за независимость, которая опиралась на крестьянское движение. Он не понимал, что крестьянская революция не может привести к созданию желанного им бесклассового общества, так

как она является не социалистической, а лишь буржуазно-демократической революцией.

«Для марксиста, — писал В. И. Ленин в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», — крестьянское движение есть именно не социалистическое, а демократическое движение. Оно является и в России, как бывало и в других странах, необходимым спутником демократической революции, буржуазной по ее общественно-экономическому содержанию. Оно нисколько не направляется против основ буржуазного порядка, против товарного хозяйства, против капитала. Оно направляется, напротив того, против старых, крепостнических, докапиталистических отношений в деревне и против помещичьего землевладения, как главной опоры всех пережитков крепостничества. Полная победа данного крестьянского движения не устранит поэтому капитализма, а, напротив, создаст более широкую почву для его развития, ускорит и обострит чисто капиталистическое развитие. Полная победа крестьянского восстания может лишь создать оплот демократической буржуазной республики, в которой впервые со всей чистотой и развернется борьба пролетариата против буржуазии» (9, стр. 41).

Оценивая в целом социальную утопию Марти, воплощенную в образе республики «со всеми и для блага всех», следует помнить важное указание Ф. Энгельса: то, «что

неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле» (3, стр. 184). В. И. Ленин отметил, что этим положением Ф. Энгельса необходимо руководствоваться при оценке всех современных народнических или трудовических утопий как в России, так и в других государствах, переживающих буржуазные революции. В статье «Две утопии» В. И. Ленин писал: «Ложный в формально-экономическом смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле; ложный в качестве социалистической утопии этот демократизм есть истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы» (5, стр. 120).

Это исключительно важное положение марксизма полностью относится к оценке общественно-политических воззрений Марти. В формально-экономическом смысле социалистическая утопия Марти, его вера в особый, некапиталистический путь развития Кубы, когда она уже вступила на путь капитализма и не могла его миновать, были действительно ложными. Однако революционный демократизм Марти был «истиной в историческом смысле», истиной в условиях, когда на Кубе демократизм и социализм сливались в национально-освободительном движении в одно целое, а борьба участвовавших в этом дви-

жении крестьянских и пролетарских масс составляла главный фактор и решающее условие полной победы народной буржуазно-демократической революции 1895 г. Поэтому в условиях 80—90-х годов прошлого века социальная утопия Марти, воплощенная в образе республики «со всеми и для блага всех», в целом имела прогрессивное значение и оказала революционизирующее влияние на развитие борьбы кубинского народа против испанского феодально-колониального строя.

4. ВОИНСТВУЮЩИЙ АНТИИМПЕРИАЛИСТ

Хосе Марти посвятил свою жизнь борьбе за освобождение Кубы от испанского гнета. Непримиимый противник всякого колониального угнетения, он один из первых общественно-политических деятелей Латинской Америки увидел и показал опасность, угрожавшую независимости латиноамериканских стран со стороны Соединенных Штатов.

Газета «Noticias de Hoy» (от 7 апреля 1961 г.), оценивая историческое значение Марти, писала:

«Марти, верно понимавший исторические задачи своего народа, стал апостолом независимости и свободы Кубы от испанского колониализма и американского империализма... В этом состояла основная историческая миссия Марти.

Все, что он сделал и написал, продиктовано стремлением выполнить ее».

На протяжении всего XIX в. захват Кубы был одной из основных целей внешней политики США в Латинской Америке. Еще в 1809 г. президент США Т. Джефферсон заявлял, что Куба была бы «самым интересным дополнением к нашей системе штатов, которое когда-либо можно было осуществить» (39, стр. 810). Однако относительная слабость самих США, а также противодействие Англии и Франции мешали превращению мечты в действительность. Поэтому США по отношению к островным владениям Испании стали придерживаться выжидательного внешнеполитического курса, известного под названием политики «зрелого плода».

Суть этой политики сформулировал в 1823 г. государственный секретарь США Адамс. Он писал американскому послу в Мадриде Хью Нельсону: «Имеются законы как земного, так и политического тяготения; подобно тому как яблоко, сорванное ветром с его родного дерева, не может выбирать и падает не иначе как на землю, Куба, насильственно вырванная из ее неестественной связи с Испанией и неспособная удержаться сама по себе, должна тяготеть к Североамериканскому союзу, и только к нему; он в силу того же закона не может не принять ее в свое лоно» (46, стр. 7).

Осуществляя политику «зрелого плода», США стремились не допустить, чтобы Кубу

захватила какая-либо европейская держава. Однако больше всего они опасались, как бы власть на Кубе не перешла в руки самого кубинского народа, что сразу же разрушило бы всю систему «политического тяготения», на создание которой американские аннексионисты потратили целое столетие*. Поэтому до поры до времени США предпочитали видеть остров в руках слабой, разлагающейся испанской монархии, из которых легче всего было бы вырвать заветное яблоко.

В течение XIX в. Соединенные Штаты предпринимали неоднократные попытки захватить остров под видом «покупки». Аннексионистские устремления США, особенно в первой половине XIX в., вдохновлялись южанами-рабовладельцами, стремившимися к захвату новых земель для ведения плантационного хозяйства. После победоносной войны против Мексики президент США Д. Полк в 1848 г. предложил Испании про-

* В 1826 г. США помогли сорвать работу созванного по инициативе Боливара конгресса американских республик в Панаме, который ставил своей целью освобождение Кубы от испанского колониального гнета. Сам автор политики «зрелого плода» Адамс в том же 1826 г., уже будучи президентом, в своем послании откровенно заявил: «В соответствии с этой политикой мы сделали все, что могли, в 1825 и 1826 гг., чтобы помешать республикам Южной Америки освободить Кубу и Пуэрто-Рико» (46, стр. 9).

дать Соединенным Штатам остров Куба за 100 млн. долл. Испания решительно отказалась. В ответ в 1852 г. США отказались гарантировать испанское владение островом.

В 1854 г. президент Д. Пирс дал указание послу США в Мадриде П. Соуле вновь начать переговоры о покупке Кубы. В Остенде (Голландия) было созвано «совещание трех» — П. Соуле, Д. Мэзона, посла США во Франции, и Д. Бьюкенена, посла США в Англии. Эти дипломаты опубликовали грубую по откровенному изложению своих целей декларацию, известную под названием Остендского манифеста. В начале этого манифеста они пытались в более или менее осторожных выражениях убедить Испанию «продать» Кубу США. Однако по мере дальнейшего изложения тон декларации становился угрожающим. Если же испанское правительство, говорилось в манифесте, откажется продать остров, «руководствуясь упрямой гордостью и ложным чувством чести», «тогда мы (т. е. США. — О. Т.), согласно всем законам, человеческим и священным, будем иметь право отторгнуть его от Испании, как только будем иметь для этого силу» (39, стр. 812). Испания, поддержанная Англией и Францией, отвергла Остендский манифест. США вынуждены были дезавуировать манифест и отозвать своего посла из Мадрида.

Однако это не означало, что США отказались от планов захвата Кубы: идеи Остенд-

ского манифеста продолжали жить. Показательно, что в 1857 г. президентом США был избран один из его авторов, Бьюкенен, в котором рабовладельцы видели надежного защитника своих интересов.

К. Маркс в 1861 г. в работе «Гражданская война в Северной Америке» писал: «Как во внутренней, так и во внешней политике Соединенных Штатов интересы рабовладельцев служили путеводной звездой. Фактически Бьюкенен добился поста президента благодаря изданию Остендского манифеста, в котором приобретение Кубы, будь то путем покупки или силой оружия, провозглашалось великой задачей национальной политики» * (1, стр. 342).

В период войны за независимость Кубы, 1868—1878 гг., Соединенные Штаты, не готовые к захвату острова, заняли благоприятную для Испании позицию. Правительство генерала Гранта отказалось признать кубинцев воюющей стороной и помогло Испании организовать морскую блокаду острова: «страна свободы», как иронически называл

* Эту же мысль высказывает Х. Марти. Идея аннексионистов о присоединении Кубы к США, — указывает Марти, — нашла свое практическое воплощение в неудачной военной экспедиции, отправленной на Кубу «в те дни, когда рабовладельческое большинство Соединенных Штатов нуждалось еще в одном штате, который бы укрепил колеблющуюся политическую власть хранителей рабства» (16, стр. 660).

Марти США, задерживала корабли повстанцев с оружием, помогая тем самым врагам свободы, т. е. испанским колонизаторам. Если в войнах за независимость 1810—1826 гг. латиноамериканские народы имели перед собой одного врага — испанскую монархию, то кубинцам в войне за независимость 1895—1898 гг. пришлось вести борьбу на два фронта — и против испанского колониального гнета, и против империалистических поползновений США. Следовательно, война кубинцев является в истории Латинской Америки последней войной против испанского колониального режима и в то же время первым открытым выступлением против американского империализма. В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин отнес ее к разряду национальных движений эпохи империализма (см. 10, стр. 679).

Прожив 15 лет в эмиграции в США, Марти с полным основанием заявил: «Я жил в недрах чудовища и знаю его нутро» (приложение, стр. 190). Это знание позволяет ему прийти к правильному выводу: «агрессивный Север» — злейший враг освобождения Кубы, угроза свободе и независимости латиноамериканских народов. В борьбе с американским империализмом, этим «хищным зверем», Марти отстаивает и развивает идеи подлинно освободительного латиноамериканизма, которые он решительно противопоставляет лицемерному панамериканизму.

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века Соединенные Штаты переходят в открытое наступление на страны Латинской Америки. Используя идею панамериканизма, США взяли на себя инициативу созыва первой Панамериканской конференции американских государств. Она проходила в Вашингтоне со 2 октября 1889 г. по 19 апреля 1890 г. Руководил ею государственный секретарь США Блейн, который открыто заявлял о необходимости обеспечить Соединенным Штатам господствующее положение в торговле со странами Латинской Америки.

Марти посвятил этой конференции, или, как он ее называет, Панамериканскому конгрессу, несколько статей, в которых разоблачил действительную подоплеку конгресса, его «историю, основы и тенденции». «С самого дня провозглашения независимости, — писал он, — еще не было в Америке вопроса, требующего большей настороженности, более детального и тщательного анализа, чем этот конгресс, на который могущественные Соединенные Штаты, заваленные продукцией, не находящей сбыта, и полные решимости расширить свои владения на Американском континенте, пригласили менее сильные американские страны» (11, стр. 153).

Любой честный человек, говорил Марти, видит, что в Соединенных Штатах ныне господствует политический и религиозный деспотизм, возвращенный на истреблении коренного населения (индейцев), угнетении

негров-рабов и ограблении соседних слабых стран.

«Этот сосед, — продолжал Марти, имея в виду США, — никогда не поддерживал испанские народы Америки; он вспоминал о них лишь затем, чтобы воспрепятствовать увеличению их территории, как это было в Панаме, либо для того, чтобы овладеть их землями, — примером тут могут служить Мексика, Никарагуа, Санто-Доминго, Гаити и Куба; либо для того, чтобы заставить их угрозами отказаться от сношений с внешним миром, как это было в Колумбии, или навязать им свои товары, не находящие сбыта, чтобы подчинить их своему господству, как это делается сейчас» (11, стр. 154).

Жажда новых рынков сбыта служила тем мощным стимулом, без которого, по словам Марти, вряд ли удалось бы воплотить в проекте созыва Панамериканского конгресса (конференции) идею континентального господства и захвата Панамского канала, владевшую умами американских магнатов капитала. Марти предупреждал, что конгресс может положить начало эре господства США над народами Латинской Америки. Именно поэтому он призывал латиноамериканские страны установить, прежде чем вступать в союз с «агрессивным Севером», для какой из двух Америк выгодны обсуждаемые на конгрессе отношения, являются ли они абсолютно необходимыми для их мирной добрососедской жизни. Может быть, им лучше

оставаться друзьями, не связанными никакими соглашениями, советует Марти, чем «превращаться в хор подпевал, послушно подтягивающих стране... решившей вступить в дерзкое и ребяческое соперничество со всем миром» (11, стр. 162).

Марти следующим образом резюмирует свое резко отрицательное отношение к панамериканизму. «В свое время испанская Америка сумела освободиться от тирании Испании. И теперь, трезво рассмотрев предпосылки и причины приглашения наших стран на конгресс, нужно сказать правду: для испанской Америки пробил час вторично провозгласить свою независимость» (11, стр. 153). Ратуя за объединение против империалистических происков США, осуществляемых под флагом панамериканизма, Марти образно призывает латиноамериканские страны: «Деревьям надо стать в ряд и преградить путь гиганту в семимильных сапогах! Настал час испытания, час марша в едином строю. Мы должны идти вперед сомкнутыми рядами, монолитными, как серебро в недрах Анд!» (11, стр. 165).

Правильная оценка панамериканизма позволила Марти сделать ряд оригинальных теоретических обобщений относительно «взаимозависимости» стран Латинской Америки и США. В работе «Валютная конференция республик Америки» (1891), касаясь торговых и экономических отношений США и стран Латинской Америки, Марти приходит

к обобщающим выводам. «Народ, который желает быть свободным, — заявляет Марти, — должен быть свободным в торговле» (17, стр. 262). Свобода торговли имеет большое значение для сохранения независимости и поддержания мира во всем мире. Сильное государство, желая начать войну, прибегает к союзу и помощи тех стран, которые зависят от него, которые связали свою торговлю только с этим одним государством. Латиноамериканские страны, чтобы не попасть в зависимость от США, должны торговать со всеми странами независимо от их строя, будь то республика или монархия.

Марти решительно выступает против агрессивных блоков и союзов, направленных против других стран: «Ни союз с Америкой против Европы, ни союз с Европой против какого-либо народа Америки» (17, стр. 262).

Все эти положения Марти направлены на укрепление политической независимости латиноамериканских стран путем обеспечения их экономической самостоятельности. Этой цели должно служить развитие собственной промышленности и широкой торговли со всеми странами мира независимо от их политического строя. Укрепление политической независимости в свою очередь позволит странам Латинской Америки проводить на международной арене независимую миролюбивую внешнюю политику.

Ярким примером панамериканизма в действии была вероломная захватническая по-

литика США по отношению к Кубе в 90-е годы XIX в.

16 ноября 1889 г. Марти писал, что для США наступает момент, когда они перейдут к открытой агрессии, а так как они не осмелятся напасть ни на Мексику, ни на Канаду, то нападут на Кубу и Антильские острова (см. 16, стр. 392). Это предсказание Марти полностью подтвердилось. В. И. Ленин отмечал, что испано-американская война 1898 г. за захват Кубы и Филиппин была первой войной империалистического типа (см. 6, стр. 164).

Взяв курс на захват этих территорий, Соединенные Штаты использовали все средства пропаганды, чтобы оправдать свои империалистические цели, и в частности планы захвата Кубы. 16 марта 1889 г., указывает Марти, в газете республиканцев «The Manufacturer of Philadelphia» была опубликована статья «Мы хотим Кубу», полностью перепечатанная также газетой демократов «The Evening Post of New York»*. Содержание статьи вкратце сводилось к следующему. Куба — самый прекрасный из Антильских островов; она находится в центре Мексиканского залива и занимает важное стратегическое положение; страна, которая будет

* Марти специально отмечает факт опубликования статьи в газетах обеих главных партий США, желая тем самым подчеркнуть их единство в вопросах экспансии.

обладать Кубой, установит исключительное господство над морскими путями к будущему межокеанскому каналу; Куба расположена так близко к Флориде, что кажется, сама природа предопределила ее присоединение к нации, которая доминирует на континенте, т. е. к США; кубинский табак и сахарный тростник лучшие в мире; захват Кубы сделает США независимыми от мирового рынка сахара, а также даст новый и широкий рынок для американских товаров (см. 16, стр. 645).

Марти показал несостоятельность попыток Соединенных Штатов обосновать захват Кубы географическими, стратегическими, торговыми или политическими соображениями. Одновременно он разоблачил коварный план Соединенных Штатов использовать в своих интересах национально-освободительное движение на Кубе. Своему другу Гонсало де Кесада, участвовавшему в работе Панамериканского конгресса в качестве делегата от Аргентины, Марти писал 14 декабря 1889 г.: «В отношении нашей земли, Гонсало, существует другой, более вероломный, чем все известные до сих пор, план: он заключается в том, чтобы спровоцировать Кубу на неподготовленную войну, дабы иметь предлог для вмешательства, и затем под видом посредника или гаранта заполучить остров. Большой низости, более холодной подлости не было в анналах истории свободных народов» (16, стр. 197).

К середине 90-х годов стало ясно, что захват Кубы занял первое место в агрессивных планах американского империализма. Марти понимал, какая серьезная историческая ответственность выпала на долю кубинского национально-освободительного движения. В апреле 1894 г. он писал, что Куба находится накануне такой войны за независимость, которая в силу конкретных исторических условий приобретает огромное значение не только для Америки, но и для всего мира. По его словам, переход в руки Соединенных Штатов Антильских островов превратил бы их в «очаг войны», «укрепленный пункт американского Рима», который «после захвата Кубы начал бы бесчеловечную борьбу против остальных держав земного шара за мировое господство» (16, стр. 352). Независимость и безопасность латиноамериканских народов находятся в прямой зависимости от того, в чьих руках будет антильский ключ к Панамскому каналу и континенту в целом. Марти предупреждал латиноамериканские народы о том, чтобы «чужестранные империалисты... не проложили через Кубу путь к аннексии стран нашей Америки жестоким, агрессивным и презирающим нас Севером». «Если наша Америка желает быть свободной, пусть она поможет Кубе и Пуэрто-Рико стать свободными» (50, стр. 18).

Марти органически сочетал борьбу за независимость, против испанского колониаль-

но-феодалного строя с борьбой против американского империализма. «Мы ищем не смены формы угнетения, не стремимся заменить хозяина-испанца новым господином в американском мундире» (11, стр. 254), — писал Марти. Заменить одного хозяина другим, говорил он, это не значит стать свободным. Присоединение Кубы к США Марти назвал «фантастическим средством», которое относится к истинной политике в интересах Кубы, как алхимия к химии. Кубинский народ, заявил пламенный патриот, не желает присоединения Кубы к США. «Мы любим родину Линкольна, но страшимся отчизны Каттинга» * (приложение, стр. 182).

До конца жизни Марти оставался стойким и верным борцом за свободу и независимость Кубы и Латинской Америки. 18 мая 1895 г., за день до гибели, Марти написал письмо своему другу, видному мексиканскому политическому деятелю Мануэлю Меркадо, ставшее политическим завещанием Марти. Он писал: «Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки. Все, что я сделал до сих пор, и все, что мне еще предстоит совершить, — все для этого» (приложение, стр. 190).

* Каттинг — американский журналист, который пытался спровоцировать войну между США и Мексикой.

Три года шла упорная борьба Кубы за низвержение испанского колониального ига, но победа была отнята у народа коварным маневром американского империализма. Действуя в соответствии с политикой «зрелого плода», США вмешались в 1898 г. в испано-кубинскую войну. «Помощь» США, как и предвидел Марти, оказалась на деле осуществлением вероломного плана американских империалистов завладеть островом, используя национально-освободительную войну на Кубе как предлог для вмешательства в испано-кубинский конфликт. США «гарантировали» независимость Кубе, навязав ей поправку Платта, которая гласила: «Куба соглашается с тем, что Соединенные Штаты могут осуществить право интервенции для сохранения независимости Кубы» (37, стр. 335).

Произошло то, чего больше всего боялся Марти: Куба, а затем и другие латиноамериканские страны попали в кабальную экономическую и политическую зависимость от американского империализма. Латиноамериканские республики превратились в страны, которые В. И. Ленин охарактеризовал как политически, формально самостоятельные, на деле же опутанные сетями финансовой и дипломатической зависимости (см. 7, стр. 383).

Марти страстно мечтал видеть свою родину, а также другие страны Латинской Америки свободными и независимыми. В то время, когда он жил и боролся, его мечтам

не суждено было сбыться. И может быть, именно поэтому выдвинутая им антиимпериалистическая программа столь актуальна в наши дни, когда разворачивается решающая фаза борьбы за окончательное освобождение стран Латинской Америки от гнета американского монополистического капитала.

«МЫСЛИТЬ — ЗНАЧИТ СЛУЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ»

1. ОТ ИДЕАЛИЗМА К МАТЕРИАЛИЗМУ

Философские взгляды Марти претерпели сложную эволюцию. В молодые годы определенное влияние на него оказала философия краусизма *, с которой он познакомился во время учебы в католических университетах Испании.

* Своим названием она была обязана немецкому философу современнику Гегеля Карлу Краузе (1781—1832). Философия Краузе, эклектически сочетавшая пантеизм с теизмом (панентеизм), претендовала на открытие абсолютной истины, в которой якобы стираются все крайности материализма, идеализма и религии. В монархической Испании, стране церковного мракобесия, импортированный краусизм стал идеологией слабой испанской буржуазии, которая при помощи туманной философии Краузе обосновывала свои политические требования установления республиканского строя и ограничения влияния и могущества всемогущей католической церкви.

В своих «Философских идеях» * Марти характеризует учение Краузе как философию, которая преодолевает крайности идеализма и материализма. Он писал: «Великий Гегель связывает их (субъект и объект. — О. Т.), а еще более великий Краузе изучает их в субъекте, в объекте и в субъективной индивидуальной форме, в которой связь подводит изучающий субъект к изучаемому объекту. Я испытал большое удовольствие, когда обнаружил у Краузе эту промежуточную философию — секрет двух крайностей (т. е. преувеличения роли объекта или субъекта, материи или сознания. — О. Т.), которую я хотел назвать философией отношения» (15, стр. 222).

Употребляя кантовский язык, Марти так конкретизировал свою мысль: «К этому сводится все философское исследование: «Я», «не-Я» и как «Я» связано с «не-Я» — вот все три объекта философии» (15, стр. 225).

Марти считает, что каждая школа в отдельности, т. е. материализм и идеализм,

* «Философские идеи» — записки по философии, на основании которых Марти в 1877—1878 гг. читал лекции по философии в педагогическом институте в Гватемале (см. 15). «Философские идеи» — единственное произведение Марти, где он наиболее полно излагает свои философские взгляды. Разумеется, это произведение молодого Марти не может рассматриваться в качестве его последнего философского кредо, однако некоторые выраженные в нем передовые идеи легли в основу всего его мировоззрения. Часть этого произведения помещена в приложении к настоящей книге.

представляет собой лишь одну сторону истины и только соединение обеих школ образует полную истину. Он объясняет это тем, что одна часть природы, на которую направлено человеческое познание, ощутима и поэтому материальна, другая — неощутима и, следовательно, нематериальна. «Природа, — писал Марти, — это все, что существует в любой форме, в любом виде духа и тела...» (приложение, стр. 175).

Все это свидетельствует о том, что Марти еще не понял основного вопроса философии и поэтому не смог занять четкую позицию в оценке двух основных лагерей в философии. Он не понимал, что в пределах основного гносеологического вопроса противопоставление материи и сознания имеет абсолютное значение. По словам В. И. Ленина, для материи и духа как предельно широких понятий гносеологии нельзя дать иного определения, «кроме как указания на то, которое из них берется за первичное» (8, стр. 149).

Вместе с тем положительным в воззрениях Марти является их антикатолическая, антисхоластическая направленность. В этом отношении он продолжает прогрессивную тенденцию Варелы-Луса в кубинской философии: отстаивает научное знание как единственно правильный метод познания действительности, отвергает мистическую веру и схоластику. Он писал: «...вера мистическая, вера в космическое слово брахманов, в необыкновенное слово магов, в традиционное,

метафизическое и неподвижное слово священнослужителей, вера, которая вопреки движению Земли говорит, что она движется иначе; вера, которая за то, что утверждает механик из Валенсии, заковывает его в кандалы и ослепляет его; вера, которая осуждает как колдунов маркиза де Вильена, Бэкона и Галилея; вера, которая сначала отрицает то, что потом бывает вынуждена признать, — эта вера не средство достижения истины, а средство, затемняющее ее и препятствующее открытию ее...» (приложение, стр. 173—174).

Мы, заявляет Марти, свободные люди, уже придерживаемся другой веры, наша вера—это «вечная мудрость», а ее средство — «доказательство». «Наблюдаемая природа,— писал он,— единственный философский источник. Человек — наблюдатель, единственный носитель философии» (приложение, стр. 168). Наблюдение реального окружающего мира и размышление на основе наблюдаемого служат необходимыми элементами научного знания и подлинно научной философии*. Любой другой элемент, по его словам, может лишь в той или иной степени помочь исследованию, но он не является прочной базой научного знания и философии. Марти отвергает интуитивизм, составлявший

* Следует отметить в принципе правильное положение, которое Марти кладет в основу своей теории познания: «Объект находится вне меня, но понимание объекта находится во мне» (15, стр. 225).

краеугольный камень спиритуализма и религиозного мировоззрения вообще. «Мы не должны утверждать то, чего не можем доказать, — писал он. — Интуиция — это помощь, часто большая, но она не является научным и несомненным путем, ведущим к познанию» (приложение, стр. 172). Ставя на место слепой веры и интуитивизма научное доказательство на основе наблюдения окружающей человека природы, Марти отвергает отрыв мышления от жизни, эксперимента, что было типичным для схоластического образа мышления. «Практический довод означает не материальный, а экспериментальный довод» (приложение, стр. 172).

Марти защищает свободное научное мышление, противопоставляя его средневековой схоластике, стремившейся сковать разум человека религиозными догмами и домыслами. Схоластика, по его словам, превратилась в «бич свободной способности мышления»*. Разоблачая попытки церковников увековечить отрыв обучения от жизни и изучения природы, он с тонкой иронией спрашивает: «Или до того пуста и похожа на дым католическая религия, что с изучением природы

* В «Философских идеях» содержится следующий план лекций Марти по данному вопросу:

«Схоластика.

Подчинение философии теологии.

Союз философии и теологии.

Постепенное отделение» (15, стр. 223).

и способностей человека она рухнет?» (17, стр. 395). Человек должен непосредственно, не прибегая к «помощи» религии, изучать окружающий мир. Ныне «научный университет» пришел на смену «теологическому университету» средневековья. Отрывать человека от природы, говорит Марти, «чудовищно» и «просто схоластично». «Птицам даны крылья, рыбам — плавники, а людям, которые живут в Природе, — изучение и познание Природы — вот их крылья» (17, стр. 504).

Итак, основной чертой мировоззрения Марти является культ научного знания.

Отстаивание познаваемости мира — другая отличительная черта его философских воззрений. Человек не нуждается в помощи религии, он сам должен постигать все его интересующее. «Нельзя видеть вещь, не глядя на нее. Нельзя понять вещь, не исследуя ее. Исследование — глаз разума. Следовательно, — заключает Марти, — мы сами являемся первым средством познания вещей, естественным средством исследования, естественным философским средством» (приложение, стр. 175).

Вера во всепобеждающую силу человеческого разума пронизывает все произведения Марти. Вся история человечества, говорит он, свидетельствует о больших способностях людей к анализу, классификации фактов и выведению на их основе законов. То, что еще вчера было набором разрозненных фактов,

ныне приобретает стройность настоящей науки, где каждый факт получает свое объяснение и занимает подобающее ему место среди других фактов. Еще несколько лет назад электричество было непокорной и разрушительной силой, природа которой оставалась неизвестной. А сейчас оно служит человечеству, как хорошо обвезженная лошадь.

Марти приветствует великие победы науки. По его словам, научные достижения являются закономерным результатом раскрепощения человеческого разума. «XVIII век, — писал Марти, — основал Свободу, XIX век создает Науку. Естественный порядок не нарушен: Наука пришла после Свободы, которая есть основа всего» (17, стр. 518).

Марти выступает с резкой критикой позитивизма. В статье «Дарвин и Талмуд» (1884) он отвергает агностицизм позитивистов, сравнивает их воззрения с заповедью Талмуда, которая гласит: «Не пытайся постигнуть то, что слишком высоко для тебя, ни проникнуть в то, что находится вне твоего познания, ни открыть то, что расположено за пределами твоего разума» (16, стр. 951). Отмечая, что позитивисты XIX в. недалеко ушли от Талмуда, Марти писал: «Позитивизм считается новым течением, однако он представляет собой не более чем простое повторение философской эпохи, известной в истории всех народов; то, что нами было выписано из Талмуда, есть не что иное, как

трусливая позитивистская доктрина, которая, руководствуясь здоровым желанием предостеречь людей от вздорных спекулятивных построений, наносит тем не менее вред, пытаясь остановить человечество на полпути. Нужно заложить основу, прежде чем сделать шаг вперед в науке, но нельзя прокладывать дорогу к небу» (16, стр. 951).

Философия Марти глубоко оптимистична по своему содержанию. «Такие чудеса творят люди, — восклицает Марти, — что Прометей сможет разорвать свои цепи и задуть орла, а замечательная лестница Иакова перестанет быть мечтой!» (17, стр. 1048). Прославляя разум и науку, Марти заявляет: «Мыслить — значит служить человечеству», «Созидать — вот лозунг нового поколения» (11, стр. 171, 173). Мыслить и созидать — таков его вывод.

Большинство естествоиспытателей, с именем которых были связаны самые выдающиеся научные достижения прошлого века и открытиями которых живо интересуется Марти (Дарвин, Гексли, Геккель и др.), стояло на позициях стихийного естественнонаучного материализма. Понятно, что взгляды этих естествоиспытателей оказали положительное влияние и на Марти.

Марти был в курсе всех крупных событий в научном мире. В статье «Новые книги» он солидаризируется с передовыми научными учениями того времени о происхождении Земли, человека и жизни. В этой статье,

опираясь на учения Лайеля и Дарвина, Марти писал: «Мир не является серией этапов, разделенных катастрофами, а представляет собой грандиозный продукт непрерывной единой деятельности. Он стареет, улучшаясь, но естественно и закономерно... Человек есть не надменное центральное существо, находящееся в центре мира, не индивидуум исключительного типа, вокруг которого вращаются небо и Земля, животные и звезды, а известная вершина великого зоологического ряда... Умерли теория катастроф — пустая концепция Кювье — и антропоцентрическая теория, претенциозная концепция систематической спиритуалистской школы» (16, стр. 924—925).

«Два важных вопроса привлекают ныне к себе внимание философов, — писал Марти, — познание Земли и познание жизни» (16, стр. 924).

Вместе с естествоиспытателями Марти рассматривал происхождение Земли и появление на ней человека как естественный процесс. «Как только на Земле создались условия, в которых мог бы появиться человек, человек появился, и в любом месте, где Земля могла обеспечить ему существование» (16, стр. 1045).

Марти прекрасно сознавал всю сложность и другой проблемы — происхождения жизни, сознания, которая имела не только естественнонаучное, но и философское значение. Он отмечал, что «нынешняя протоплазма

представляет такую же тайну, как и примитивная первоначальная материальная частица в эпоху Демокрита и Эпикура» (60, стр. 221). Однако, глубоко веря в силу человеческого разума, Марти убежден, что проблема происхождения жизни будет решена, что истина, несмотря ни на что, будет открыта.

Стремясь найти правильный методологический подход к решению этой проблемы, Марти подверг резкой критике, с одной стороны, вульгарный материализм, с другой — спиритуализм. Он критикует вульгарных материалистов, которые полагают, будто «такие прекрасные вещи, как чувства, и такие возвышенные, как мысли, рождаются подобно плесени на мясе...» (16, стр. 943). Марти с удовлетворением отмечал: «Уже проходит детский период современной науки, каким был бюхнеризм...» (16, стр. 1899). Отвергая взгляды вульгарных материалистов, Марти вместе с тем выражал свои симпатии подлинно материалистической концепции происхождения жизни. Он солидаризуется с мнением большинства биологов, что «жизнь возникла из примитивной клетки», считая его равносильным утверждению о том, что «мир не был сотворен, а является таковым в результате непрерывного развития» (17, стр. 1169). Нет никакой опасности в том, что «многие биологи рассматривают дух как порождение материи» (16, стр. 943).

Одновременно Марти отвергает и попытки спиритуалистов положить в основу всего

сущего духовную субстанцию. «Влиянием культуры на человеческий ум объясняется стремление последнего рассматривать действительное как явление, а не как субстанцию, как случайное и следствие, а дух как абсолютное бытие» (17, стр. 1684).

В статье «Новая и любопытная книга» (1884) Марти с позиций естественнонаучного материализма подверг резкой критике спиритуалистские рассуждения Фрэнсиса Солтена, призванные доказать абсолютную наследственную предопределенность психики человека. Последний заявлял: «Дайте мне три поколения родственников, и я вам предскажу все духовные качества их потомков» (16, стр. 958). По мнению Марти, такой «теорией» наследственности Солтен преследует цель заставить «материалистическую философию согласиться с тем, что дух появляется на земле с заранее намеченным и сформировавшимся характером» и «даже признать в той или иной форме истинность предсуществования, что в свою очередь ведет к утверждению необходимости и разумности послесуществования» (16, стр. 959).

Отбросив крайности — спиритуализм и вульгарный материализм, Марти не остановился в нерешительности перед таинственной «духовной жизнью». Он считает, что «законы жизни могут быть познаны, как и законы звезд», а «духовная жизнь — это такая же наука, как и физическая жизнь» (16, стр. 958—959). При этом он открыто

выражает свои симпатии материализму, материалистической точке зрения: «Материалистическая философия является не чем иным, как горячим выражением человеческой любви к истине и законным восстанием духа анализа против претенциозности и высокопарности тех, кто пытается установить законы вещам, сущности которых не знает. Материалистическая философия, чтобы завершить свои системы, встанет перед необходимостью изучения законов духа. От отрицания духа (которое было вызвано в наше время, как и в прошлом, утверждением об исключительности духа) она перейдет к открытию того, что дух подчинен законам и движется в соответствии с ними, ускоренный или сдерживаемый в своем развитии механическими причинами или окружающими обстоятельствами...» (16, стр. 957).

Выступая против схоластического раздвоения человека, Марти тем самым отвергал в принципе старый метафизический подход к изучению духовных явлений.

Дарвинизм, нанесший сокрушительный удар по антинаучным креационистским воззрениям, способствовал широкому распространению диалектических идей развития. Эти идеи, в особенности идеи трансформизма, всеобщей связи и взаимной обусловленности природных явлений и т. д., нашли свое отражение и в мировоззрении Марти. Опираясь на данные естествознания, и прежде всего на учения Дарвина и Лайеля, Марти

подчеркивает всеобщий характер закона развития: «Все течет и изменяется...» Непрерывное изменение происходит как в «мире материальном», так и в «мире моральном». Процесс развития протекает «от несовершенства к совершенству». Все, что рождается, является слабым и несовершенным; и ничто не достигает совершенства без того, чтобы не пройти через первоначальное состояние слабости и несовершенства. Ничто не разрушается без того, чтобы при этом что-либо не возникло.

Следует отметить, что признание идеи развития сочеталось в мировоззрении Марти с диалектическим признанием единства окружающего человека мира и самого человека. «Человек един, — писал Марти, — порядок и единство являются священными и непреложными законами Природы» (17, стр. 367). «Для меня, — говорит Марти, — слово «Вселенная» (по-испански — «Univer-so». — О. Т.) объясняет Вселенную: разнообразное в едином (*versus uni*)» (17, стр. 1676). И далее: «Вселенная — восхитительное слово, итог всей философии: единое в разнообразном, разнообразное в едином» (17, стр. 487).

При этом Марти высказал идею о существенном тождестве, единстве законов развития во всех сферах жизни. «Законы политики, — писал он, — тождественны законам природы. Моральный мир подобен миру материальному. Закон, присущий движению

звезды в пространстве, похож на закон развития мысли в мозгу. Все тождественно». Во всех сферах жизни, указывает Марти, по своей сути единой и сходной в своих различных формах, действует «закон аналогичного развития». Этот закон он выводил из признания того факта, что в действительности все предметы и явления находятся во взаимодействии друг с другом и развиваются во взаимной связи и обусловленности. «Все взаимно превращается, — писал Марти, — но все это происходит в соответствии с каждым предметом — живым существом и вещью — и вместе со всеми» (60, стр. 220).

Эволюция философских воззрений Марти продолжалась вплоть до последних дней его жизни. Несомненно, что в борьбе с религиозно-спиритуалистической идеологией он становится защитником материализма, прогрессивных традиций кубинской философии XIX в. В этой борьбе кубинский материализм делал свои первые шаги и поэтому часто не был свободен от всевозможных теологических, метафизических и прочих идеалистических непоследовательностей. Подобные слабости присущи и философии Марти.

Остановимся, в частности, на непоследовательной оценке Марти дарвинизма, за которую ухватились некоторые буржуазные историки философии, с тем чтобы доказать его принадлежность к идеалистам. Марти

высоко отзывался об учении Дарвина, в частности о его «Происхождении видов» и «Происхождении человека». В своих статьях он подробно излагает содержание этих фундаментальных работ. По его словам, Дарвину принадлежит великая заслуга открытия знаменитого закона развития — закона естественного отбора. Марти выступил против всякого рода нападков на Дарвина, усилившихся особенно после выхода книги «Происхождение человека». Он писал, что в этой работе Дарвин высказал мысль о происхождении человека от обезьяноподобных предков, которая породила несправедливые нападки со стороны людей, не воспитанных в духе уважения свободы независимого мышления и усилий искреннего и трудолюбивого исследователя.

Соглашаясь с эволюционным учением Дарвина, Марти в статье «Умер Дарвин» (1882) указывал, что оно дает ответ «на половину живого существа, а не на целое существо», т. е. показывает закономерности развития тела, но не раскрывает законов происхождения и развития духа. Учение Дарвина, по словам Марти, еще «не дает ответа на вопрос о том (однако в этом нет никакой опасности для тех, кто считает, что дух является порождением материи), что дух в животных совершенствовался по мере того, как развивалась их форма» (16, стр. 943). Исходя из этого, он делает такой вывод: «Жизнь двойственна. Ошибается тот, кто

изучает только одну её половину» (16, стр. 944) *.

Делая подобный вывод, Марти стремится прежде всего обратить внимание на непознанные законы «духовной жизни», на тот факт, что науке предстоит еще объяснить и показать, как совершенствовалась психическая деятельность животных по мере развития их физической организации. В статье о Дарвине он фактически повторяет вопрос, который уже задает себе раньше в «Философских идеях»: «Если духовное развитие зависит от тела, то нужно доказать, что в соответствии с тем, как развивается тело, развивается и дух» (15, стр. 224). С точки зрения Марти, дарвинизм хорошо объясняет только одну сторону жизни — развитие физического мира, оставляя открытым вопрос о законах развития духа, а также взаимо-

* Этот неточный вывод Марти дал основание для ошибочных оценок. Так, кубинский историк, академик Исидро Мендес категорически заявляет: «Спиритуалист, как всегда, он (Марти. — О. Т.) решительно высказывается за дуализм — «жизнь двойственна; ошибается тот, кто изучает только одну ее половину»» (60, стр. 220). А вот что пишет Ракель Катала: «Его (Марти. — О. Т.) спиритуалистская концепция — это концепция не исключения, а, наоборот, включения. Он не отвергает материалистическое учение (Дарвина. — О. Т.) как ложное. Восторженно оценивает его положительные заслуги, но объявляет его неполным. Философия и метафизика, наука и поэзия служат для него другими средствами, абсолютно необходимыми для понимания и реализации жизни во всей ее полноте» (40, стр. 10).

действии тела и духа, психического и физического, образующих две стороны единой жизни. Разумеется, из этого никак нельзя заключить, что он отвергает дарвинизм, а вместе с ним и материализм вообще, с тем чтобы подтвердить свою «традиционную приверженность» декартовскому дуализму души и тела или даже спиритуализму.

Можно, конечно, спорить о том, насколько верна вышеприведенная оценка Марти дарвинизма, однако она ни в коей мере не может служить веским аргументом, с помощью которого можно «спасти» Марти от материализма. Более того, не вызывает никакого сомнения, что симпатии Марти на стороне Дарвина, материалистическому учению которого он дает в целом высокую оценку. Поддерживая и разделяя принцип трансформизма, Марти не отрицает также лежащих в основе учения Дарвина принципиальных материалистических положений. Обращая же внимание на то, что дарвинизм оставляет открытым вопрос о законах развития «духовной жизни», он определенно склоняется к тому, что эти законы призвана открыть и объяснить материалистическая философия.

Эволюция к материализму — главная черта мировоззрения Марти; его философия, материалистическая по тенденциям, становится материалистической в своей основе. Этой точки зрения в известной степени придерживается Кубинский научный центр по

изучению наследия Марти. В изданном в 1961 г. этим центром библиографическом руководстве по изучению идейно-теоретического наследия Марти говорится, что в период между 1883 и 1887 гг. его мировоззрение становится радикальным в геометрической прогрессии, и он окончательно превращается в «почти материалиста» (67, стр. 17).

Буржуазные историки философии, стремясь изобразить Марти идеалистом, сознательно обходят молчанием многие важные материалистические положения в его произведениях и сосредоточивают внимание на слабостях и непоследовательности в его мировоззрении. При этом игнорируется, что многие недостатки в его взглядах, например в вопросе о происхождении жизни, были в значительной степени определены историческими условиями того времени, слабостью тогда еще совсем молодой науки о «духовной жизни». Однако при всех своих недостатках его философские взгляды представляют собой значительный шаг вперед в развитии передовой философской мысли Латинской Америки XIX в.

2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Философские взгляды Марти служили теоретической основой для материалистической тенденции в истолковании ряда вопросов общественного развития. Для Марти

характерны, например, следующие высказывания: «Жизнь народов, как и отдельных людей, основывается на удовлетворении их материальных потребностей» (17, стр. 803), «Если изменяются условия существования людей, то изменяются литература, философия и религия...» (16, стр. 1063).

Марти исходил из правильного представления о том, что общество постоянно развивается, поднимаясь с низшей ступени развития на высшую. Причем в каждой стране социальный прогресс имеет свои национальные и исторические особенности. Поэтому нельзя слепо копировать все иностранное, как это пытается делать, по словам Марти, «политический идеализм». Наше время, говорит Марти в статье «Наша Америка», требует реальной политики и людей с реальным взглядом на жизнь (см. 11, стр. 170). Марти исходил из того, что «факты следует брать такими, какими они являются на самом деле, не преувеличивая, не извращая и не замалчивая их» (11, стр. 153). В политике не следует увлекаться формой вещей и явлений, а нужно проникать в самую глубь явлений, познать их суть, подоплеку. Политический реализм во многом объясняет правильное решение Марти ряда политических проблем Кубы, Латинской Америки и США, гениальное предвосхищение им событий.

Марти понимал, что общество развивается по объективным законам. Вместе с тем

он отвергал фатализм и признавал активную роль деятельности самих людей в истории. Марти решительно отбросил теорию провиденциализма, ибо ясно видел, что провиденциализм обрекает людей на рабское, беспрекословное повиновение «сильным мира сего», на пассивность и бездействие перед лицом происходящих исторических событий, якобы предначертанных божественным провидением. Марти писал: «Прогресс неизбежен, но он совершается в нас самих; мы являемся нашим критерием и нашим законом; все зависит от нас; человек является логикой и провидением человечества» (17, стр. 716).

Во всей своей деятельности революционер-демократ исходил из того, что народ, трудящиеся массы — главная сила прогресса. Марти был непримирим по отношению к тем, кто принижал или недооценивал роль народных масс в истории, в революционной борьбе. Резкой, принципиальной критике им был подвергнут каудилизм («вождизм»), идеям которого одно время склонны были следовать генералы Максимо Гомес и Антонио Масео. Горячие патриоты своей родины, не жалевшие ни сил, ни средств, ни жизни для ее освобождения, они сделали, однако, из уроков революции 1868—1878 гг. неправильный вывод, будто Кубу можно освободить при помощи личной революции, военной экспедиции какого-либо каудильо.

Большую роль в опровержении этих взглядов сыграло письмо Марти Гомесу от

20 октября 1884 г. В нем Марти подверг принципиальной критике каудилистские установки Гомеса. «Я не окажу ни малейшего содействия делу, начатому с целью установить на моей родине режим деспотической диктатуры личности, еще более позорный и пагубный для моей страны, чем политическое бесправие, от которого она страдает сейчас... Кто мы, генерал? Героические и скромные служители великой идеи, окрыляющей наши сердца, верные друзья страждущего народа или дерзкие и удачливые каудильо, которые, натянув сапоги со шпорами и взяв хлыст в руки, намерены поднять народ на войну для того, чтобы впоследствии поработить его?» (11, стр. 237—238). Марти отвергает «теорию» личной революции и встает на защиту идеи народной революции. Нужно повиноваться воле народной, писал Марти Гомесу, нужно руководствоваться ею во всех действиях и поступках, больших и малых. Эту же мысль он вновь повторяет в письме к Масео от 3 ноября 1894 г.: «...революции, какими бы личными они ни казались, являются продуктом деятельности многих волей, и часто нужно собственную волю подчинять общей» (16, стр. 216). Столь же решительно Марти высказывается против диктатуры «сильной личности», которая должна явиться закономерным следствием личной революции. В своей речи на собрании кубинских эмигрантов в Тампе 26 ноября 1891 г. он говорил: «Мы боремся за свободу кубинцев, а не за

то, чтобы закрыть им путь к свободе. Мы боремся за мир и равенство для всех верных сынов Кубы, а не за то, чтобы создать у самых ворот континента ужасную диктатуру нового Вентимильи, превратить Кубу в поместье кровавого Росаса или второй Парагвай, вотчину доктора Франсиа*... Препградим путь такой республике, которая не будет достойна человека, не будет служить благу и процветанию всех кубинцев!» (11, стр. 250—251).

В борьбе с концепциями каудилизма Марти отстаивал идею народной революции. Созданная им Кубинская революционная партия ставила одной из своих задач борьбу против идей личной революции и защиту идей народной революции. В статье «Эмигранты, экспедиции и революция» (1893) Марти писал: «Кубинская революционная партия... отвергает в корне ребяческую и опасную мысль, и в действительности неприменимую по отношению к Кубе, о личных революциях, о войнах, импортированных в страну, чреватую революцией, каким-нибудь высокомерным фанатиком, который не уважает свою страну и не считается с ее интересами» (16, стр. 107). «Манифест Монтекристи» окончательно закрепил курс на народную революционную войну за национальную независимость Кубы.

* Вентимилья, Росас и Франсиа — латиноамериканские диктаторы прошлого века, правившие соответственно в Эквадоре, Аргентине и Парагвае.

Критика концепций каудилизма и защита идеи народной революции убедительно свидетельствуют о том, что Марти правильно подчеркивал роль народных масс и личности в истории. Однако слабость в трактовке этого вопроса проявилась в том, что Марти говорил о народных массах вообще, упуская из виду факт их классового расслоения.

В трактовке социологических вопросов у Марти во многих случаях обнаруживается конкретно-исторический подход к оценке анализируемых явлений. Этим он во многом был обязан своему политическому реализму.

Особо следует остановиться на тех произведениях Марти, в которых он прозорливо понимал значение идей мира и дружбы между народами. Высказывания Марти о войне и мире глубоко гуманистичны. «Уже пора, — писал он, — чтобы силы созидания одержали победу в грандиозной человеческой битве над силами разрушения» (17, стр. 978). Мечтая о мире во всем мире, Марти говорил: «Америка должна способствовать всему, что сближает народы, и ненавидеть все, что их разъединяет», «Все народы должны объединиться в дружбе...» (17, стр. 272—273).

При этом Марти не был пацифистом и прекрасно отдавал себе отчет, за какой мир необходимо бороться. Понятие мира для Марти несовместимо с колониальным рабством, империалистическим гнетом, экспансионистскими устремлениями, порабощением чужих стран и народов.

Марти с симпатией и глубокой любовью относился к борцам за национальную свободу и независимость. «Те же, — говорил он, — кто воюет из честолюбивых побуждений, те, для кого война — путь к господству, средство поработить другие народы и захватить чужую землю. — такие люди — преступники» (11, стр. 142).

Глубокого смысла полны его слова, брошенные в лицо финансовым магнатам США: «Злодеи, которые ради своей наживы сеют горе и вражду между народами, заслуживают того, чтобы их с петлей на шее, босыми, с обритыми головами провели по улицам мирных городов. Кто они? Банкиры? Нет, бандиты, — вот их настоящее имя!» (11, стр. 190).

Марти выступал против раскола мира на враждебные группировки государств и призывал к тому, чтобы в международной политике и торговле торжествовали справедливость и мир. Он был убежден в том, что придет время, когда все народы напишут на своем знамени — *мир*. Как бы подводя итог своим воззрениям на мир и войну, Марти с твердой уверенностью заявляет: «Будущее принадлежит миру» (17, стр. 272).

3. СВОБОДОМЫСЛИЕ И КРИТИКА КАТОЛИЦИЗМА

К социологическому реализму Марти тесно примыкают его радикальные антирелигиоз-

ные воззрения. Уже в молодые годы у него намечается критическое отношение к католической религии и церкви, выступавшим в союзе с испанскими колонизаторами. Правда, протест Марти в эти годы не лишен еще религиозной окраски, о чем свидетельствуют его неоднократные рассуждения о боге как «благе», «всеобщем духе» и т. п. На этом основании многие буржуазные историки философии увлеклись спором о том, был ли Марти в этот период сторонником «деизма», «пантеизма», «панентеизма» и т. д. Однако не в этом суть дела. Главное состоит в том, что уже в эти годы Марти становится непримиримым врагом церкви и католицизма как официальной религиозной идеологии.

В статье «Политическая тюрьма на Кубе» (1871) Марти определяет бога как «благо», противопоставляя его официальному богу католицизма, который благословляет зверства испанских колонизаторов и молча взирает на страдания и мучения кубинских борцов за национальную независимость. Не трудно заметить, что в понятие «блага» он вкладывал сугубо земное содержание: освобождение кубинского народа, свержение испанского колониального гнета.

В «Философских идеях» Марти можно найти упоминание о боге как «безбрежном море духа». Однако он отрицает существование бога-творца, бога как личности, что составляет основу философии Краузе и католицизма. Оппозиция Марти католицизму в

«Философских идеях» весьма заметна. Марти прямо заявляет, что «нас научили верить в бога, который не является настоящим» (15, стр. 217).

В дальнейшем воззрения Марти на религию становятся еще более радикальными. Критика католицизма перерастает в отрицание всех существующих религий. «Религии,— писал Марти в статье «Отлучение падре Макглинна» (1887), — выросли из одних и тех же корней, поклонялись одним и тем же образам, процветали по одним и тем же причинам и разложились вследствие одних и тех же пороков» (16, стр. 1820).

В 1889 г. в книге «Золотой возраст» Марти правильно указывает на беспомощность и бессилие человека в борьбе со стихийными силами природы как на одну из причин происхождения религии: «Так как люди создают богов по своему образу и подобию, то каждый народ изобретает свое «небо», населяя его святыми, которые живут и думают точно так же, как и народ, создавший их и поклоняющийся им в церквах, ибо человек видит себя ничтожным перед Природой, которая его растит и убивает, и чувствует потребность верить во что-то могущественное и просить ее о том, чтобы Природа обращалась с ним хорошо и не лишала его жизни» (17, стр. 1228).

Как революционный демократ, Марти не ограничился критикой доктрины католицизма, но показал социальную роль религии и

церкви как «формы власти», т. е. как орудия классового угнетения и эксплуатации трудящихся масс. Указывая на традиционный союз светской и духовной власти, служащий поддержанию их господства, Марти писал, что если кто-либо в силу своей власти становился королем, то говорили, что он «сын божий» на земле. «Короли были рады тому, что люди верили в это, а жрецы говорили, что это истина, для того чтобы короли были благодарны и помогали им. И таким образом властвовали вместе жрецы и короли» (17, стр. 1227).

А вот как характеризовал Марти классовую политику церкви в США: «Церковь говорила политику: «Дай мне эту землю, этот закон, это исключительное право, а я сделаю так, что за твоего кандидата будет голосовать вся моя паства»; богачу: «Массы восстают, только церковь, обещая им справедливость на небе, может сдержать их; необходимо дать отпор массам»; бедняку: «Бедность священна — разве может быть что-либо прекраснее души, укрепившейся при посредстве отречения (от земных благ. — О. Т.)? Там, на небе, придет наконец вознаграждение и отдых»» (16, стр. 1822—1823). И далее: «И так росла в огромных масштабах сила церкви в Соединенных Штатах... и особенно вследствие той низкой причины, которая только и могла родиться в обстановке преклонения перед деньгами, что сила церкви над низшими классами рассмат-

ривается как самое сильное противодействие требованиям последних об улучшении их положения, а также как самая надежная защита капитала богачей» (16, стр. 1785).

Марти поддерживал любое движение, направленное против церкви. В 1887 г. он поднял голос в защиту бедного американского священника Макглинна, выступившего против засилья Ватикана и призывавшего обратить внимание на тяжелое положение трудящихся масс, за что он был отлучен папой от церкви. Этот факт Марти использовал для критики и разоблачения папства. По его словам, отлучением Макглинна от церкви папство еще раз доказало, что оно продолжает править при помощи кинжала, яда, застенка, как во времена Сфорцы и Гонзаги *. «Нечистое здание папства» было воздвигнуто руками людей, оно имеет сугубо «человеческую», а не божественную природу. Марти зло высмеял культ слепого преклонения перед «божественной» властью папы, свойственной всей системе церковной иерархии в целом. «Нет более жалкого зрелища, чем то, которое представляют эти слепые, что ползают в мире на коленях и держатся за край сутаны (папы. — О. Т.), как брахманы ... за хвост священного быка» (16, стр. 1825).

В борьбе с клерикализмом Марти приходит к радикальному выводу: «Народ не мо-

* Сфорца и Гонзага — феодальные итальянские династии, отличавшиеся деспотизмом, вероломством и жестокостью.

жет быть счастлив без отделения церкви от государства» (16, стр. 1964).

Критика Марти католицизма и церкви была самым тесным образом связана с его политической борьбой против испанского колониального гнёта и обращена в первую очередь к широким массам кубинского крестьянства, которых пламенный революционер-демократ стремился вырвать из духовного плена церкви, оплота колониализма, и привлечь на сторону освободительного движения. В связи с этим представляет интерес его небольшое антирелигиозное произведение «Крестьянин» (см. приложение), которое является замечательным образцом атеистической пропаганды среди самых отсталых слоев населения и одновременно дает возможность ответить на вопрос об особенностях и характере антирелигиозных воззрений самого Марти.

«Крестьянин» — яркий атеистический памфлет. Марти использует критику «таинства» крещения для пропаганды среди крестьянства антирелигиозных воззрений. Чтобы понятнее и доходчивее выразить свои взгляды, он ведет повествование языком, доступным малограмотным людям, которые долго находились в духовном плену у церкви.

Духовенство, говорится в памфлете, заинтересовано в том, чтобы держать крестьян в темноте, ибо на их невежестве зиждется его благополучие. Духовенство навязывает людям готовые догмы, в то время как «первый долг

человека состоит в том, чтобы мыслить самостоятельно» (приложение, стр. 176).

Касаясь религиозных обрядов, Марти отмечал, что в обряде крещения нет ничего таинственного, божественного. Таинство крещения — обыкновенный обман, за которым скрывается вполне земное неумемное стяжательство церкви.

Представителей праздного, живущего за счет чужого труда духовенства Марти наделяет уничтожающими характеристиками — «почти всегда порочный человек», «вор в тонзуре», «животное» и т. д. Обряд крещения, сулящий спасение в рай, — один из источников доходов духовенства. Но что это за «царство рая», спрашивает Марти, и какая необходимость в нем, если оно предоставляется за определенное количество зерна, яиц, птиц? Неужели человек будет обречен на муки ада из-за того, что не заплатит за это «благо» несколько серебряных монет? Если судить по «посланцам бога» на земле, то и сам бог является в таком случае «чем-то вроде ростовщика, стяжателя, лавочника» (приложение, стр. 180).

Свой памфлет Марти заканчивает мыслью, которую следует рассмотреть особо. «Можно ли сбросить религию так, чтобы на ее развалинах не возникла другая? — спрашивает Марти. — Что нужно душе для удовлетворения неукротимого религиозного чувства? На это нужно ответить: эта эпоха имеет свою религию» (приложение, стр. 180). Какую

же религию имеет современная эпоха? Этот вопрос остался открытым, но на него необходимо дать ответ, поскольку в нем содержится ключ к пониманию Марти. Мы должны на этом остановиться подробнее, тем более что в зарубежной историко-философской литературе широкое распространение получили ложные теории о его «религиозности».

В 1875 г. в связи с учреждением в Мексике национального праздника — Дня независимости Марти писал: «Культ необходим для народов. Любовь есть не более как потребность веры: существует таинственная сила, которая желает всегда во что-то верить и что-то уважать. Иррациональный культ, к счастью, отмирает; сейчас начинается культ разума. Уже не верят в образы религии — народ ныне верит в образы родины. От культа к культу; культ всех обязанностей перед нацией более прекрасен, чем культ всех теней» (17, стр. 691).

В один ряд с разумом Марти ставит также свободу. Он писал: «Свобода — окончательная религия», «поэзия свободы — новый культ» (16, стр. 1820). По его словам, католицизм, сковывая свободу мышления, выступает тем самым против «религии всеобщей свободы и разумной собственной мысли» (17, стр. 716).

Таким образом, культ разума и свободы Марти склонен был рассматривать в качестве последней, окончательной «религии». Разумеется, в этом «новом культе» нет ничего ре-

лигиозного и таинственного *. Более того, он неразрывно связан с той эпохой в истории Кубы, через которую многие страны Европы уже прошли в XVIII в., а Кубе еще только предстояло пройти. Содержание этой эпохи определялось борьбой капитализма с феодализмом, борьбой за национальную свободу и независимость, против колониального гнета, против всех пережитков средневековья. В этих условиях культ разума и в особенности свободы, неразрывно соединяющейся с требованием независимости Кубы, являлся закономерной формой пропаганды свободомыслия и боевым лозунгом, призванным вырвать кубинское крестьянство, широкие народные массы из-под влияния официальной католической религии и вовлечь их в национально-освободительное движение.

Марти, однако, не был последовательным атеистом. Наблюдая религиозность кубинского крестьянства, он склонен был переоценивать «потребность человека во что-то верить». Современная религия, по его словам, представляет собой согласование религиозного чувства, т. е. потребности верить, со сво-

* Х. И. Хименес — Грульон в своей книге «Философия Хосе Марти», между прочим, говорит о Марти следующее: «Открыто заявив о своей враждебности ко всему, что по традиции рассматривалось в качестве религии, он высказал догадку о возможности новой религии, основанной на культе Свободы и Природы. Ясно, что это не религия...» (47, стр. 210).

бодным суждением (49, стр. 16). Подобная точка зрения при своем логическом завершении могла привести к выводу, что «потребность веры» является врожденным качеством человека.

Однако в целом свободомыслие Марти представляет собой выдающееся прогрессивное явление в истории кубинской общественно-политической и философской мысли прошлого столетия.

4. ЭТИКА. ПАТРИОТИЗМ И ГУМАНИЗМ

Сила этики Марти в ее активном, революционном отношении к действительности, а также в том подлинно демократическом содержании, которое пламенный революционер-демократ вложил в традиционные категории «блага», «долга» и т. д. применительно к условиям национально-освободительной борьбы на Кубе. Этика Марти была направлена против традиций старого общества, в особенности против феодально-религиозной морали колонизаторов. Вместе с тем она ничего общего не имела с моральными идеями помещичье-буржуазного либерализма (автономизма).

Девиз «Со всеми и для блага всех» как этический принцип означал беззаветное служение интересам народа, постоянную заботу о счастье и благоденствии большинства обще-

ства, которое составляют трудящиеся. Марти клеймит праздность и паразитизм тех, кто живет за счет чужого труда. По его словам, «бесполезен и вообще вреден человек, пользующийся благосостоянием, творцом которого он не был» (16, стр. 169). В то же время Марти возвеличивает свободный труд и людей труда. В интересах большинства народа он требует создания на Кубе после завоевания независимости справедливого и разумного общества, соответствующего природе трудящегося человека. Его республика «со всеми и для блага всех» — это страна труда, в которой на основе ликвидации порабощения и угнетения человека человеком возникают и совершенно новые моральные отношения между людьми. Их высший этический принцип — любовь к труду, презрение к тунеядцам.

Важное место среди новых демократических принципов нравственности Марти отводил категории долга. «Настоящий человек не ищет, где лучше живется, он ищет, где его долг; и это единственно настоящий человек, чья сегодняшняя мечта станет завтра действительностью, ибо тот, кто заглянул в самые глубины Вселенной и увидел бурлящие народы, сгорающие и истекающие кровью в мастерской веков, тот знает, что будущее — и тут не может быть исключений — на стороне тех, кто знает свой долг» (23, стр. 53). Высший революционный долг кубинца Марти видел в борьбе за освобождение родины от колониального гнета, за создание на развали

нах старого колониального строя такого общества, которое принесет счастье и процветание всему кубинскому народу.

Большое место в работах Марти занимают такие важные этические и идеологические принципы, как патриотизм и гуманизм. Его патриотические идеи в противоположность лицемерному псевдопатриотизму автономистов и аннексионистов были проникнуты безграничной верой в творческие способности и революционную энергию кубинского народа. С огромной любовью говорил он о простых тружениках, о народах Кубы, всей Латинской Америки. Счастье и силу человека Марти видел в неразрывной связи с родиной и народом. Без непоколебимой любви к родине «не может быть счастлив человек» (11, стр. 260), «не существует человека без родины», «нет родины без свободы» (16, стр. 459).

В статье «Бедняки земли нашей» Марти с глубокой симпатией и любовью писал о настоящих патриотах — скромных простых тружениках, кубинских рабочих, которые и в эмиграции продолжали оставаться самым надежным и неистощимым источником революционных сил национального освобождения. «Кубинец-рабочий, говорит Марти, тянется к свободе... он не может смириться с жизнью в тени испанских виселиц» (приложение, стр. 188). Именно поэтому 10 октября 1894 г., в день памяти героев Десятилетней войны, кубинский рабочий, внеся свой днев-

ной заработок в фонд революции*, не на словах, а на деле внес своей мозолистой рукой бесценный вклад в сокровищницу свободы и справедливости; не требуя ни награды, ни славы, он лишал себя и свою полуголодную семью самого необходимого только для того, чтобы вложить оружие в руки борца за дело родины. «Такие люди, — заявляет Марти, — гордость родины» (приложение, стр. 189).

Патриотизм Марти воплотил в себе чаяния и стремления народных «низов» — кубинских крестьян и рабочих. Сам Марти заявлял: жить, защищая интересы бедняков, — в этом мой патриотизм и ни в чем ином (см. 16, стр. 196).

Отличительная особенность патриотизма Марти состояла в том, что он был неразрывно связан с идеями интернационализма и чужд даже малейших проявлений кичливого национализма, проповедующего расовую и национальную исключительность.

20 августа 1892 г. в газете «Patria» он писал, что в республике «со всеми и для блага всех» «каждый гражданин — кубинец или испанец, белый или черный, американец или европеец — смог бы пользоваться в труде и в мире всеми правами человека» (16, стр. 324).

* 10 октября 1894 г. кубинские рабочие, проживавшие в США, весь день провели в труде, передав свой дневной заработок в фонд подготовки революции на Кубе.

Чувство национальной гордости, чести и достоинства органически сочетается у Марти с любовью ко всему человечеству, с пропагандой идеи мира и дружбы между народами. Как подлинный интернационалист, он заявляет: «Родина — это все человечество». Куба — его составная часть. Думая о Кубе, Марти беспокоится о судьбе Латинской Америки, о прогрессе всего человечества.

Исходя из гуманистических идей равенства всех народов независимо от цвета кожи, Марти подверг уничтожающей критике расизм. «Люди, различные по телосложению и цвету кожи, наделены одинаковой душой, — писал Марти. — Тот, кто возбуждает и распространяет расовую вражду и ненависть, совершает преступление против человечества» (11, стр. 173). И далее: «Рас нет, есть только разновидности человека, отличающиеся в зависимости от климата и исторических условий нравами и внешним видом, не меняющими человеческой сущности и внутреннего единства людей» (11, стр. 210).

Конечно, отсюда не следует, будто Марти отрицал существование рас как антропологически различных групп людей. Смысл отрицания Марти рас заключается в отрицании расы как социального мифа. Разоблачая вымыслы расистов о якобы природном разделении людей на «высшие» и «низшие» расы, о природной обусловленности расовой ненависти и вражды, Марти выбивал из рук расистов их главный аргумент, с помощью

которого они обосновывали и оправдывали существование расовой вражды в общественной жизни. В отличие от расистов Марти видел источник этого явления не в «природе» людей, а в социальной действительности. По словам Марти, так называемое превосходство одной расы над другой объясняется тем, что одна раса находится на более высокой ступени исторического развития, чем другая, т. е. причинами социальными (см. 16, стр. 1748).

В своей критике расизма Марти до конца последователен и решителен. Гуманизм его позиции выражен четко и ясно: «Человек не имеет никакого особого права в силу того, что он относится к той или иной расе. Само название человека уже свидетельствует о том, что ему принадлежат все права... Оба расиста одинаково виновны — расист белый и расист черный» (11, стр. 486—487). Пропаганду расизма он справедливо считал одним из тяжчайших преступлений против человечества.

Борьба Марти против расизма имела не только теоретическое значение. В условиях подъема национально-освободительного движения на Кубе она диктовалась насущными потребностями революционной практики.

Чувствуя приближение революционной бури 1895—1898 гг., испанские колонизаторы активизировали традиционную политику «разделяй и властвуй». С одной стороны, Испания шла на некоторые уступки негритян-

скому населению, с другой стороны, усиленно распространяла слухи о якобы грядущей на Кубе «войне рас», о «черной опасности» и т. д., насаждая противоречия между различными группами кубинского населения, и прежде всего между вчерашними рабами — неграми и остальным, белым, населением.

Марти разоблачал эту политику. Так, в статье «За чечевичную похлебку» (1894), написанной в связи с тем, что испанское правительство якобы из гуманных побуждений предоставило неграм право свободного посещения общественных мест и открыло им доступ в школы, Марти показал, что не Испания, а революция 1868—1878 гг. была «святой родоначальницей свободы», что именно она сделала негров людьми и уничтожила чудовищное зло рабства. Само решение испанского правительства стало возможным лишь в результате пролитой крови борцов за независимость. «Негр оставался рабом. Каждое утро вставало солнце над Кубой, и каждое утро вместе с солнцем поднимался над кубинской землей бич рабовладельца. Людей, как животных, погоняли, секли, случали, травили собаками. Так жили на Кубе люди черной расы, так жили они до революции» (11, стр. 268).

Испания, говорит Марти, хочет отнять у революции союзника. Но можно не сомневаться, что, когда снова поднимется знамя кубинской революции, негр встанет под это знамя. Испания ошибается, полагая, что

«за чечевичную похлебку негры Кубы продадут свое первородство, свою честь» (11, стр. 272).

Накануне войны за независимость 1895—1898 гг. Марти подверг острой критике продажных писак, которые обвиняли кубинских революционеров в союзе с неграми Ямайки и Гаити, пытаясь оживить страх перед «черной опасностью»*.

Ряд статей Марти посвящены вопросам положения негритянского и индейского населения в США и Латинской Америке. Подчеркивая настоятельную необходимость разрешения индейской проблемы для Латинской Америки, он заявил: «До тех пор пока не будут созданы условия для развития индейского населения, Америка не будет идти вперед» (17, стр. 343). Марти убедительно показал, что в одичании индейцев в США повинны сами белые люди, создавшие позорную систему резерваций, что индейцы остались на грани варварства не в силу своей природы, а в результате политики белого человека (см 16, стр. 1657).

* Ямайка и Гаити — страны со значительным негритянским населением. Жупел «черной опасности», крики о связях кубинских революционеров с неграми Ямайки и Гаити понадобились испанским колонизаторам для того, чтобы дискредитировать кубинскую революцию 1895 г. в глазах «цивилизованного» мира. Кубинский ученый Ф. Ортис в работе «Марти и расы» по этому поводу иронически замечает: «Ведь тогда не было красных коммунистов, кого можно было бы обвинять» (61, стр. 33).

Положение негров в США Марти охарактеризовал как ужасную проблему. Бандитами назвал он расистов, которые убили нескольких негров из Оук Риджа только за то, что один из негров полюбил белую женщину. Марти с горечью констатирует, что бандитов некому наказать, ибо они сами себе закон.

В статье «В защиту Кубы» Марти разоблачил расистские домыслы американских газет «The Manufacturer of Philadelphia» и «The Evening Post», которыми империализм США пытался оправдать готовящуюся аннексию Кубы. Он писал: «Мы, кубинцы, не являемся «народом жалких бродяг и аморальных пигмеев», каким угодно было изобразить нас газете «Мэнюфекчурер». Мы отнюдь не являемся народом бесполезных, неспособных к действию болтунов, презирающих тяжелый труд, как пишут о нас и о других народах испанской Америки некоторые высокомерные путешественники и наглые писаки. Страдая под игом тирании, мы не склоняли головы, а всегда боролись за свободу как мужественные люди, а иногда поистине как титаны» (приложение, стр. 183). «Политический уровень развития кубинца ничуть не ниже уровня гражданина Соединенных Штатов» (приложение, стр. 184).

В статье «Правда о Соединенных Штатах» Марти подчеркнул, какое огромное значение имеет знание правды об «американском образе жизни» для того, чтобы покон-

чить с расистскими измышлениями о «неполноценности» латиноамериканских народов, которые усиленно распространяет американская империалистическая пропаганда. «В нашей Америке должны знать правду о Соединенных Штатах,—говорилось в этой статье.— Величайшее невежество, наивное и преступное легкомыслие говорить о Соединенных Штатах как о целой и единой нации с одинаковой повсюду свободой и с окончательными достижениями. Такие Соединенные Штаты — плод фантазии» (11, стр. 210—211). И Марти ставит перед печатным органом Кубинской революционной партии, газетой «Patria», задачу регулярно публиковать «Заметки о Соединенных Штатах», «доказывающие две истины, которые полезно знать нашей Америке: жестокость, несправедливость, упадок Соединенных Штатов и наличие в них всех видов насилия, раздора, аморальных поступков и беспорядков, в которых необоснованно обвиняют наши испано-американские страны» (11, стр. 214).

Последовательная критика расизма, борьба Марти против расовой и национальной дискриминации были одновременно борьбой и против испанского колониализма, и против американского империализма, способствовали пропаганде идей дружбы и братства между народами, истинно гуманных отношений между людьми. И в теоретическом, и в политическом отношениях эта борьба имела большое прогрессивное и революционное значение.

5. ЭСТЕТИКА. ОТ РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ

Хосе Марти суждено было сказать новое слово не только в политике, но и в области литературы и искусства, заложить на Кубе основы эстетики критического реализма. Видный кубинский литературный критик Х. А. Портуондо в своем труде «Исторический очерк кубинской литературы» высказывает следующую мысль: «Марти — человек переходного периода, и все новое, что в нем зарождалось, находило прочную опору в положительном и самом ценном наследии литературной традиции. Его время было временем заката романтизма и появления позитивизма и материализма, порожденных быстрым развитием промышленного и финансового капитала и в литературе вылившихся в критический реализм» (30, стр. 85—86).

Революционно-демократическая эстетика Марти, ядро которой составляет учение о реализме, сформировалась не сразу. Зарождение самостоятельной национальной литературы и передовой эстетической мысли Кубы, их замечательных демократических традиций, выкованных в борьбе кубинского народа за свободу и независимость, связано с революционным романтизмом, ставшим по существу главной тенденцией в кубинской литературе прошлого столетия. Видное место среди представителей кубинского революци-

онного романтизма XIX в. занимают его основоположник поэт Хосе Мариа Эредиа (1803—1839), Доминго Дельмонте (1804—1853), Пласидо (1809—1844), романисты Ансельмо Суарес-и-Ромеро (1818—1878) и Сирило Вильяверде (1812—1894), литературный наставник юного Марти поэт и критик Рафаэль Мариа Мендиве (1821—1886) и др. Главное в их творчестве состоит в том, что они сделали литературу и искусство мощным оружием борьбы за свободу и независимость родины. В их произведениях нашли отражение передовые идеи национально-освободительного движения и борьбы против социальной несправедливости. В их творчестве выражен страстный протест против колониального рабства, воспеваются свобода, достоинство и права человека, звучит призыв к борьбе против деспотизма и тирании. Именно в этом видела предназначение молодой кубинской национальной литературы и искусства эстетика революционного романтизма.

С продолжением передовых традиций революционного романтизма связан начальный этап развития эстетических воззрений Марти, который приходится в основном на 70-е годы прошлого века. Создавая свои первые крупные произведения — героическую драму «Абдала» и литературно-публицистический памфлет «Политическая тюрьма на Кубе», Марти использовал типичный для романтизма арсенал художественных средств. В центре произведений стоят романтические образы

исключительных героев-мучеников, борющихся против тирании и чужеземного колониального гнета во имя торжества общечеловеческой справедливости, правды, добра и свободы. Характеристика героев и действия дается в романтическом стиле: драме «Абдала» присущ античный колорит, поэтический пафос и риторика, «Политической тюрьме на Кубе» — гиперболизация героев, типично романтические сравнения и эпитеты, эмоциональная приподнятость повествования и т. д. Хотя судьба героев трагична (Абдала погибает в бою от смертельной раны, а узники каторги фактически обречены на медленную смерть в бесчеловечных условиях каторжного режима и изнурительной работы в каменоломнях), произведениям присуща оптимистическая вера в светлое будущее родины, ибо, как любил повторять Марти, «умереть за Родину — это значит жить».

В органическом единстве с художественным творчеством Марти как писателя-романтика развивались и его философско-эстетические представления. Важное значение для правильного понимания сущности и особенностей эстетического развития молодого Марти имеют некоторые его статьи мексиканского периода. Находясь в 1874—1876 гг. в Мексике, Марти сотрудничал в газете «La Revista Universal», в которой опубликовал ряд статей, посвященных вопросам искусства и литературы. В этих статьях он отстаивает эстетические принципы революционного роман-

тизма, подвергает резкой критике крайний натурализм «реалистической школы» * (см. 17, стр. 793), стремясь при этом проследить связь между художественным методом писателя и его мировоззрением.

Исходя из того что «каждая философская система, как следствие, порождает и соответствующую литературу», Марти отмечает, что «практическая философия» с ее «практическим методом подхода к вещам», требующим сведения всех высоких моральных переживаний человека, его чувств, эмоций и страстей к биологической и физиологической основе, неизбежно вызвала к жизни «эту странную и тяжелую, грустную и печальную литературу, которая получила название «реалистической школы»» (17, стр. 793). Ошибка, ограниченность «реалистической школы», по мнению Марти, состояла в том, что основное внимание она уделяла показу уродств и темных

* «Реалистическая школа» — сложившееся во Франции в 50—80-е годы XIX в. литературное направление, влияние которого распространилось и на другие страны, в том числе Мексику. Его основными представителями были Шанфлёр, Дюранти, братья Гонкур, Курбе, Эмиль Золя. «Реализм, или натурализм» был направлен против романтизма, являлся прямой реакцией на него. Отмечая положительную роль «реалистической школы» в деле разоблачения социальных язв и противоречий буржуазного общества, Ф. Энгельс серьезно критиковал ее за подмену натурализмом реализма, требующего, по его словам, помимо правдивости деталей правдивости воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах.

пятен реального, живого человека, копированию того, что есть, вместо того, чтобы показать, что должно быть. Таким образом, Марти резко ополчается против копиизма. Но при этом он вовсе не выступает против самого принципа реализма, т. е. правдивого, верного отображения действительности в произведениях искусства. Более того, именно верность жизненной правде, проявившуюся в правдивом изображении социальных пороков и болезней, он считает достоинством «реалистической школы» и требует, чтобы новая литературная школа продолжила эту традицию.

Можно ли назвать «реалистическую школу» плохой, спрашивает Марти. И отвечает: ничто не является абсолютно плохим или хорошим. Поэтому если «реалистическая школа» учит верному пониманию социальных язв (не для того, конечно, чтобы их оправдать и доставить удовольствие, а для того, чтобы вызвать к ним отвращение и добиться устранения их), то новая школа должна видеть свою первостепенную задачу в том, чтобы показать *добро*, благородный идеал положительного героя, до которого должны возвыситься люди. Как высшее требование настоящего искусства Марти формулирует следующее положение: «Воспитывать на примере прекрасного — вот максима» (17, стр. 795).

Конечно, эти взгляды молодого Марти на искусство в основном еще не выходят за пределы эстетики революционного романтизма и опираются на его незрелые философские воз-

зрения этого периода. Однако в них есть уже немало положительного. Правильной, в частности, была трактовка общественно-воспитательной роли искусства, которая, по мысли Марти, должна служить высоким идеалам прекрасного. В основном верно подошел Марти также к решению вопроса о специфике художественного отображения действительности: философия есть применение ума, поэзия — прежде всего воображения; однако это не значит, что в поэзии нельзя выражать «высокие истины»; последние выражаются и в ней, но только в другой форме — в форме образов, а в философии истина выражается в форме понятий (см. 17, стр. 799, 1123). Правильное решение этих вопросов имело существенное значение для перехода Марти к эстетике реализма. Ее разработка стала актуальной задачей на Кубе в 80-е годы.

Многие деятели кубинской культуры в условиях общенационального кризиса после поражения в Десятилетней войне не смогли избежать тяжелых ошибок, влияния формализма, увлечения эстетическими учениями прошлого. Романтизм в этот период переживал явный надлом, что находило свое выражение в отходе даже крупных и талантливых поэтов от изображения действительности. Поэт Хулиан дель Касаль (1863—1893) под влиянием французских декадентов и символистов стал на Кубе зачинателем модернизма, который представлял собой одну из форм романтического бегства от действительности

в мир грез и мечтаний, субъективных переживаний, экзальтации, символики, прикрытых колоритом экзотики. Касаль видел вокруг себя лишь

...тоскливость нищеты, идей крушение,
смерть в юности, печальную до боли,
оковы унижительной неволи,
и сумерки, и кладбища гниенье...

(30, стр. 93).

В латиноамериканской литературе часто называют родоначальником модернизма не только Касаля, но и Марти. Однако в отношении Марти это утверждение лишено серьезных оснований. Вряд ли творческие поиски Марти новых поэтических форм («Свободные стихи» и др.), которые привели его к реалистическим, чисто народным и по форме, и по содержанию «Простым стихам», следует рассматривать как какое-то серьезное увлечение модернизмом. С Касалем у него вообще мало общего как в поэзии, так и в эстетике. Прав Х. А. Портуондо, утверждая, что «Марти глубоко, как никакой другой поэт его времени, врос корнями в традиционную испанскую поэзию, и его «простые стихи», «Исмаэлильо», романс «Два принца», «Туфельки Розы» по форме и по серьезной и намеренно наивной манере трактовки темы чисто народного происхождения» (30, стр. 98).

Сам Марти так писал о своих «Простых стихах»: «...эти стихи вырвались из моего сердца... Я люблю простоту и верю в необходимость выразить искреннее чувство в

ясной, доступной форме» (11, стр. 89—90). И действительно, эти стихи (написаны в 1889 г. и опубликованы в 1891 г. отдельным сборником) в основе своей реалистичны и напоминают по своему звучанию свободно льющиеся крестьянские песни.

Замечательным произведением критического реализма являются «Североамериканские сцены» Марти — серия литературных очерков о различных сторонах жизни Соединенных Штатов Америки 80—90-х годов прошлого века. В этих очерках перед нами во всем многообразии, сложности и противоречивости предстает жизнь США того времени. Это уже не романтизированное повествование, а реалистическая картина жизни целой страны: борьбы пролетариата с капиталистами, социальных язв и вопиющих противоречий, свойственных буржуазному строю США. Марти клеймит «сильных мира сего» — банкиров, продажных политиканов из республиканской и демократической партий и в то же время с симпатией говорит о «бедняках земли» — рабочих, задавленных тяжелым социальным гнетом и нуждой. Этим он вводит в кубинскую литературу нового героя — представителя народа, пролетариата, закладывает демократические традиции в кубинской литературе и эстетике.

В «Североамериканских сценах» содержатся также литературно-критические статьи, посвященные творчеству выдающихся американских писателей Уолта Уитмена, Лонгфел-

ло и Марка Твена, которые позволяют составить представление о характере эстетических представлений самого Марти. Свои литературно-критические и эстетические принципы Марти часто формулировал в афористической форме, в виде высказанных мимоходом суждений, в набросках литературного портрета писателя, сосредоточивая при этом основное внимание на разборе его творчества и характеристике как художника.

Каковы же основные принципы эстетики критического реализма, которые в 80—90-е годы развивал Марти, заботясь о путях развития молодой национальной литературы Кубы и Латинской Америки вообще?

Продолжая передовые традиции революционного романтизма, Марти говорит как о насущной необходимости о задаче создания самобытной, национальной реалистической литературы «нашей Америки», призванной вести «подготовку душ человеческих к грядущим битвам за родину, битвам, не имеющим прецедента в истории» (25, стр. 463). Отступниками называет он тех латиноамериканских писателей, которые забывают об этой великой исторической задаче и занимаются рабским подражанием всему иностранному. «В литературе, — заявляет Марти, — нельзя говорить с чужого голоса, надо смотреть на мир собственными глазами и светить собственным светом, надо изучать природу в себе самом и вокруг себя, надо прикоснуться к ней своими руками» (14, стр. 100).

Столь же резко Марти выступает против «позолотчиков» и «декораторов»: «Ныне литературу наводняют мастера сусальной позолоты, а нужны ей старатели» (14, стр. 101). Официальная литература, указывал он в письме к Э. Эстрасуласу*, вызывает у меня раздражение и стыд (см. 16, стр. 755).

В наше время, говорит Марти, требующее реальной политики, рождается человек с реальным взглядом на жизнь, жаждущий реализма и в политике, и в литературе. В статье «Наша Америка» он с удовлетворением отмечает, что процесс создания самобытной национальной реалистической литературы уже начался: «Драматурги выводят на сцене национальные типы... Поэзия освобождается от романтических одежд и цветистой выпренности в духе прославленного Соррильи**. Проза, отточенная и сверкающая блесками таланта, становится идейной» (11, стр. 171).

Новая эстетика Марти характеризуется тем, что в ней понятие национального органически сливается с принципами народности и реализма. По его словам, литература должна стать выразителем дум и чаяний народа, который ее создает, или в противном случае она превратится в нечто бессмысленное и бессодержательное (см. 17, стр. 391). Задача

* Эстрасулас Энрике — близкий друг Марти, консул Уругвая в Нью-Йорке.

** Соррилья — испанский поэт-романтик прошлого века.

настоящей литературы заключается в наблюдении над типическими фактами и в верном отображении того, что автор переживает лично и наблюдает вокруг себя (см. 17, стр. 363).

Считая правдивость в произведениях искусства достоинством таланта, Марти заявляет: «Только в непосредственно наблюдаемой и воспринимаемой правде находят сущность писатель и вдохновение поэт» (17, стр. 49). Поэзия, по его словам, должна уходить своими корнями в национальную почву и основываться на реальных событиях и фактах (см. 16, стр. 802).

Чтобы быть реалистом, писатель и поэт должны быть неразрывно связаны с жизнью. Каждое их слово, чтобы быть правдивым, должно быть прочувствовано и выстрадано. «Литераторы, — писал Марти, — появляющиеся на свет в тиши библиотек, всего лишь копиисты от литературы. Они, как зеркала, светят отраженным светом. А надо, чтобы за каждым словом стояла истекающая кровью душа» (14, стр. 98).

Особое внимание Марти уделяет театру, поскольку последний доступен широкой массе зрителей, многие из которых к тому же просто неграмотны. В статье «Кубинский театр» он говорит о том, что наш эпический театр должен стать естественным, непосредственным, т. е. близким и понятным народу. «Призвание народа, — писал Марти, — создать, и сила земли в тех, кто трудится. В об-

ласти театра, как и во всех других областях, мы, кубинцы, можем выступить творцами. Театр черпает свои темы из жизни народа, а у нас своя жизнь и своя история, исполненная подлинного мужества и величия, и наш театр может стать прекрасным, если мы не позволим нарядить наших героев в костюмы заправских тореадоров, в расшитые куртки и широкополые шляпы, если мы не позволим воплотить наш свободный дух в формах, принесенных извне нашими нынешними угнетателями. Театр Кубы призван отобразить на сцене великие подвиги народа, пьесы для него должны быть написаны простым и вместе с тем красивым языком» (11, стр. 261).

В национальном реалистическом театре, воспевающим свободу, независимость, революцию, Марти справедливо видел мощное средство воспитания народа, подготовки его к грядущим боям. Поэтому он видел в независимости театра шаг вперед и на пути к независимости всей нации.

Особое значение Марти придает необходимости установления неразрывной связи театра, литературы и искусства в целом с породившей их эпохой, ибо только в этом случае они смогут выполнить свою активную роль в решении задач, которые стоят перед обществом. Правдивость и социальное содержание в искусстве для Марти нераздельны, как нераздельны содержание и форма. Обоснование действенной социальной роли искусства, единства идейного содержания и худо-

жественной формы — важнейшая составная часть эстетики Марти.

Состояние общества, указывает он, всегда находит выражение в литературе. Разные этапы ее развития лучше и вернее, чем даже летописи и хроники, рассказывают нам об истории народов. Поэтому чрезвычайно возрастает значение искусства и ответственность писателя в настоящее время, когда «началась эпоха народа». Исходя из того что «людей и события наделяет величием их неразрывная связь с народом и эпохой», Марти отрицательно отзывался о тех писателях, которые, уходя от изображения действительности в мир прошлого, тем самым фактически замалчивали или даже искажали насущные проблемы современности. По словам Марти, то, что было знаменем времени в одну эпоху, уже не будет им в другую. Величие Лонгфелло, Твена, Уитмена он видел в том, что они стали выразителями своего времени, сумели воплотить в своем творчестве дух эпохи, слив воедино глубокое идейное содержание с новой реалистической формой художественного выражения. Требование органического единства формы и содержания Марти формулирует как одно из основных положений эстетики реализма.

В глубоком идейном содержании Марти видит душу искусства. Художественная форма превращается в пустой звук, если за ней не скрывается глубокая идея. Писать, говорит Марти, надо ради блага ближнего своего, ра-

ди людей, а не для того, чтобы покрасоваться перед публикой, распуская ей напоказ пышный павлиний хвост. «Литература, — заявляет он, — в большей мере живет впечатлениями, чем словами. Мусор, литературный мусор, — вот что такое все эти помпезные периоды, исторические реминисценции и красоты стиля!.. Не нарциссы, а проповедники нужны литературе!» (14, стр. 100).

В 80-е годы в условиях кризиса романтизма и появления первых ростков модернизма постановка и правильное разрешение Марти такой принципиальной эстетической проблемы, как единство идейного содержания и формы, имели важное значение для молодой кубинской литературы, ибо указывали ей верную перспективу развития по пути реализма.

Характеризуя разработанную Марти концепцию реализма, не следует забывать, что на его эстетике сказался антропологизм, свойственный его революционно-демократическому мировоззрению в целом. Стремление к прекрасному, к добру Марти считал вечным и неистребимым свойством самой природы человека. Поэтому искусство и литература должны отвечать этому естественному стремлению, а писатель должен быть «спасителем», т. е. воспитателем человеческих душ, извечно стремящихся к высокому и прекрасному. Это понимание задач литературы и искусства свойственно Марти не только в период романтизма, но и в зрелый реалистический

период его творчества. Будущее нового искусства Марти видел в органическом сочетании двух важнейших эстетических тенденций — «реалистичности» (школа реализма) с «идеальностью» (революционный романтизм), жизненной правды с возвышенностью идеалов.

Искусство должно служить высоким идеалам эпохи: истине, прогрессу, справедливости, свободе. «...А главное, — писал Марти, — благословенна свобода, хотя бы потому, что, стремясь к ней, обретает идеал человек нашего века» (14, стр. 320). Не трудно заметить, что идеал свободы приобретает в эстетике Марти революционный характер, ибо он включает в себе требование свободы и независимости Кубы. Марти с особой силой подчеркивает, что народам нужна оптимистическая поэзия, утверждающая высокие идеалы и способная вселить бодрость и веру в светлое будущее.

МАРТИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУБА

1. ДВА ОТНОШЕНИЯ К НАСЛЕДСТВУ МАРТИ

Вокруг идейно-теоретического наследства Марти всегда шла острая идеологическая борьба. В эпоху господства на Кубе продажных проимпериалистических режимов идейное наследство Марти подвергалось откровенной фальсификации, искажалось и извращалось с целью приспособить его идеи для защиты интересов эксплуататорских классов.

Так, кубинский буржуазный социолог У. В. Кобиэльяс в своей работе «Наша Америка и эволюция Кубы» (1944) патетически восклицает: «Марти, так же как и Боливар, является освободителем Америки, и причем двух Америк. Занимая позицию над партиями и народами и находясь вне их, он принадлежит Америке и всему Человечеству» (41, стр. 205). Кобиэльяс сознательно располагает Марти «над партиями и народами» для того, чтобы изобразить буржуазный режим

Батисты «надклассовым», «демократическим», якобы отвечающим политическим идеалам Марти. Однако подобный трюк никого не может ввести в заблуждение. Впрочем, и открыто проимпериалистический тиранический режим Батисты (1952—1958) не помешал ретивым последователям Кобиэльяса громко заявить в изданной к столетнему юбилею Марти «Книге о Кубе» о том, что на Кубе в результате переворота 1952 г. установлена республика «со всеми и для блага всех», о которой мечтал Марти (см. 52, стр. 394)!

Марти никогда не был и не может быть на стороне буржуазии и латифундистов, представляющих собой паразитические классы, которые не раз в истории Кубы порождали антинародные тирании. Пламенный народный трибун всегда вместе с народом, против его угнетателей.

Своеобразную позицию по отношению к Марти заняла католическая церковь. Будучи не в силах предать анафеме столь популярное на Кубе и в Латинской Америке имя, она постаралась с помощью своих литераторов найти приемлемый для себя *modus vivendi* с последовательным антиклерикалом и борцом против католического мракобесия, каким был Марти. Широкое распространение получила «обработка» Марти под «святого», «великомученика». Особенно яркое выражение эта концепция получила в книге Л. Родригеса-Эмбильи «Марти — святой Америки».

В этой книге, спекулируя на любви масс к своим революционным вождям, автор сравнивает Марти с Христом и заявляет, что Христос, Боливар, Идальго, Марти, Ганди — это «великие поэты человечества» (см. 63, стр. 15).

Оценка Л. Родригеса Эмбильи, разумеется, весьма далека от науки. Ясно, что ореол «святости» вокруг великих имен революционных вождей, их сравнение с Христом — это всего-навсего дымовая завеса, скрывающая действительную оценку их роли в истории. Однако нельзя просто игнорировать подобные оценки и не разоблачать их, особенно когда католическая церковь, бессильная остановить стихийное влечение масс к социализму, подчас стремится приспособить к своим интересам — конечно, после соответствующей фальсификации и обработки — даже марксизм или, как в данном случае, революционный демократизм Марти.

Чтобы отвлечь массы от действительного изучения практической и теоретической деятельности революционера-демократа, церковь до революции 1959 г. умышленно превращала Марти в «святую» безобидную икону, требующую лишь благоговейного преклонения и почитания. Однако после 1959 г. церковь открыто выступила против идеалов Марти и революции. И это не случайно. Католическая иерархия всегда была против свободы и независимости Кубы, помогала конкистадорам покорять индейцев, способствовала насажде-

нию рабства, поощряя торговлю неграми-рабами, боролась против мамби, объявляя их врагами родины, бога и семьи. По отношению к революции 1959 г. католическая иерархия заняла враждебную антикоммунистическую позицию, пытаясь подменить революционный девиз «Куба — да, янки — нет» контрреволюционными лозунгами: «Куба — да, Россия — нет», «Рим или Москва».

В борьбе против клерикализма передовая общественность и печать Кубы широко использовала произведения Марти «Отлучение падре Макглинна», «Крестьянин» и другие, в которых он бичевал католическую иерархию за ее враждебность идеалам свободы, независимости и демократии. Пытаясь умалить значение этой критики, высокопоставленный кубинский церковный сановник Боса Масвидал вопреки всем историческим фактам заявил, что атеистический памфлет «Крестьянин» «приписывается Марти». Таково действительное отношение католической иерархии к наследству Марти, к его революционному делу, продолженному героями штурма Монкады.

Следует остановиться еще на одной «оценке» духовного наследия Марти, которую усиленно распространяет официальная печать США. Согласно этой «оценке», Марти является подлинным основателем политики «доброе соседство», отцом панамериканизма, предвестником гандизма с его непротивлением злу насилием и пассивным сопротивле-

нием *. Такая трактовка, представляющая по существу идеологическую диверсию, имеет своей целью укрепить позиции американского империализма в Латинской Америке, разваливающиеся под ударами национально-освободительного движения.

В настоящее время духовное наследие Марти находится в самом центре борьбы с империализмом. В канун четвертой годовщины кубинской революции 1959 г. Дж. Кеннеди выступил в Майами перед осевшими там контрреволюционерами и битыми на Плайя-Хироне горе-наемниками, отпущенными революционным правительством Кубы за выкуп, который уплатили их хозяева в США. Выступая перед этими «борцами за свободу», тогдашний президент США не нашел ничего лучшего, как изобразить этот контрреволюционный сброд в качестве продолжателя дела Хосе Марти. Он заявил: «70 лет назад Хосе Марти — вождь первой кубинской революции — жил на этих берегах. В то время, в 1889 году, была проведена первая международная американская конференция, и Куба не была на ней представлена. Тогда, как и теперь, Куба была исключена из сообщества свободных стран. И тогда, как и теперь, отважные люди во Флориде и Нью-Йорке посвятили свои жизни и свою энергию осво-

* См., например, рекламное предисловие к изданной в США книге кубинского буржуазного историка Х. Маняча «Марти — апостол свободы».

бождению своей родины» («Правда», 5 января 1963 г.). Президент не постеснялся даже заявить, что окопавшиеся в США кубинские отщепенцы — изменники и наемники, каждому из которых по возвращении в США был вручен за участие в интервенции банковский чек на 250 долл. (так сейчас котируются пресловутые 30 сребреников Иуды), идут «по тому историческому пути, по которому в былые дни» шел Марти.

Здесь, что ни слово, то большая ложь. Путь Марти и путь контрреволюционных отщепенцев диаметрально противоположны. Вся деятельность Марти, каждое его слово лучшее тому доказательство. Отвечая Дж. Кеннеди, в речи на митинге в Гаване 2 января 1963 г. Ф. Кастро сказал: «Сравнивать этих наемников с Марти! Сравнивать этих наемников с патриотами и борцами за независимость!.. Марти, которого не сопровождала американская эскадра и за которым не летали американские самолеты; Марти, который однажды ночью высадился почти один с простой весельной лодки на восточном берегу. Сравнивать этого бескорыстного человека, борца против империализма, сравнивать борьбу патриотов с этими негодьями — значит оскорблять память этих людей!» («Правда», 5 января 1963 г.).

На идейном наследии Марти стремились спекулировать не только империалисты, но и различные реакционеры внутри страны. Однако его имя никогда не имело ничего

общего с интересами иностранных империалистических монополий и местных латифундистов, продажных политиканов, военной и чиновничьей бюрократии. За медоточивыми дифирамбами, которые расточались по его адресу представителями имущих классов, скрывались на самом деле ненависть и враждебное отношение эксплуататоров.

Это подлинное отношение реакционеров к Марти в свое время откровенно выразила «*Diario de la Marina*» — грязная газетенка, которая всегда была рупором реакции и контрреволюции до того момента, пока народ не закрыл наконец этот источник лжи и клеветы. Вот что писала эта газета по поводу гибели Марти: «Пал навсегда Марти, гражданский вождь, мыслящий и безумный глава сепаратистского движения... Его смерть представляет огромный ущерб врагам матери-родины (т. е. Испании. — *О. Т.*) и поэтому является счастливым событием... Славное военное дело осуществлено колонной полковника Сандовала *. Во имя славы нашего оружия и по случаю огромного значения достигнутого результата шлем этим отважным наше самое восторженное патриотическое одобрение, а нации и стране — наше скромное, но горячее поздравление» (цит. по «*Noticias de Hoy*», 15 мая 1960 г.).

* Сандовал — полковник испанской армии, командовавший войсками, в перестрелке с которыми в бою при Дос-Риос погиб Марти.

Чего стóят после этого демагогические заявления идеологов эксплуататорских классов, стремившихся примазаться к революционному наследию Марти?

Только с победой революции 1959 г. наступило время, когда «слово Марти может быть обнажено и выставлено на свет в своем полном значении». «И именно потому, — писала газета «Noticias de Hoy» 5 февраля 1961 г. — враги трудящихся классов были крайне заинтересованы в том, чтобы замолчать и фальсифицировать идеи Марти. Революция же заинтересована в том, чтобы слово нашего Апостола стало известным во всей своей силе и полноте всему народу». Рабочие, крестьяне и передовая интеллигенция социалистической Кубы, ее коммунистическая партия — вот подлинные хранители и продолжатели революционного идейного наследия Хосе Марти.

2. ВЕЛИКИЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК СОЦИАЛИЗМА НА КУБЕ

«Эта борьба, — говорил Ф. Кастро на митинге студентов Гаванского университета 13 марта 1965 г., — которая сейчас переплетается и сливается с борьбой остальных народов мира против империализма, фактически началась сто лет назад, когда впервые было поднято оружие против колониализма и эксплуатации на нашей родине... Постепенно к

этой борьбе присоединились все достойные люди нашей земли, и в этой долгой борьбе погибли многие достойные люди нашей страны. Первые из них не были марксистами-ленинцами. Карлос Мануэль де Сеспедес не был марксистом. Марти не был марксистом, потому что в ту эпоху, в которую он жил, и в тех исторических условиях, в которых развертывалась его замечательная борьба, он не мог быть марксистом. В те времена мы были бы такими же, как они, а сегодня они были бы такими же, как мы!.. И можно сказать, что с тех пор и до настоящего момента путь был долгим, долгим было развитие нашего революционного мышления, потому что в начале второй половины прошлого века перед нашей родиной не стояли задачи пролетарской революции. Тогда стояла задача борьбы за независимость, против испанского колониального владычества» («Правда», 18 марта 1965 г.).

В этой закономерной цепи исторических событий и имен Марти представляет кубинскую революционную демократию. Сделав громадный шаг вперед по сравнению с Сеспедесом, выразившим интересы либеральных помещиков и национальной буржуазии, он сумел подняться до высот революционного демократизма, последовательной защиты интересов угнетенных классов — крестьян и рабочих. Эта неразрывная связь с народными массами, с «бедняками земли» не только обусловила радикализм Марти, но и предпо-

ределила его органическую связь с современной эпохой в истории Кубы, основное содержание которой составляет борьба за социализм.

Революционный демократизм Марти — предшественник социализма на Кубе. «Не является случайностью тот факт, — писал видный общественный и политический деятель Кубы Хоакин Ордоки, — что вместе с Марти при создании Кубинской революционной партии находился такой видный пропагандист социалистических идей на Кубе, как Карлос Балиньо. Как указывает Блас Рока, Балиньо целиком с марксистских позиций, а Диего Висенте Техера с некоторыми утопическими заблуждениями и мелкобуржуазными оценками разъясняли после 1895 г. необходимость того, чтобы трудящиеся образовали собственную социалистическую партию, как только с завоеванием независимости будет восстановлена Кубинская республика» («Noticias de Hoy», 26 февраля 1961 г.).

Коммунистическая партия на Кубе была создана в 1925 г. У ее колыбели вместе с Балиньо, близким соратником Марти, стоял выдающийся деятель рабочего движения Кубы и Латинской Америки Хулио Антонио Мелья. Продолжая и развивая революционные традиции Марти, Мелья убедительно показал, что история стран Латинской Америки не остановилась на войнах за независимость. Латинская Америка стоит на пороге социалистической революции, которая невозможна

без самой решительной борьбы с американским империализмом. В статье «Куба — народ, который никогда не был свободным» Мелья формулирует боевой лозунг латиноамериканского национально-освободительного движения на современном этапе «Против империализма; за социальную справедливость в Америке; *Delenda est Wall Street!*»* («Noticias de Hoy», 8 января 1961 г.).

Революционную эстафету Марти подхватили кубинские революционеры-социалисты. Не следует забывать, что и сам Марти с большой теплотой отзывался о К. Марксе и руководимом им Социалистическом Интернационале. На смерть К. Маркса Марти откликнулся статьей, в которой дал высокую оценку его жизни и деятельности.

«Взгляните на этот зал, — писал он, — в центре его украшенный зелеными листьями портрет того пламенного преобразователя, объединителя людей различных национальностей, сильного и неустанного организатора. Интернационал — это его творение; приходят почтить его память люди всех национальностей... Здесь собрались хорошие друзья Карла Маркса, который был не только титаническим вдохновителем и руководителем всех движений европейских трудящихся, но и глубоким исследователем причин человеческой нищеты и судеб людей, человеком, снедаемым

* «Уолл-стрит должен быть разрушен!» (лат.) — перефразировка известного изречения римского оратора Катона «Карфаген должен быть разрушен!».

жаждой творить на благо человека. Во всем он видел то, что носил в себе самом: мятежный дух, стремление к высшему, борьбу... Карл Маркс изучил способы преобразовать мир на новой основе, разбудил спящих, показал им средство для того, чтобы сбросить на землю разбитые опоры старого мира» (16, стр. 1517).

Высоко оценивая гений К. Маркса и его учение, Марти, однако, не сумел подняться до научного понимания всемирно-исторической роли рабочего класса, значения классовой борьбы и диктатуры пролетариата как единственного средства освобождения трудящихся от оков наемного рабства, капитализма. Характерно, что он нигде не говорит о пролетариате как о носителе нового, более передового, чем капитализм, общественного строя — социализма. Марти был и остается великим революционером, но революционером такой страны, в которой на первом плане стояли задачи завоевания национальной свободы и независимости, уничтожения колониального гнета и освобождения крестьянства от пут феодализма, а не задачи борьбы между трудом и капиталом.

Нельзя при этом не отметить благородный характер стремлений Марти построить на Кубе общество социального равенства и справедливости, общество без классов и без эксплуатации человека человеком, т. е. социалистическое общество. Конечно, объективно его требование республики «со всеми и

для блага всех» было по существу требованием не социалистической, а буржуазно-демократической республики. Но в условиях отсталой феодально-колониальной Кубы она была бы, несомненно, крупным шагом вперед по пути социального прогресса, а в конечном счете по пути к социалистическому обществу, о котором мечтал пламенный революционер-демократ. Поэтому его по праву можно назвать великим предвестником социализма на Кубе.

Кубинская революция 1959 г. явилась наиболее ярким воплощением тех идеалов, за которые Марти боролся и отдал свою жизнь. Еще в 1953 г. представ перед судом Батисты, Ф. Кастро на вопрос о том, кто его вдохновлял на борьбу против тирании, кратко и выразительно ответил: «ХОСЕ МАРТИ». Знаменитая речь Кастро на суде «История меня оправдает» от начала и до конца пронизана боевым духом идей Марти. Влияние Марти чувствуется в каждой строчке первой и второй Гаванских деклараций, что свидетельствует о глубокой верности кубинского народа революционным заветам своего великого соотечественника.

Кубинская революция 1959 г. продолжила и подняла на новую высоту то дело, за которое боролись и отдали свои жизни Сеспедес и Аграмонте, Марти и Масео. Кубинские рабочие, крестьяне и передовая интеллигенция, пронеся сквозь долгие годы борьбы за свободу и независимость Кубы

верность революционным идеалам героев 1868 и 1895 гг., доказали, что именно они являются законными преемниками и продолжателями их революционных традиций. «Идеалы, за которые боролся и отдал свою жизнь Марти, — писала газета «Noticias de Ноу» 20 января 1961 г., — торжествуют, они окончательно восторжествовали в нашей стране в победе всего народа, гигантскими шагами идущего к своему светлому будущему без нищеты, без невежества, без эксплуатации, без империалистического орла».

Кубинская революция 1959 г. и революция 1895 г., руководимая Марти, имеют много общего. Их объединяет подлинно народный, радикальный, антифеодальный и антиимпериалистический характер. Это обстоятельство во многом предопределило глубокое сходство революционной теории Марти с программой революции 1959 г. По словам Ф. Кастро, руководимая им революция — «это революция бедных, сделанная бедными и для бедных». Ее совершили рабочие и крестьяне, внуки тех рабочих, которые помогали Марти собирать средства для справедливой войны 1895 г., внуки тех крестьян, которые составили славные ряды повстанческой армии мамби. «Наше единственное желание, — заявил Рауль Кастро, — развивать нашу революцию в мирной обстановке, строить новое общество «со всеми и на благо всех», как сказал Хосе Марти» («Правда», 23 ноября 1960 г.).

Выдвигая принцип социального равенства «Со всеми и для блага всех», Марти отдавал себе отчет в том, что осуществление этого принципа потребует радикальных преобразований в общественном строе. Кубинские революционеры осуществляют эти преобразования. «Цель революции, — заявил Ф. Кастро, — извлечение корней, а не поверхностная стрижка, после которой появляются вновь дурные побеги» («Правда», 15 февраля 1960 г.). Борьба против сил старого общества, в котором безраздельно господствовали латифундии и империалистические монополии, идет на Кубе по всему фронту. С каждым осуществленным революционным мероприятием Куба все более и более становится родиной «всех и для блага всех».

Марти неустанно боролся против расизма. Именно из его гуманистических принципов исходили кубинские повстанцы «барбудос» («бородачи»), когда в ноябре 1958 г. в программе «Движение 26 июля» писали: «Мы боремся за то, чтобы на родине Марти и Масео не было расовой дискриминации». Победившая кубинская революция решительно осудила дискриминацию негров и индейцев и провозгласила их право на «полное человеческое достоинство», как этого требовал Апостол.

Марти был выдающимся просветителем и пропагандистом передового народного образования, свободного от пагубного влияния католической церкви, органически соединен-

ного с трудом, с практикой жизни и наукой. В 1961 г., когда был провозглашен «Год образования» и Куба поднялась на борьбу с неграмотностью, был издан специальный сборник произведений Марти по вопросам педагогики и образования. И в этой области социалистического строительства кубинская революция взяла на вооружение передовые идеи Марти. Лозунгом «альфаветисадорес» (борцов с неграмотностью) стали его слова: «Быть образованными, чтобы стать свободными».

Резко и беспощадно бичевал в свое время Марти католический клерикализм, выступавший на стороне врагов свободы и независимости Кубы. В борьбе против нынешней католической реакции кубинская передовая печать широко использовала антиклерикальные воззрения Марти. Так, осуждая в 1960 г. отлучение от церкви кубинского священника падре Ленсе, выступившего с поддержкой революции, газета «Noticias de Hoy» опубликовала статью Марти «Отлучение падре Макглинна» с ее актуально звучащим вопросом: «Почему тот, кто служит свободе, не может служить церкви?»

Какую бы область строительства новой Кубы мы ни взяли, везде чувствуется благотворное влияние революционно-демократических идей Марти. И это вполне понятно: ведь социалистическая революция на Кубе столь же твердо опирается на народные массы, как и Марти, безраздельно связавший

свою судьбу с судьбой «бедняков земли». Кубинские трудящиеся добились больших успехов в строительстве социалистического общества. Однако эти успехи были бы еще более значительными, если бы им не приходилось отвлекать силы для борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией, пытающейся с помощью американского империализма восстановить на Кубе рухнувшие устои отжившего строя эксплуатации и нищеты.

Нынешняя контрреволюция по своему существу не отличается от той, против которой в прошлом веке боролся Хосе Марти. То же предательство национальных интересов, то же лакейство, пресмыкательство и угодничество перед американским империализмом. Не изменилась существенным образом и ее идеология, насквозь проникнутая духом национального нигилизма, готового пожертвовать самым дорогим — свободой и независимостью родины ради сохранения узкокорыстных интересов привилегированного меньшинства. В самом деле, далеко ли ушла нынешняя контрреволюция, делающая ставку на американскую интервенцию, от своей предшественницы, выступавшей под лозунгом аннексии Кубы Соединенными Штатами? Современный интервенционизм латифундистов — родной брат аннексионизма рабовладельцев прошлого века.

Продолжая патриотические традиции Марти, неустанно боровшегося против аннексионизма, кубинский народ гневно отвергает

философию иностранной интервенции и дает решительный отпор любым проискам внутренней и внешней контрреволюции, начиная от подлых убийств добровольцев «альфабетисадорес» и кончая открытой интервенционистской вылазкой банды наемников, снаряженной на американские деньги*.

За единство всех сил революции неустанно боролся Марти. За это же страстно борется кубинский народ, который в ответ на происки контрреволюционеров, стремящихся расколоть с помощью антикоммунистической идеологии силы революции, отвечает еще большим сплочением.

Прозорливое предсказание Марти о том, что для латиноамериканских стран пробил час вторично провозгласить свою независимость, полностью подтвердилось. Наглядным свидетельством правоты этих слов Марти служат непрекращающаяся борьба латиноамериканских народов за освобождение от

* Наглядное представление о характере кубинской контрреволюции дают данные о социальном составе пленных, захваченных во время интервенции на Кубе в апреле 1961 г. Из 1 тыс. пленных (всего их захвачено около 1100 человек) приблизительно 800 — выходцы из зажиточных семей. Лишь части их принадлежало прежде около 27 600 кабальерий земли (одна кабальерия равна 13,43 га), почти 10 тыс. домов, 70 промышленных предприятий, 10 сахарных заводов, два банка и пять шахт. Из остальных пленных 135 были прежде военнослужащими армии Батисты и 75 человек — преступными элементами» (см. «Правда», 3 мая 1961 г.).

империалистического гнета США, а также сама Куба, родина Марти, которая впервые разорвала цепь американского империализма в Латинской Америке и «вторично провозгласила свою независимость» — на этот раз не от Испании, а от США. Один из ближайших соратников Ф. Кастро, Х. Альмейда, в этой связи заметил: «Час вторичной независимости нашей Америки, о котором возвестил Марти, прозвучал на Кубе. И его отзвуки приводят в движение весь континент» («Noticias de Hoy», 19 декабря 1960 г.).

Марти указывал на огромное значение для укрепления политической независимости латиноамериканских стран таких мероприятий, как развитие собственной национальной промышленности и свободной торговли со всеми странами. Эти положения нашли свое практическое воплощение в делах кубинской революции, которая на собственном примере показала всем латиноамериканским странам, что путь к полной независимости лежит в конечном счете через создание национальной промышленности, не зависимой от иностранных латифундий и монополий. Поэтому опыт социалистической Кубы содержит в себе нечто общее для других стран Латинской Америки.

Глубокие критические замечания Марти относительно панамериканизма и агрессивной внешней политики США звучат в настоящее время столь актуально и отличаются

таким глубоким проникновением в суть происходящих событий, что они могли бы показаться некоторым государственным деятелям США вполне коммунистическими. Некоторые из этих замечаний процитировал в своем выступлении на состоявшемся в августе 1960 г. совещании министров иностранных дел стран — членов Организации американских государств министр иностранных дел Кубы Р. Роа. Слова Марти, разоблачавшие панамериканизм и империалистическую политику США, попали прямо в цель. В этой связи известный кубинский поэт лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Николас Гильен остроумно заметил, что Р. Роа хорошо сделал, указав происхождение цитат, дабы государственный секретарь США К. Гертер не попал в смешное положение, приписав их Ленину или Карлу Марксу.

В согласии с принципами Марти, выступавшего за проведение латиноамериканскими странами независимой национальной внешней политики, свободная Куба, порвав с панамериканизмом, привязывавшим ее к «грубой и жестокой державе Севера», заявила о своей решимости идти со всем миром, а не с какой-то его частью, вести торговлю не с одним «северным колоссом», а со всеми странами мира. Кубинский народ полон решимости проводить и впредь независимую внешнюю политику в соответствии с идеалами Марти, поскольку она полностью отве-

чает национальным интересам страны, задачам укрепления ее политической и экономической независимости. Обосновывая этот внешнеполитический курс, газета «Noticias de Ноу» 5 февраля 1961 г. писала: «Те, кто выступает против внешней политики поддержания отношений со всем миром, а не с частью его, которой следовала революция, выступают в интересах империализма, в интересах подчинения нашей страны замыслам тех, кто желает сохранять монополию на торговлю с нами и поэтому ведет войну против Марти».

Марти проводил четкое различие между прогнившей и отсталой испанской монархией, оплотом колониализма, и народом Испании; Марти проводил также четкую грань между простым народом США и правящей в стране финансовой олигархией, между прогрессивной Америкой Линкольна и империалистической Америкой Каттинга. Ныне кубинский народ ведет борьбу против прогнившей империалистической системы, но его борьба ничего общего не имеет с янкифобией. «Мы раскрываем объятия родине Линкольна, но ждем с винтовкой наготове вероломных потомков Каттинга», — писала газета «Noticias de Ноу» 20 января 1961 г.

Все это убедительно говорит о том, что социалистическая Куба и Марти нераздельны. Марти всецело на стороне кубинской революции, в первых рядах борцов за новую Кубу, которая сегодня и в дальнейшем будет

«со всеми и для блага всех». Строя социализм, кубинский народ полон решимости воплотить в жизнь мечту своего Апостола о справедливом общественном строе и «республике тружеников». Повстанцы 1895 года, следуя за Марти, боролись под лозунгом «Независимость или смерть!». Верные прогрессивным традициям Марти и героев-мамби, нынешние кубинские революционеры, сплотившись вокруг коммунистической партии и революционного правительства, решительно заявляют: «РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ! МЫ ПОБЕДИМ!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ХОСЕ МАРТИ

ИЗ СБОРНИКА «СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ»

Я искал средь селений тебя,
Я искал тебя в облачной сини.
Чтобы душу твою отыскать,
Много ирисов рвал я в долине.

Мне тоскливо сказали цветы:
— Сколько горя с собою принес ты!
И зачем тебе синий цветок,
Ведь она себе выбрала желтый.

Как же так? Я прошел по стране,
Ты вчера, наконец, отыскалась,
А душа, что трепещет во мне,
Вдруг теперь не моей оказалась?

Перевод В. Журавлева (11, стр. 132).

ИЗ СБОРНИКА «ПРОСТЫЕ СТИХИ»

О тиране? Скажи про тирана
Все — и больше того! Присуди
Всей яростью рабской груди
К бесчестию, к позору тирана!

О неправде? Скажи о неправде,
Как крадется она осторожно
В темноте; скажи все, что можно,
О тиране и о неправде.

О женщине? Даже развенчанный,
Отравленный, — умирай,
Но жизни своей не пятнай,
Говоря дурное о женщине!

Перевод О. Савича (11, стр. 118).

* * *

Я хочу умереть так же просто,
Как цветы умирают в полях.
Вместо свеч надо мной будут звезды,
Катафалком мне будет земля.

Пусть предателей прячут от света
Под холодный и каменный свод.
Жил я честно, в награду за это
Я умру лицом на восход.

Перевод В. Столбова (11, стр. 107).

[ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ]

Наблюдаемая природа — единственный философский источник.

Человек — наблюдатель, единственный носитель философии.

Но есть два вида бытия: один вид, который можно потрогать, и другой, который потрогать

нельзя. Я могу выделить породы, составляющие гору, и выставить их в музей; но я не могу выделить элементы, которые постоянно составляли, составляют и, возможно, вечно будут составлять мое мышление и чувство.

То, что можно потрогать, называется осязаемым, а то, что можно проверить зрением, — видимым. То, что нельзя ни потрогать, ни увидеть, невидимо и неосязаемо.

Таким образом, в нас самих имеется часть осязаемой природы, как рука, и часть неосязаемой, как симпатия.

Изучение осязаемого мира называется физикой; а изучение неосязаемого мира — метафизикой.

Чрезмерная приверженность первой школы к физике называется материализмом; чрезмерная приверженность второй школы к неосязаемому известна под названием спиритуализма, хотя его и не следует так называть.

Все философские школы можно свести к этим двум. Аристотель дал научное средство, которое уже дважды на протяжении великой истории мира так сильно возвысило физическую школу. У Платона и божественного Иисуса была чистейшая душа и вера в потустороннюю жизнь, которые делают столь поэтической и долговечной метафизическую школу.

Обе школы вместе составляют истину; каждая же школа в отдельности — только часть истины, которая погибает, если ей не помогает другая школа. Нет необходимости выдумывать бога, раз его можно доказать. При помощи науки приходят к богу. Бог не как человек-созидатель, а как безбрежное море

духа, в котором в конечном итоге должны смешаться — уже решенные — все виды высокомерного несогласия людей. Это, вероятно, может утверждать Поэзия, которая интуитивна, но с этим утверждением не должна спешить философия, которая экспериментальна.

Бог невидим; суждения людей противоречивы; природа же постоянна и величественна; нельзя ни привести доказательство существования бога, ни установить существование его; к суждениям людей прибегать неблагоприятно, ибо суждения существуют в силу того, что стремятся уничтожить друг друга; приблизимся же к великой матери-природе; откроем великую книгу, страницы которой написаны веками, действия и факты которой — океаны, величественное познание которой теряется в неосязаемом и невидимом.

Сколько мира есть еще за миром воздуха, который я постиг! — жаловался на нашу мелкость мир аэростатов.

Повторяем для ясности: одна часть природы осязаема и, следовательно, материальна; философия, которая изучает эту часть, называется физической философией. Другая часть нематериальна, она трактует о том, что обычно либо с целью опровержения, либо с целью признания этого называется духом. Философия, которая изучает эту часть, называется метафизикой.

Должны ли законы реального и осязаемого мира даваться интуицией индивидуума, существа антилогического?

Это неразумно, так как законы вещей должны выводиться из наблюдения над вещами; метафизи-

зика же законы природы приписывает интуиции, и именно в этом и заключается ее ошибка.

Должны ли высокие побуждения неосязаемого и необыкновенного человеческого духа, отличающегося своей высокой сущностью от всего того, что его окружает, подчиняться мелким причинам, действие которых не доказано?

Это также неразумно, ибо гипотеза относительно духовного не поддается научной проверке; именно в этом и заключается ошибка физической школы, которая в своих крайностях дошла до отрицания всякого духовного явления.

Мы утверждаем: чтобы знать, нужно исследовать; самым вероятным источником истины является наше собственное исследование; исследование — верное средство для того, чтобы знать, как применить нашу способность к познаваемой вещи; наблюдение и осмысление того, что наблюдалось: рефлексия.

Таким образом, в философии есть субъект, который познает и, будучи взятым отдельно, порождает немецкую субъективную философию; познаваемый объект, будучи взятым отдельно, порождает современную натуралистическую философию; средства познания.

Из этого делается вывод, что философия должна изучать человека, который наблюдает, средства, которыми он наблюдает, и то, что он наблюдает: философия внутренняя, философия внешняя и философия отношений.

Философия — это наука о причинах.

Познавать возможные причины и использовать смелые и правильные средства для исследования

неизвестных причин — это и значит быть философом. Постоянно думать с помощью элементов науки, рожденных из наблюдения, обо всем, что попадает в сферу нашего разума, и о причине всего этого — в этом и состоят элементы, нужные для того, чтобы быть философом. Следовательно, эти элементы суть наблюдение и размышление.

Любой другой элемент помогает проверять, но не является твердой основой философии. Мы не должны утверждать то, чего не можем доказать. Интуиция — это помощь, часто большая, но она не является научным и несомненным путем, ведущим к познанию.

Я бы не утверждал, что я должен существовать в более высокой форме, чем существую, если бы во мне не было практических доводов для доказательства этого.

Практический довод означает не материальный, а экспериментальный довод.

Я не утверждал бы о наличии постоянной и гармоничной связи духа и тела, если бы я сам не был подтверждением ее.

Я не утверждал бы, что в случае необходимости применения силы моральные стимулы — воля, достоинство, патриотическая гордость, воспитание — выше средств материальных, силы, привычки, мускулатуры, если бы я не был живым примером этой истины.

Мы невольно стремимся к тому, чтобы дать себе отчет во всем. Одни, обладающие спокойным умом, следуют за импульсом других. Другие же, обладающие мятежным умом, исследуют импульс других и стремятся применить свой собственный. Ришелье

говорил о Корнеле, что у него не было *esprit de suite* [последовательности]. Ни один великий человек, достойный бога, не имеет ее.

Мы не можем познать причины вещей в них самих. Причины не раскрываются нам непосредственно. Всегда перед нами находится результат акта творения, а в нас всегда живет желание познать, как это творение осуществлялось. У кого мы можем об этом спросить?

У бога? Ох, он не отвечает, потому что нас научили верить в бога, который не является настоящим. Настоящий вменяет в обязанность труд как средство достижения досуга, исследование как средство достижения истины, честность как средство достижения целомудрия. Как радостно умирает мученик! С каким удовлетворением живет ученый! Он выполняет свой долг, а это, если и не является целью, представляет собой средство.

У кого мы спросим? У веры? Ох, ее недостаточно. Во имя веры много лгали. Должно верить в высшее бытие согласно нашим высоким внутренним волнениям — в неизмеримую творческую силу, которая утешает; в любовь, которая спасает и соединяет; в жизнь, которая начинается со смерти.

Всего этого требует внутренний естественный голос, первый голос, который слышали первобытные народы и который слышит человек любой эпохи. Но вера мистическая, вера в космическое слово брахманов, в необыкновенное слово магов, в традиционное, метафизическое и неподвижное слово священнослужителей, вера, которая вопреки движению земли говорит, что она движется иначе; вера, которая за то, что утверждает механик из Валенсии, заковывает его

в кандалы и ослепляет его; вера, которая осуждает как колдунов маркиза де Вильена, Бэкона и Галилея; вера, которая сначала отрицает то, что потом бывает вынуждена признать, — эта вера не средство достижения истины, а средство, затемняющее ее и препятствующее открытию ее; эта вера не помогает человеку, а мешает ему; она не отвечает ему, а наказывает его; она не удовлетворяет, а раздражает его. У свободных людей уже другая вера. Их вера — вечное знание. А средство ее — доказательство.

С этой научной верой можно быть отличным христианином, любящим деистом, совершенным спиритуалистом. Чтобы верить в небо, в котором нуждается наша душа, нет необходимости верить в ад, который наш разум отвергает.

Итак, у кого же мы будем спрашивать? У природы. Светящиеся тела находятся на небе; темные тела — на земле. Постоянное беспокойство, не имеющее ни веса, ни цвета, ни формы, яркое, как свет, — в мышлении каждого человека. Кто или что движет звезды? Кто или что создало землю? Кто такой или что такое это любопытное, неугомонное, меланхоличное и мятежное существо, которое сидит в нас самих?

Спрашивать у книг? Одна школа говорит нам, что движения души — это нервные движения, но так как эта школа не говорит нам, в каком нерве помещается честь мужчин, целомудрие женщин, материнская любовь, любовь к родине, мы отвергаем из-за отсутствия доказательств эту философию, которая не смогла доказать то, что она утверждает. Другая школа говорит нам, что дух — господин тела,

но так как мы своими глазами видим, что хотя и правда, что страдание, будучи явлением духовным, иногда вредит телу, но правда также и то, что яд, физическая боль, злоба иногда расстраивают рассудок, мы отвергаем эту вторую школу, как и первую, за то, что она претендует на исключительность, за то, что она теоретизирующая и претенциозная.

Поскольку исследования других приводят нас к этой путанице, что же мы должны делать, чтобы знать? Исходя из нашего собственного критерия, мы должны изучить исследование, которое было осуществлено другими, или, что более надежно, сами провести исследование.

Нельзя видеть вещь, не глядя на нее. Нельзя понять вещь, не исследуя ее. Исследование — глаз разума.

Следовательно, мы сами являемся первым средством познания вещей, естественным средством исследования, естественным философским средством.

Что такое природа? Дикорастущая сосна, старый дуб, бурное море, реки, текущие к морю, как к вечности идем мы, люди; природа — это луч света, пробивающийся сквозь тучи и превращающийся в радуго; это человеческий разум, который, приближаясь и поднимаясь на крыльях души, восходит к блаженству. Природа — это все, что существует в любой форме, в любом виде духа и тела; водные потоки — рабы своего русла; корни — рабы земли; ноги — рабы, как и корни; души — рабы в меньшей степени, чем ноги. Таинственный внутренний мир, чудесный внешний мир, такой, какой он есть — безобразный, блестящий или мрачный, близкий или

далекий, огромный или чахлый, водный или земной, весь упорядоченный, весь измеренный, за исключением неба и душ людей, — это и есть природа.

Перевод М. И. Зайцевой (15, стр. 214—219).

КРЕСТЬЯНИН

Не показывай эту книжку попу твоего селения, потому что он заинтересован в том, чтобы держать тебя в темноте, чтобы ты обо всем спрашивал его.

И так как он берет с тебя плату за то, что кропит водой голову твоего ребенка, за то, что говорит тебе, что ты муж своей жены, о чем тебе известно с тех пор, как вы любите друг друга; и так как он берет с тебя плату за то, что рождается ребенок, за то, что он благословляет женитьбу, молится за твою душу, за отпевание; и так как он, если ты ему не заплатишь, даже отказывает тебе в праве на погребение, — то он никогда не захочет, чтобы ты узнал, что все, что ты делал до сих пор, не нужно, потому что с этого дня он перестанет получать плату за все это.

И так как все это есть несправедливость, которая таким образом использует твое невежество, я хочу, крестьянин, ничего не требуя у тебя за свою книгу, поговорить с тобой, чтобы сказать тебе правду.

Я не требую, чтобы ты верил так, как я верю. Читай то, что я пишу, и верь, если это покажется тебе правильным. Первый долг человека состоит в том, чтобы мыслить самостоятельно. Поэтому я не

хочу, чтобы ты нуждался в попе, ибо он не дает тебе мыслить.

Тогда приступим к беседе, честный крестьянин, зови свою жену и детей, читай им медленно, ясно и много раз то, что я тебе здесь говорю по доброй воле.

Для чего ты несешь крестить своего ребенка?

Ты мне ответишь: «Для того, чтобы он стал христианином». Христианин означает — чтобы быть похожим на Христа. Я тебе расскажу о том, кто такой был Христос.

Он был совсем бедным человеком и желал, чтобы люди любили друг друга; чтобы тот, кто имел что-либо, помогал тому, у кого ничего не было; чтобы дети уважали своих родителей, а родители заботились о детях; чтобы каждый работал, потому что никто не имеет права на то, что он не производит; чтобы делать добро всем людям и не желать никому зла.

Христос был полон любви к людям. И так как он пришел сказать рабам, что они являются рабами только бога, и так как народы воспылали к нему любовью, и где бы он ни проходил, говоря эти слова, они следовали за ним, то деспоты, которые правили тогда, испугались его и заставили его умереть на кресте.

Таким образом, добрый крестьянин, обряд крещения твоего ребенка означает твою волю сделать его похожим на этого великого человека.

Ясно, что ты хочешь, чтобы он стал таким, потому что Христос был замечательным человеком. Но скажи мне, друг, делается ли все это тем, что кропят воду на голову твоего ребенка? Если бы все

это делалось при помощи этого небольшого количества воды, все, кто был крещен, были бы добрыми. Ты видишь, что это не так.

Но даже если бы эта вода обладала такой силой, то зачем ты доверяешь в чужие руки голову твоего ребенка? Почему ты сам не кропишь его голову водой? Разве вода, которую кропит на голову ребенка честный человек, была бы хуже той, что кропит почти всегда порочный человек, который тебя заставляет жениться на своей бывшей любовнице, желая, чтобы твои, а фактически его дети были законнорожденными, говорит тебе, что ты должен дать им свое имя, а сам отказывается дать им свое имя? *

Ты поступишь неправильно, если поверишь, что такой же, как и ты, человек лучше тебя. Человек, который значит больше, это не тот, кто знает латынь, не тот, кто носит на голове тонзуру. Потому что вор в тонзуре всегда ценится меньше, чем честный человек без тонзуры. Ценится больше всего тот, кто более честен, тот, кто больше работает, кто менее порочен, кто живет в любви с женой и детьми, и поэтому тонзура ему ни к чему.

Так как человек не животное, созданное для наслаждения, подобно быку или свинье, а творение высшей природы, то, если он не обрабатывает землю, не любит свою жену и не воспитывает своих детишек, он, несомненно, снова начнет жить, как бык или свинья.

Даже если бы ты был преступником, то, когда у тебя рождается ребенок, ты поступаешь хорошо.

* Католицизм запрещает служителям культа вступать в брак. — О. Т.

Из-за него ты раскаиваешься, чувствуешь, что поступал плохо, даешь ему слово, что впредь будешь всегда честным; разве ты не помнишь, что творилось в твоей душе, когда у тебя родился первый ребенок? Ты был очень доволен, быстро ходил взад и вперед, боялся за жизнь своей жены, говорил мало, потому что не научили тебя говорить много (а необходимо, чтобы ты научился), но сердце твое было полно радости и томления. И когда ты увидел здоровым родившегося ребенка, то почувствовал, как глаза у тебя наполнились слезами; обняв свою жену, ты на мгновение представил себя светлым, как солнце, и сильным, как весь мир. Ребенок — лучшая награда, какую человек может получить на земле.

Но скажи мне, друг, может ли поп любить твоего ребенка сильнее, чем ты? Почему он должен его любить больше, чем ты? Если кто и желает добра ребенку твоей крови и любви, то кто лучше тебя самого пожелает ему этого? Если крещение не означает ничего иного, кроме твоего желания, чтобы ребенок был бы похож на Христа, то зачем ты его подвергаешь опасности болезни, отрывая его на несколько часов от матери, везешь его для того, чтобы его благословил какой-то посторонний человек? Благослови его сам, ты это сделаешь лучше, чем он, так как ты его любишь сильнее, чем он. Поцелуй и обними его; крепкий поцелуй и сильное объятие — вот и все крещение.

Поп говорит также, что крестит твоего ребенка для того, чтобы он вступил в царство рая. Но он крестит новорожденного, если ты ему заплатишь деньгами, или зерном, или яйцами, или живностью.

Если ты ему не заплатишь или не подаришь что-нибудь, то он не будет крестить. Таким образом, царство рая, о котором он тебе говорит, стоит несколько реалов или определенное количество зерна, яиц, птиц.

Какую необходимость или интерес ты можешь видеть в том, чтобы твой ребенок вступил в это царство? Какое мнение ты должен составить о человеке, который говорит, что сделает тебе великое благо, что имеет его в своих руках, что без него ты обречен, что от него зависит твое спасение, и из-за нескольких серебряных монет отказывает тебе в этом великом благодеянии? Разве такой человек не злодей, не эгоист, не скряга? Какое мнение ты составил бы о боге, если бы он действительно был тем, кто посылает подобных посланцев?

Такой бог, который торгуется, продает спасение, все делает за деньги, посылает людей в ад, если ему не заплатят, а если заплатят, посылает в рай, — такой бог является чем-то вроде ростовщика, стяжателя, лавочника.

Но, мой друг, бог совсем другой!

Новое время имеет своих мучеников и своих аскетов. Какая эпоха не имеет верований? Какой век не имеет идеалов! Можно ли сбросить религию так, чтобы на ее развалинах не возникла другая? Что нужно душе для удовлетворения неукротимого религиозного чувства? На это нужно ответить: эта эпоха имеет свою религию. Мы жили пришибленные, но рядом с попом. Нельзя сбросить вниз двадцать веков без того, чтобы некоторое время пыль развалин не слепила бы нам глаза.

Перевод О. С. Тернового (17, стр. 1711—1713).

В ЗАЩИТУ КУБЫ

*Письмо редактору
нью-йоркской газеты «Ивнинг пост»*

Сеньор!

Разрешите мне выразить на страницах вашей газеты свое возмущение по поводу публичного оскорбления кубинцев в статье, напечатанной в филадельфийской газете «Мэнюфекчурер» и сочувственно перепечатанной во вчерашнем номере «Ивнинг пост».

Сейчас не время обсуждать вопрос об аннексии Кубы. Да и вряд ли найдется кубинец, сохранивший хотя бы смутное представление о чести, который пожелал бы видеть нашу родину присоединенной к стране, где руководители общественного мнения относятся к кубинскому народу с предубеждением, присущим безмерному самохвальству или крайнему невежеству. Ни один честный кубинец не унижится до того, чтобы согласиться вступить в семью народа, который, соблазняясь природными богатствами нашего острова, считает самих кубинцев — его хозяев — людьми неполноценными, отрицает их способности, оскорбляет их человеческое достоинство и презирает их национальный характер. Быть может, среди кубинцев попадутся и такие люди, которые по различным мотивам — будь то страстное преклонение перед прогрессом и свободой или надежда на более благоприятные политические условия для развития страны, а главное, в силу пагубного незнания истории и сущности аннексий, — пожелали бы видеть Кубу присоединенной к США. Но все кубинцы, участво-

вавшие в войне и многому научившиеся в изгнании, все те, кто силой своих рук и разума создал в самом сердце враждебно настроенной к ним страны очаг добродетели, люди науки и коммерсанты, промышленники и инженеры, учителя и адвокаты, юристы, артисты, журналисты и поэты — люди, обладающие и умом и предприимчивостью; везде, где они имели возможность применить свои способности, они встретили справедливое отношение к себе и пользуются заслуженным почетом и признанием. Труженики-кубинцы, своими руками создавшие город там, где у Соединенных Штатов было лишь несколько хижин на безлюдном скалистом острове, не желают присоединения Кубы к Соединенным Штатам. Им это не нужно. Они восхищаются нацией, добившейся невиданной до сего времени свободы, но не доверяют темным силам, которые, как микробы в крови, начали в республике свое дело разрушения. Героев этой страны они почитают как своих героев и желают процветания Соединенным Штатам к вящей славе человечества, но они не могут искренне поверить в то, что культ индивидуализма, преклонение перед богатством и слишком длительные и шумные восторги по поводу страшной победы * позволяют считать Соединенные Штаты образцовой страной свободы — страной, в которой не должно быть ни стремления к господству над другими странами, ни насильственных захватов, ни побед, противоречащих понятиям чести и справедливости. Мы любим родину Линкольна, но страшимся отчизны Каттинга.

* Марти имеет в виду захватническую войну США против Мексики (1846—1848 гг.). — О. Т.

Мы, кубинцы, не являемся «народом жалких бродяг и аморальных пигмеев», каким угодно было изобразить нас газете «Мэнюфехчурер». Мы отнюдь не являемся народом бесполезных, неспособных к действию болтунов, презирающих тяжелый труд, как пишут о нас и о других народах испанской Америки некоторые высокомерные путешественники и наглые писаки. Страдая под игом тирании, мы не склоняли головы, а всегда боролись за свободу как мужественные люди, а иногда поистине как титаны. Сейчас наступила временная передышка — период накопления сил, необходимый после поражения. Мы были разбиты, но мы все же продолжаем борьбу с поработителем, который лишает нас средств к существованию; в прекрасной столице нашей родины, часто посещаемой иностранцами, и в провинции угнетатели покровительствуют коррупции, подтачивающей силы, необходимые для завоевания свободы. В годину тяжких испытаний мы безусловно заслуживаем уважения всех тех, кто сочувствовал нам, когда мы хотели свергнуть тиранию...

«По природе своей из-за отсутствия опыта кубинцы не способны выполнять в большой и свободной стране свой гражданский долг», — клеветает на нас «Мэнюфехчурер».

Разве можно так исказить истину, разве можно так говорить о народе, который не только своим трудом создал первую в испанских владениях железную дорогу, который не только сумел применить все средства современной цивилизации для борьбы против тиранического правительства, но и обладает поразительным пониманием политической жизни, доказанной способностью к освоению ее выс-

ших форм, зрелостью мысли и богатством языка. Свободолюбие, годы борьбы против тирании, характер, закаленный на Кубе и в изгнании, уроки Десятилетней войны и многочисленные ее последствия, практическое выполнение гражданских обязанностей среди свободных народов способствовали, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, развитию у кубинца навыков к самоуправлению, столь естественному для него, что уже в самый разгар войны, еще не имея опыта, он создал это управление, хотя ему и пришлось выступить против своих руководителей. Требуя уважения к законам свободы, он без страха и сомнений выбил меч из рук самых прославленных полководцев, претендовавших на захват власти. В характере кубинцев пламенная страстность счастливо сочетается с огромной выдержкой. С начала века у нас появились замечательные учителя. На словах и на деле они показывали пример самоотверженности, преданности служения своему идеалу, верности делу справедливости и свободы. Кубинцев, которые десять лет тому назад завоевывали первенство в университетах Европы, приветствовали в испанском парламенте, как выдающихся мыслителей и блестящих ораторов. Политический уровень развития кубинца ничуть не ниже уровня гражданина Соединенных Штатов...

«Мэнюфекчурер» заканчивает свою статью словами: «Отсутствие мужества и самоуважения у кубинцев видны по той покорности, с какой они в течение долгого времени подчинялись гнету испанцев...» — и добавляет: «Их попытки к восстанию были настолько слабы, что больше походили на фарс». Трудно показать большее незнание нашей

истории и нашего характера, чем то, о котором свидетельствует это легкомысленное утверждение. Чтобы удержаться от ответа, полного негодования, нужно заставить себя вспомнить, что не один американец проливал свою кровь рядом с нами в войне, которую другой американец назвал «фарсом». Репортер осмелился назвать «фарсом» нашу войну, которую в свое время иностранные наблюдатели называли «великой эпопеей», добровольные жертвы повстанцев, бросивших все свое имущество, отдавших свою жизнь, — назвать «фарсом» уничтожение рабства, провозглашенное в первые дни свободы. Своими руками мы сжигали родные города и строили в девственных лесах новые селения и фабрики, наши женщины носили одежду из коры деревьев, десять лет мы вели борьбу и не раз наносили сокрушительные удары противнику, потерявшему двухсоттысячную, хорошо вооруженную армию в боях с малочисленной армией патриотов, которых поддерживала только природа. У нас не было ни гессенцев, ни французов, ни лафайетов, ни штойбенов, нам не помогало соперничество королей. У нас был лишь сосед, превысивший свои права и действовавший против воли своего народа, и этот сосед поддержал наших врагов, хотя мы боролись за такую же хартию вольности, на какой основывалась его собственная независимость. Мы стали жертвой борьбы страстей, как стали бы ею и тринадцать штатов, если бы их не объединил успех. Нас же ослабило промедление. Оно было вызвано не трусостью, а стремлением избежать кровопролития. Эта задержка дала противнику в первые же месяцы борьбы неоценимые преимущества. Мы медлили еще и потому, что

по-детски верили в помощь Соединенных Штатов: «Они не допустят нашей гибели в борьбе за свою свободу у порога своего дома. Они скажут свое слово, они протянут нам руку помощи, и на земле появится новый свободный народ». Они же «превысили свои права» и поддержали Испанию, а не нас. Они не протянули нам руку помощи, они не нашли для нас слова поддержки.

Борьба еще не кончилась. Кубинцы-изгнанники не смирились. Новое поколение достойно своих отцов. Тысячи наших товарищей погибли после войны в тюремных застенках, но только смерть может заставить кубинцев прекратить борьбу за независимость. И хотя очень горько говорить об этом, но я должен сознаться: наша борьба возобновилась бы и была бы намного успешнее, если бы не существовало аннексионистских иллюзий среди некоторых кубинцев, воображающих, что свободы можно добиться дешевой ценой, и если бы у кубинцев не было оснований опасаться, что самые святые страницы нашей истории, прах героев, павших за дело свободы, обогранные кровью развалины наших городов послужат удобением для пышного произрастания иностранного чертополоха и станут предметом издевательства для писак из «Мэнюфекчурер оф Филадельфия».

Ваш покорный слуга *Хосе Марти*

Нью-Йорк, 21 марта 1889 г.

Перевод Н. Тульчинской (11, стр. 242—248).

БЕДНЯКИ ЗЕМЛИ НАШЕЙ

Молчаливые, сердечные и великодушные кубинские рабочие, эмигрировавшие в Соединенные Штаты, были надежным и неистощимым источником революционных сил в минувшей освободительной войне. Эти люди, недавно покинувшие свою опозоренную и разоренную родину, весь день 10 октября трудились для нее, хотя, возможно, и не все из них доживут до светлого часа ее освобождения. Все они отдали свой труд делу революции, хотя в мире, где царит тщеславие и несправедливость, завоевания революции могут присвоить те, кто пренебрег правом и любовью людей, давших им власть и славу.

Но нет, дорогие братья! На сей раз все будет иначе. Вы не услышите от нас льстивых уверений в том, что все достоинства присущи одним только беднякам, мы не присваиваем себе права давать от имени республики обещания какой-либо группе кубинцев, будь то высокомерные богачи или изголодавшиеся бедняки. Мы обещаем только одно — бороться, бороться до последней капли крови за равные права всех кубинцев, богатых и бедных, всех тех, кто не жмет родине ни в помыслах, ни в делах своих. На этот раз глубокая вера людей труда в революцию, которая не льстит им, но и не забудет о них, заслужена искренней любовью, уважением к достоинству человека, заслужена стойкостью и отвагой тех, кто не считает себя в праве называться истинными мужами до тех пор, пока есть на свете хотя бы одно униженное или обездоленное существо.

Мы не потворствовали невежеству; мы не одобрялись людям, которые в тяжелую годину подобострастно превозносят тех, кого в глубине своего сердца презирают и кого отвергнут, лишь только минет надобность в их поддержке; дружеским пожатием руки мы не прикрывали демагогию и жажду мести. Высокий дух этой революции спасет родину от преступлений, а не будет побуждать к ним. Кубинец-рабочий тянется к свободе потому, что он измучен неволей и вдохновлен творческой идеей, порожденной самой действительностью. Он не может смириться с жизнью в тени испанских виселиц и не будет проклинать тех, кто решил раз и навсегда, в союзе со всеми силами народа, спасти честь Кубы от надругательств, а кубинцев — от изгнания. Он не станет кусать руку своего освободителя и лобзать руки ненавистных деспотов. Он не разглагольствует впустую, невольно помогая этим правительству, защищающему интересы людей имущих и порочных, правительству, которое даже в лучших своих начинаниях никогда не согласится в силу самой своей сущности и политической неспособности дать Кубе полную самостоятельность, необходимую ей. Кубинский рабочий не отказал в помощи республике, хотя завтра, когда республика победит, среди множества забот, может быть, и не вспомнят о том, кто в это трудное время лишал свой дом хлеба и дешевого вина, а своего ребенка — одежды и лекарства, только для того, чтобы вложить оружие в руки борца за дело родины. Нет, — заявляем мы в день, посвященный памяти наших героев, — кубинец склонил голову за работой, он внес своей мозолистой рукой бесцен-

ный вклад в сокровищницу свободы и справедливости.

О братья! Иному может показаться, что в этой жертве нет святого величия, ведь жертвы приносят и другие. Но ведь богач дает от своих излишков, это справедливо, и совсем немного; и не за что славить его, и уж во всяком случае он достоин славы значительно меньше, ибо беспредельно меньше его усилия. Но когда изгнанник, едва защищенный от непогоды стенами своей жалкой хижины, едва прикрыв наготу своих детей, отдает часть своего скудного и непостоянного заработка, которого он месяцами бывает лишен; когда изгнанник, отказывая своей полуголодной семье в куске мяса, самоотверженно отдает последние крохи далекой и, возможно, неблагодарной республике, не требуя ни награды, ни славы, — он действительно обладает высокой душой, и при одной мысли о нем сердце переполняется любовью. Такие люди — гордость родины...

Перевод Н. Тульчинской (11, стр. 276—277).

ПИСЬМО МАНУЭЛЮ МЕРКАДО

Лагерь Дос Риос, 18 мая 1895 г.

Дорогой брат мой!

Наконец-то я могу написать Вам, наконец-то могу сказать, с какой нежностью, благодарностью и уважением я отношусь к Вам и Вашему дому, — ведь он и мой дом, я горжусь им и многим ему

обязан. Каждую минуту я могу погибнуть за родину, пасть, выполняя свой долг, я знаю, в чем он состоит, и у меня хватит мужества выполнить его до конца. Мы должны добиться независимости Кубы, иначе Соединенные Штаты захватят Антильские острова и отсюда обрушатся на земли нашей Америки. Все, что я сделал до сих пор, и все, что мне еще предстоит совершить, — все для этого. Нам приходилось молчать и идти окольными путями, — ведь бывают дела, требующие строгой тайны, и стоит объявить о них во всеуслышание, как на пути вырастают непреодолимые препятствия.

Есть народы (к ним относятся и наши народы), кровно заинтересованные в том, чтобы чужестранные империалисты не договорились с испанцами и не проложили через Кубу путь к аннексии стран нашей Америки жестоким, агрессивным и презирующим нас Севером. Этот путь следует преградить во что бы то ни стало, и мы, кубинцы, загораживаем его своей грудью. Обязательства, частные и общественные, помешали братским народам присоединиться к нам и разделить жертву, приносимую нами во имя общего блага, ради кровных интересов народов нашей Америки.

Я жил в недрах чудовища, и знаю его нутро; в руках моих праща Давида...

Здесь я выполняю свой долг. Война Кубы — высшая реальность, несравнимая с неуверенными и жалкими притязаниями аннекционистов-кубинцев и испанцев, относительную силу которым может придать только их союз с испанским правительством. Эта война началась вовремя; даже если все враждебные силы открыто выступят против нас, все

равно еще не поздно помешать аннексии Кубы Соединенными Штатами, ибо они никогда не осмелятся захватить страну, находящуюся в состоянии войны и не желающую аннексии; они не решатся применить оружие и взять на себя ответственность за несправедливую войну против народа, борющегося за независимость Америки.

А Мексика, разве она не найдет разумный и действенный способ своевременно прийти на помощь тому, кто ее защищает? Конечно, найдет, или я подскажу ей правильное решение. Вопрос идет о жизни, и ошибка — смерти подобна. Нужно разумное решение, — я нашел и предложил его, но, раньше чем действовать и подавать советы, я должен сам иметь более широкие полномочия или знать, кто их имеет. Я только что прибыл сюда, создание правительства может еще затянуться месяца на два, если мы хотим, чтобы оно имело реальную опору, было устойчивым, действительным и простым. Я знаю, наши стремления и воля страны едины, но все же такие вопросы решают, исходя из обстановки, отношений и условий. Я не хочу ни на йоту превышать те полномочия, которыми я наделен сейчас. Генерал Максимо Гомес, еще четыре человека и я прибыли в шляпке, проложившей себе путь среди бурных волн к скалистому берегу. Две недели бродили мы по горам, нагруженные походными мешками и ружьями, пробираясь сквозь заросли — поднимали людей на борьбу. Готовность этих людей помочь нам заставляет еще сильнее любить их; в душе моей еще более крепнет горячее сочувствие к страждущему человеку и желание восстановить справедливость. В сельской местности мы, вне всякого

сомнения, хозяева положения — настолько, что в течение месяца мне лишь однажды довелось слышать настоящую перестрелку. У ворот городов мы или одерживаем победу, или наша трехтысячная армия вступает в город торжественным маршем под ликующие возгласы народа, охваченного энтузиазмом, граничащим с благоговением. Мы следуем к центру острова. Там я сложу перед революцией, которой помог разгореться, полномочия, данные мне эмиграцией и признанные в стране, — ныне эти полномочия должны быть возобновлены собранием делегатов кубинского народа, то есть вооруженных революционеров.

Революция добивается полной свободы армии, уничтожения всех ограничений, установленных собранием, не представлявшим всего народа, и порожденных недоверием горячей республиканской молодежи, или же властолюбием и страхом какого-либо предприимчивого, сугубо прозорливого каудильо, опасавшегося чрезмерного влияния армии в будущем. Но одновременно революция требует широкого и полного республиканского представительства и управления страной в том же духе гуманности, человеческого достоинства и уважения к личности, который вдохновляет и поддерживает революционеров в освободительной борьбе. Что касается меня, то я прекрасно понимаю, что нельзя руководить народом, игнорируя его живую душу. Я отлично знаю, как воспламеняются сердца и люди поднимаются на смертный бой, когда в душе горит святой огонь. Но что касается формы общественного устройства, то здесь приходится учитывать и помыслы и дела людские, ибо люди сами творят свою судьбу. Вы

знаете меня. Я буду защищать только то, что гарантирует победу революции и служит ей. Я сумею стать рядовым и не почувствую от этого никакой обиды, ибо буду знать, что идея моя жива. А когда мы обретем форму общественного устройства, то станем претворять ее в жизнь, независимо от того, буду делать это я или другие...

Перевод Н. Тульчинской (11, стр. 280—283).

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОСЕ МАРТИ

- 1853 г., 28 января Хосе Марти-и-Перес родился в Гаване
- 1865 г., 19 марта Марти посещает мужскую муниципальную школу.
- 1869 г., 23 января В газете «La Patria Libre» публикуется драма Марти «Абдала».
- 21 октября Марти арестовывают по обвинению в неблагонадежности.
- 1870 г., 4 марта Военный трибунал приговаривает Марти к шести годам тюремного заключения.
- 1871 г., 15 января Марти высылают в Испанию. В Мадриде Марти публикует памфлет «Политическая тюрьма на Кубе».
- 31 мая Поступает учиться в Мадридский университет.
- 1874 г., июнь — октябрь Сдает все экзамены и получает диплом лиценциата гражданского и канонического права, а также диплом с отличием лиценциата философских и филологических наук.
- 1874 г., декабрь Выезжает из Испании через Францию и Англию в Мексику.

- 1875 г., 8 февраля Прибывает в Мексику, где вскоре начинает сотрудничать в мексиканском журнале «La Revista Universal».
- 1876 г., ноябрь — декабрь На конгрессе трудящихся Мексики Марти представляет рабочих штата Чиуауа. В Мексике устанавливается диктатура Порфирио Диаса. Марти покидает Мексику.
- 1877 г., 6 января — 24 февраля Под своим вторым именем — Хулиан Перес — он находится в Гаване. Затем выезжает в Гватемалу.
- 29 мая Марти назначается преподавателем французской, английской, итальянской и немецкой литературы и истории философии в Центральной нормальной школе Гватемалы.
- 20 декабря Жеститьба Марти на кубинке Кармен Сайас-и-Басан.
- 1878 г., 6 июля Покидает Гватемалу и выезжает в Гондурас.
- 3 сентября Вместе с женой прибывает в Гавану.
- 12 ноября В семье Марти рождается сын Хосе Марти-и-Сайас Басан.
- 1879 г., 12 января Марти избирается секретарем отделения литературы в лицее Гуанабакоа.
- 21 апреля На банкете в честь журналиста Адольфо Маркеса Стерлинга Марти заявляет, что является противником автономистской политики.
- 25 сентября Марти за революционную деятельность высылают с Кубы в Испанию, откуда он в декабре того же года через Париж выезжает в США.

- 1880 г., 3 января Прибыл в Нью-Йорк. После отъезда генерала К. Гарсиа на Кубу, где шла «Малая война», он назначается вместо него председателем Кубинского революционного комитета.
- декабрь Конец «Малой войны». Марти начинает борьбу за создание революционной партии, способной повести кубинский народ на победоносное вооруженное восстание против испанского колониального режима на Кубе.
- 1882 г. Марти публикует сборник стихов «Исмаэлильо», пишет (и оставляет в рукописи) большую часть «Свободных стихов».
- 1884 г., 20 октября Марти пишет письмо Максимо Гомесу, в котором подвергает критике ошибочные планы освобождения Кубы, разработанные Гомесом и Масео.
- 1887 г., октябрь Под председательством Марти в Нью-Йорке создается Исполнительная комиссия, призванная содействовать объединению в единую революционную партию всех патриотических сил как в эмиграции, так и на острове.
- 16 декабря Марти от имени Исполнительной комиссии обратился к М. Гомесу с предложением принять участие в будущей войне за независимость Кубы. Предложение было с готовностью принято.
- 1889 г., 21 марта Марти публикует письмо «В защиту Кубы».
- 1889—1890 гг. Марти публикует серию статей о первой Панамериканской кон-

- ференции, проходившей в Вашингтоне 2/X 1889—19/IV 1890, в которых разоблачает панамериканизм.
- 1890 г. Марти назначается консулом Аргентины и Парагвая в Нью-Йорке, избирается президентом Испано-американского литературного общества в США.
- 1891 г., 30 марта Как представитель от Уругвая, Марти выступает с докладом на Межамериканской валютной конференции в Вашингтоне. Марти издает «Простые стихи».
- октябрь Отказывается от постов консула и президента Испано-американского литературного общества и всецело отдается революционной работе.
- 26 ноября В Кубинском лицее города Тампы произносит речь «Со всеми и для блага всех».
- 28 ноября Утверждаются «Резолюции кубинских эмигрантов в Тампе», являющиеся преамбулой к программе Кубинской революционной партии (КРП).
- 1892 г., 5 января На ассамблее президентов кубинских клубов под председательством Марти принимается решение о создании КРП.
- 14 марта Выходит из печати первый номер газеты «La Patria».
- 8 апреля Марти избирается делегатом КРП.
- 10 апреля Официальное провозглашение КРП.
- июль — декабрь Марти предпринимает серию поездок с целью объединения патриотических сил.

- 1893 г., 31 января На собрании в Хардман-Холле объявляется о решительном разрыве КРП с политикой автономизма.
- 10 апреля Марти вновь избирается делегатом КРП.
- 24 мая Публикуется манифест КРП.
- 1894 г., апрель Марти вновь избирается делегатом, ведет важные переговоры с приехавшим к нему в Нью-Йорк генералом М. Гомесом.
- октябрь Марти приступает к окончательной разработке плана высадки на Кубе трех экспедиций с людьми и оружием из порта Фернандина на южном побережье США.
- 1895 г., 10 января В результате доноса предателя «план Фернандина» терпит неудачу. Власти США конфискуют оружие повстанцев.
- 29 января В Нью-Йорке Марти подписывает приказ о начале восстания на Кубе и выезжает в Санто-Доминго к М. Гомесу.
- 24 февраля Восстание в Байре. Начало войны за независимость Кубы.
- 25 марта Марти составляет и подписывает совместно с М. Гомесом «Манифест Монтекристи».
- 11 апреля Марти, М. Гомес и четверо их товарищей высаживаются на побережье Кубы в небольшой шлюпке.
- 16 апреля Марти присваивается высшее воинское звание генерал-майора Освободительной армии.
- 2 мая Марти направляет из Гуантанамо письмо в газету «The New York Herald», в котором харак-

теризует цели, методы и задачи войны за независимость на Кубе.

6 мая

Марти произносит речь перед тысячами повстанцев в их лагере, расположенном в Хагуа.

18 мая

Марти пишет Мануэлю Меркадо письмо — итог его революционной деятельности и завещание.

19 мая

Марти убит в бою под Дос-Риос (провинция Ориенте, Куба).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агилера Х. А. 28
 Аграмонте И. 19, 20, 155
 Адамс Д. К. 71, 72
 Альмейда Х. 161
 Аристотель 169
 Аткинс 13
- Балиньо К. 41, 152
 Батиста Ф. 143, 144,
 155, 160
 Белинский В. Г. 32
 Блейн Д. Г. 76
 Боливар С. 9, 10, 40, 72,
 143, 145
 Боса Масвидал 146
 Бьюкенен Д. 74
 Бэкон Ф. 89, 174
- Варела-и-Моралес Ф.
 17—19, 88
 Вашингтон Д. 41
 Вентимилья 107
 Верещагин В. В. 32
 Визен Л. И. 7
 Вильен, де 89, 174
 Вильяверде С. 129
- Галилей Г. 89, 174
- Ганди М. К. 145
 Гарсиа К. 21, 28, 34,
 35, 196
 Гегель Г. В. Ф. 86, 87
 Гейне Г. 32
 Геккель Э. 93
 Гексли Т. Г. 93
 Гертер К. 162
 Гильен Н. 162
 Гомес М. 20, 34, 35, 37,
 105, 106, 191, 196,
 198
 Гонкуры, Жюль и Эд-
 монд 131
 Грант У. С. 74
 Грахалес М. 16
 Гюго В. 32
- Дарвин Ч. 30, 92, 93,
 97, 99—102
 Дельмонте Д. 22, 129
 Демокрит 95
 Джефферсон Т. 58, 71
 Диас П. 27, 195
 Дюранти 131
- Журавлев В. 167
- Зайцева М. И. 175

- Золя Э. 131
 Идальго М. 9, 145
 Кабальеро Х. А. 18
 Кабралес М. 16
 Кампос М. 47
 Касаль Х. 133, 134
 Кастро Р. 156
 Кастро Ф. 148, 150,
 155—157, 161
 Катала Р. 101
 Катон 153
 Каттинг 83, 163, 182
 Кеннеди Д. 147, 148
 Кесада Г. 81
 Кобизальяс У. В. 143, 144
 Корнель П. 173
 Краузе К. 86, 87, 110
 Курбе Г. 131
 Кювьё Ж. 94

 Лайель Ч. 93, 97
 Ленин В. И. 68, 69, 75,
 80, 84, 88, 162
 Ленсе 158
 Леон-и-Кастильо 46
 Линкольн А. 41, 83, 163,
 182
 Лонгфелло Г. У. 134,
 140
 Лус-и-Кабальеро Х. 17—
 19, 87

 Макглинч 30, 111, 113,
 146, 158
 Маняч Х. 147
 Маринельо Х. 32, 40
 Маркес Стерлинг А. 195
 Маркс К. 31, 74, 153,
 154, 162

 Марти-и-Сайас Басап Х.
 190
 Масео А. 16, 20—22, 34,
 35, 105, 106, 155,
 157, 196
 Мелья Х. А. 41, 152,
 153
 Мендес И. 101
 Мендиве Р. М. 22, 129
 Меокадо М. 83, 188, 199
 Мэзон Д. 73

 Нельсон Х. 71
 Нуньес Хименес А. 17

 Огарев Н. П. 32
 Ордоки Х. 152
 Ортис Ф. 125

 Пейн Т. 58
 Пирс Д. 73
 Пласидо (Вальдес Г.) 129
 Платон 169
 Платт О. 84
 Полк Д. 72
 Портуондо Х. А. 128,
 134
 Пушкин А. С. 32

 Ришелье А. Э. 172
 Роа Р. 162
 Робредо М. С. 17
 Родригес-Эмбиль Л. 144,
 145
 Роиг де Леучсенриг Э. 7
 Росас А. 107
 Руссо Ж.—Ж. 58

 Савич О. 168
 Сайас-и-Басап К. 27, 195
 Сакариас Гонсалес дель
 Валье Х. 19

- Сакарнас Гонсалес дель Уитмен У. 135, 139
 Валье М. 19
 Сако Х. А. 17 Фернандес де Кастро Р.
 Сандовал 149 48
 Сан-Мартин Х. 9 Франсиа Х. Р. Г. 107
 Сеспедес К. М. 19, 20, Хименес-Грульон Х. И.
 151, 155 116
 Солтен Ф. 96
 Соррилья 137
 Соуле П. 73
 Столбов В. С. 7, 168 Шанфлёри (Флёри
 Суарес-и-Ромеро А. 129 Ж. Ю.) 131
- Твен М. 136, 140 Энгельс Ф. 68, 69, 131
 Техера Д. В. 152 Эпикур 95
 Толстой Л. Н. 32 Эредиа Х. М. 16, 22,
 Тульчинская Н. 186, 129
 188, 193
 Тургенев И. С. 32 Эстрада Пальма Т. 53
 Эстрасулас Э. 137

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Гражданская война в Северной Америке. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 15.
2. *Маркс К.* Революционная Испания. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 10.
3. *Энгельс Ф.* Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии». *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21.
4. *Ленин В. И.* Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33.
5. *Ленин В. И.* Две утопии. Полн. собр. соч., т. 22.
6. *Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма. Полн. собр. соч., т. 30.
7. *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27.
8. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18.
9. *Ленин В. И.* Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Полн. собр. соч., т. 12.
10. *Ленин В. И.* Тетради по империализму. Полн. собр. соч., т. 28.
11. *Марти Х.* Избранное. М., 1956.
12. *Марти Х.* Испанская республика перед лицом Кубинской революции. В кн.: «Прогрессивные мыслители Латинской Америки». М., 1965.
13. *Марти Х.* Наши идеи. В кн.: «Прогрессивные мыслители Латинской Америки». М., 1965.

14. *Марти Х.* Североамериканские сцены. М., 1963.
15. *Марти Х.* [Философские идеи]. В кн.: «Прогрессивные мыслители Латинской Америки». М., 1965.
16. *Marti J.* Obras completas, vol. I. La Havana, 1964.
17. *Marti J.* Obras completas, vol. II. La Havana, 1964.
18. Первая Гаванская декларация. В кн.: *Кастро Ф.* Речи и выступления. М., 1960.
19. Вторая Гаванская декларация. *Кастро Ф.* Речи и выступления. М., 1963.
20. *Визен Л.* Хосе Марти. Хроника жизни повстанца. М., 1964.
21. Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826). Сборник статей. М., 1964.
22. *Зорина А. М.* Из героического прошлого кубинского народа. М., 1961.
23. *Кастро Ф.* Речи и выступления. М., 1960.
24. *Кастро Ф.* Речи и выступления. М., 1963.
25. Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
26. *Леучсенринг Роуз де Э.* Хосе Марти — антиимпериалист. М., 1962.
27. *Маринельо Х.* Борец за свободу и национальную независимость. «Правда», 28 января 1953 г.
28. Нации Латинской Америки. М., 1964.
29. *Нуньес Хименес А.* География Кубы. М., 1960.
30. *Портуондо Х. А.* Исторический очерк кубинской литературы. М., 1961.
31. Пять лет кубинской революции. Сборник статей. М., 1963.
32. *Рока Б.* Куба — свободная территория Америки. М., 1961.
33. *Рока Б.* Основы социализма на Кубе. М., 1961.
34. *Слезкин Л.* Испано-американская война 1898 года. М., 1956.
35. *Фонер Филип С.* История Кубы и ее отношений с США 1845—1895 годы. М., 1964.
36. *Фостер У. Э.* Очерк политической истории Америки. М., 1953.

37. Чека Х. К. Очерки о странах Латинской Америки. М., 1960.
38. Шур Л. А. Россия и Латинская Америка. М., 1964.
39. Bannon J. E. and Dunne P. M. Latin America. An Historical Survey. Milwaukee, 1947.
40. Català R. Martí y el Espiritualismo. La Habana, 1942.
41. Cobiellas U. V. Nuestra América y la evolución de Cuba. La Habana, 1944.
42. Crawford W. R. A Century of Latin-American Thought. Cambridge, Mass., 1961.
43. Cue Cánovas A. Martí el escritor y su época. México; 1961.
44. González M. P. José Martí Epic Chronicler of the United States in the Eighties. Chapel Hill. The University of North Carolina Press, 1953.
45. Guerra-y-Sánchez R. Historia de la Nación Cubana. Vol. I-X, La Habana, 1952.
46. Jenks L. H. Our Cuban Colony. A Study in Sugar. Study in American Imperialism. New York, 1928.
47. Jimenes-Grullón J. I. La filosofía de José Martí. La Habana, 1960.
48. Jorrin M. Martí y la filosofía. La Habana, 1954.
49. Leuchsenring Roig de E. Martí y las religiones. La Habana, 1941.
50. Leuchsenring Roig de E. La república de Martí. La Habana, 1943.
51. Leuchsenring Roig de E. La revolución de Martí. 24 febrero de 1895. La Habana, 1941.
52. «Libro de Cuba». La Habana, 1954.
53. Lizaso F. Martí, crítico del arte. La Habana, 1953.
54. Lizaso F. Proyección humana de Martí. Buenos-Aires, 1953.
55. Mañach J. Martí. Apostle of Freedom. New York, 1950.
56. Marinello J. Actualidad americana de José Martí. La Habana, 1945.
57. Marinello J. Cuestión Racial en la Constitución. La Habana, 1940.

58. *Marinello J.* José Martí escritor americana. Martí y el modernismo. México, Grijallo, 1958.
59. Martí en Moscú. Homenaje en su centenario. La Habana, 1953.
60. *Méndez M. I.* Martí. Estudio critico-biográfico. La Habana; 1941.
61. *Ortiz F.* Martí y las Razas. La Habana, 1942.
62. *Rodríguez C. R.* José Martí and Cuban Liberation. New York, 1953.
63. *Rodríguez-Embil L.* José Martí el Santo de América. La Habana, 1941.
64. *Santovenia E. S.* Martí legislator. Buenos-Aires, 1943.
65. *Santovenia E. S.* Política de Martí. La Habana, 1943.
66. *Sterling M. S.* Martí, maestro y apóstol. La Habana, 1942.
67. "Trajectory and Actuality of Martí" (Guide and outline for use in activities in honor of Martí). Center of studies on Martí. La Habana, 1961.
68. *Vitier M.* La filosofía en Cuba. México-Buenos-Aires; 1948.
69. *Vitier M.* Martí. Estudio integral. La Habana, 1954.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава первая. МАРТИ И ЕГО ЭПОХА	9
1. Остров сахара и рабов	—
2. Жизнь — подвиг	22
Глава вторая. «КУБА ДОЛЖНА ОСВОБОДИТЬСЯ КАК ОТ ИСПАНИИ, ТАК И ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ»	38
1. Апостол свободы и независимости Кубы	—
2. Кубинская революционная партия	50
3. Республика «со всеми и для блага всех»	56
4. Воинствующий антиимпериалист	70
Глава третья. «МЫСЛИТЬ — ЗНАЧИТ СЛУЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ»	86
1. От идеализма к материализму	—
2. Социологический реализм	103
3. Свободомыслие и критика католицизма	109
4. Этика. Патриотизм и гуманизм	118
5. Эстетика. От революционного романтизма к реализму	128
Глава четвертая. МАРТИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КУБА	143
1. Два отношения к наследству Марти	—
2. Великий предшественник социализма на Кубе	150

Приложение. ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХОСЕ МАРТИ	165
Даты жизни и деятельности Хосе Марти	194
Указатель имен	200
Литература	203

Терновой, Олег Сергеевич

ХОСЕ МАРТИ. М., «Мысль», 1966
208 с. (Мыслители прошлого)

1 Ф

Редактор *М. Н. Делограмматик*
 Оформление серии художника *В. А. Носкова*
 Гравюра художника *А. И. Калашникова*
 Художественный редактор *Л. А. Кулагин*
 Технический редактор *Р. В. Москвина*
 Корректоры *В. С. Матвеева, Т. С. Пастухова*

Сдано в набор 18 ноября 1965 г. Подписано в печать
 28 января 1966 г. Формат бумаги 70×90¹/₂, № 2. Бумажных
 листов 3,25. Печатных листов 7,6. Учетно-издательских
 листов 6,97. Тираж 19 500 экз. А11614. Цена 25 коп. Зак. 1105
 Св. темплан обществ.-полит. лит-ры 1965 г. № 347

Издательство «Мысль»
 Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 37 Главполиграфпрома
 Комитета по печати при Совете Министров СССР.
 Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.